

Оле Клиндт-Йенсен
ДАНИЯ
ДО ВИКИНГОВ

б а р б а р и с у м

b a r b a r i c u m

OLE KLINDT-JENSEN

DENMARK
BEFORE
THE VIKINGS

London
Thames and Hudson
1957

б а р б а р и с у м

ОЛЕ КЛИНДТ-ЙЕНСЕН

ДАНИЯ
ДО
ВИКИНГОВ

Санкт-Петербург
Евразия
2003

ББК 63.4(3)
УДК 931
К49

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина Вадима Альбертовича

Научный редактор к. и. н. *Хлевов А. А.*

Клиндт-Йенсен Оле

К49 Дания до викингов: Пер. с англ. Саниной А. П. — СПб.: Евразия, 2003. — 288 с., илл.
ISBN 5-8071-0119-7

Книга Оле Клиндт-Йенсена интересна с нескольких точек зрения. Прежде всего, это добротное, написанное живым и образным языком произведение, в котором отражена драматичная и насыщенная яркими деталями архаическая история небольшой страны Северной Европы — история, доведенная автором до логического рубежа — начала эпохи викингов. Однако содержание книги и ее значение существенно выходят за пределы заявленной в названии тематики. Она удачно сочетает в себе рассказ о блестящих находках, являющихся гордостью Дании и датской науки с детальным и предельно образным воссозданием того контекста, в котором эти находки «жили» много веков назад. Надеемся, что выход на русском языке книги выдающегося датского ученого позволит отечественному читателю удовлетворить закономерный интерес к ярчайшей и самобытной культуре архаической Дании и доисторического прошлого Европы в целом.

© Санина А. П., перевод, 2003
© Хлевов А. А., вступительная статья, 2003
© Лосев П. П., обложка, 2003
© Издательская группа
«Евразия», 2003

ISBN 5-8071-0119-7

Содержание

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	6
Введение	17
Глава I. Палеолит	22
<i>Ледниковый период и первые охотники</i>	
Глава II. Мезолит	31
<i>Лесной период</i>	
Глава III. Неолит	52
<i>Начало земледелия</i>	
Глава IV. Бронзовый век	90
Глава V. Доримский железный век . . .	128
Глава VI. Римский железный век	159
Глава VII. Темные века	188
Глава VIII. Доисторический ландшафт	208
Глава IX. <i>Данефе</i> , раскопки и коллекции	217
Библиография	225
Указатель	229
Пояснения к иллюстрациям	239
Иллюстрации	247

Предисловие к русскому изданию

Предлагаемая вниманию читателя книга Оле Клиндт-Йенсена — выдающегося датского археолога, историка и искусствоведа — интересна с нескольких точек зрения. Прежде всего, это добротное, написанное живым и образным языком научно-популярное произведение, в котором отражена драматичная и насыщенная яркими деталями архаическая история небольшой страны Северной Европы, история, доведенная автором до логического рубежа — начала эпохи викингов. Однако содержание этой книги и ее значение существенно выходят за пределы заявленной в названии тематики. Собственно, иначе и быть не могло, и дело здесь, прежде всего, в объективном положении вещей.

Датской земле судьбой было уготовано стать не только родиной наиболее активных викингов и их вождей, не только породить старейшую в Европе монаршую династию, но и занять в иерархии государств Средневековья место, несопоставимое с площадью и ресурсами страны. В XIX столетии именно

Дания фактически стала родиной научной археологии — науки, заполняющей ту грандиозную лакуну в знаниях о прошлом, которую неспособна была существенно сократить традиционная письменная история. Равнинный рельеф страны, мягкий климат и сочетание прибрежных и морских ландшафтов создавали идеальные условия для заселения и освоения этих земель сразу же после отступления ледника, что и было незамедлительно сделано первопоселенцами еще около 12 тысяч лет назад. Учитывая, что Дания являлась ядром территории, где формировался германский суперэтнос, принимая во внимание то обстоятельство, что именно отсюда могли выйти предки кельтов, а также отметив, что есть все основания рассматривать Северную Европу (и Данию в частности) как прародину индоевропейских племен, мы имеем полное основание ожидать от этой земли ярких и самобытных находок, относящихся к различным эпохам прошлого. И раскопки — планомерные или случайные — с весьма давних времен постоянно подтверждают и оправдывают эти ожидания, тем более что существует ряд обстоятельств, способствующих сохранению археологического материала. Так, в Дании достаточно часто встречаются микроландшафты со специфическим химическим составом почвы, что создает условия для консервации органики и позволяет сохраняться практически в неповрежденном

виде многочисленным изделиям из дерева, кости и ткани. Дания и прилегающие к ней области Германии — это территория, на которой был в течение длительного времени весьма распространен обычай совершения жертвоприношений в болотах путем утопления имущества, оружия, кораблей, живых или предварительно умерщвленных людей. В результате мы располагаем грандиозным количеством прекрасно сохранившихся объектов, имеющих колоссальную научную ценность и значимость. К тому же многие эпохи древнейшей истории Дании представляют собой своего рода эталон, позволяющий говорить о центральной роли этого региона в формировании материальной (а возможно, и не только материальной) культуры всей Северной Европы. И если находки эпохи викингов или непосредственно предшествующего ей вендельского периода наиболее показательны в Швеции и, вероятно, в Норвегии, то во всех остальных периодах архаического прошлого безраздельно царит Дания. Поражающие воображение богатством и, самое главное, объемом, без преувеличения многокилограммовые клады золотых колец и украшений; великолепные, мастерски выполненные произведения искусства и оружие из бронзы, равнозначные по своей художественной ценности и эффективности с аналогичными синхронными находками из Восточного Средиземноморья; вызывающие восхищение

каменные орудия с характерной ретушью и полировкой неолитического времени; богатая и во многом эталонная кремневая индустрия мезолита — все это Дания.

Неудивительно, что именно на этой земле родилась европейская археологическая наука. Именно датчане стали родоначальниками и законодателями мод как в том, что именуется полевой археологией (то есть в практике проведения непосредственных полевых исследований), так и в области теории археологии; а это повлекло за собой становление научной теории развития первобытного общества в целом. Опираясь привычными и понятными нам терминами «каменный век», «бронзовый век», «железный век», мы должны помнить, что в научный оборот они были введены именно с легкой руки нескольких великих датчан, живших в XIX столетии.

Именно об этом и повествует книга Оле Клиндт-Йенсена. Она удачно сочетает в себе рассказ о блестящих находках, являющихся гордостью Дании и датской науки, с детальным и предельно образным воссозданием того контекста, в котором эти вещи «жили» много тысячелетий или веков назад. Клиндт-Йенсен принадлежит к числу исследователей, совершенно справедливо полагающих, что извлечением из земли предмета, его описанием, изучением и помещением в соответствующую графу огромной таблицы древностей труд археолога не заканчивается. На

самом деле это только начало большой и кропотливой работы по воссозданию «доисторической истории», сравнимой с деятельностью детектива или криминалиста, разведчика и дешифровщика, когда по отдельным разрозненным фактам и намекам, косвенным обстоятельствам и догадкам перед нами начинает разворачиваться картина давно ушедшего прошлого. В результате вместо куска кремня, бронзового топора или следов давно истлевших столбов, поддерживавших некогда крышу давно исчезнувшего дома, перед нами встает фрагмент насыщенной звуками и запахами — не говоря уже о визуальных образах — жизни людей отдаленной эпохи, о которых, как выясняется, мы можем узнать почти всё (для не столь отдаленных времен — иногда даже их имена). Для археологии такой результат — работа даже не на «отлично»: адекватных оценок в шкале просто не существует. Одновременно это ответ на те возражения, которые в XX веке высказали сторонники «чистой археологии»: возражения, сводимые к тому, что археолог обязан лишь выстраивать типологию вещей, не анализируя стоящей за ними живой истории. Как представляется, эта книга является исчерпывающим ответом адептам подобных идей.

Помимо блестящего и сбалансированного рассказа о прошлом Дании автор уделяет большое внимание становлению датской

археологической науки и тем этапам, которые она прошла. Учитывая, что имена Ворсо, Мюллера и Томсена для археологии значат примерно то же самое, что имя Дарвина для эволюционной теории или Менделеева — для химии, эта часть книги представляет собой самоценное произведение. Не менее интересна и последняя глава, в которой рассмотрена история охраны археологических памятников в Дании. По сути дела, уже в середине XIII столетия страна получила первые прецеденты законодательных актов, отражающих установление государственного контроля над кладами и находимыми в земле древностями (обнаружение которых, судя по всему, было весьма частым явлением). Это дает нам основание рассматривать Данию в качестве обладательницы старейшего кодекса о защите культурного наследия, хотя изначально, разумеется, за этим вряд ли стояло что-то большее, нежели желание королей наложить руку на драгоценные, необычные и редкие находки, пользуясь своим освященным традицией и законом правом. Однако результат оказался налицо: концентрация археологических памятников на единицу площади и на душу населения в Дании впечатляет, и это — следствие не только общего богатства страны археологическим материалом, но и весьма бережного и внимательного отношения власти к наследию своего народа на протяжении многих веков.

Оле Клиндт-Йенсен относится к числу наиболее ярких и значимых датских исследователей второй половины XX столетия. Его перу принадлежит ряд как сугубо научных, так и популярных монографий, а также множество статей, посвященных преимущественно эпохе викингов, но, кроме того, затрагивающих наиболее существенные моменты истории предшествующего периода. Особой темой в исследованиях автора всегда остается искусство разных периодов скандинавской истории. Стоит отметить, что в 1950–1960-х годах сложился и оформился своеобразный творческий союз Оле Клиндт-Йенсена и его британского друга и коллеги — Дэвида-Мэри Вильсона. Плодотворное сотрудничество двух талантливых историков, археологов и популяризаторов науки вылилось в ряд совместных публикаций, из которых большой интерес представляет вышедшая в 1966 году совместная монография «Искусство викингов». В случае с «Данией до викингов» Д.-М. Вильсон выступил в качестве переводчика, подготовив английский текст книги.

Несмотря на солидный возраст книги — а она впервые была издана в 1957 году — ни одно из концептуальных положений, высказанных в ней, не устарело и не было опровергнуто. Дальнейшее развитие получили тенденции комплексности археологических исследований, позволяющие всесторонне воссоздавать

контекст археологического памятника. Если во времена написания книги проведение спорово-пыльцевого анализа, химические и биологические исследования, сопровождающие полевую работу, а также привлечение других естественнонаучных методик проходили по разряду чрезвычайно желательных, то сегодня они являются обязательными, что позволяет детально реконструировать все мельчайшие подробности ландшафтных характеристик изучаемого местообиталища, а также «ловить» многочисленные и важные подробности, теряющиеся без применения подобных методик. Есть в книге высказывания, с которыми порой хочется поспорить. Так, упоминаемая автором как нечто аксиоматичное теория превращения римского письма в рунический алфавит даже в датской рунологической литературе на сегодняшний момент не является господствующей, выступая лишь в качестве одного из возможных сценариев рождения феномена рун*. Однако в общем и целом труд мэтра датской археологии сохраняет свою актуальность и по сей день.

Подборка литературы, приведенная в конце книги, представляет собой отличное подспорье для заинтересовавшихся данной тематикой, тем более что многие из приведенных

* См. Moltke E. The runes and their origin: Denmark and elsewhere. Copenhagen, 1985; Morris R. L. Runic and Mediterranean epigraphy. Odense, 1988.

в ней книг стали частью золотого фонда мировой археологической литературы и относительно доступны даже в российских библиотеках — в частности, работы Й. Брендстеда и Х. К. Брохольма. Кроме того, следует указать читателю на блестящие публикации всех четырех знаменитых «болотных находок», принадлежащие К. Энгельхардту*. Из относительно недавней литературы стоит упомянуть два сборника статей, дающих панорамное представление о новейшей проблематике различных эпох истории Дании и сопредельных пространств. Это — материалы проходившего в Роскилле семинара, посвященного аспектам морской истории Севера**, а также чрезвычайно интересный сборник «От племени к государству в Дании», вышедший в Орхусе***. Кроме того, отметим посвященную относительно более позднему, но смежному периоду монографию выдающегося датского археолога Клауса Рандсборга****.

* «Kragehul Mosefund. 1751–1865» (Kjøbenhavn, 1867), «Nydal Mosefund. 1859–1863» (Kjøbenhavn, 1865), «Thorsbjerg Mosefund» (Kjøbenhavn, 1863), «Vimose fundet» (Kjøbenhavn, 1869).

** Aspects of Maritime Scandinavia AD 200–1200. Proceedings of the Nordic Seminar on Maritime Aspects of Archaeology. Roskilde, 1989.

*** Fra Stamme til Stat i Danmark. Jernalderens stammesamfund. Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter. Aarhus, 1988.

**** «The Viking age in Denmark: The formation of a state» (London, 1980).

Предисловие к русскому изданию

Надеемся, что русское издание книги Оле Клиндт-Йенсена позволит отечественному читателю удовлетворить закономерный интерес к ярчайшей и самобытной культуре архаической Дании и послужит формированию более отчетливой картины доисторического прошлого Европы и всего человечества.

Хлевов А. А.

Исторические периоды и соответствующие им климаты

1000 г. н. э.	Новое время Средневековье Эпоха викингов Германский железный век	Современный климат
1 г. н. э.	Римский железный век Доримский железный век	Субатлантический климат: прохладный, влажный
1000 г. до н. э.	Поздний бронзовый век	
2000 г. до н. э.	Ранний бронзовый век	Суббореальный климат: теплый, сухой; дубовый лес
3000 г. до н. э.	Неолит	Расчистка лесов человеком
4000 г. до н. э.	Культура эртебёлле	Атлантический климат: теплый, влажный; дубовый лес
5000 г. до н. э.	Культура маглемозе	
6000 г. до н. э.	Древняя приморская культура	Бореальный климат: теплый, сухой; сосновый лес
7000 г. до н. э.		
8000 г. до н. э.	Кластерлунд	Редколесье: береза, сосна
9000 г. до н. э.	Люнгбю	Арктический климат
10000 г. до н. э.	Бромме	Аллерёд: потепление в конце ледникового периода

Введение

Сто пятьдесят лет назад, 22 мая 1807 г., по приказу Кристиана VII, короля датского, в Копенгагене была учреждена Королевская комиссия по сохранению древностей. Ее задачей было сбережение древних памятников и сбор национальных древностей; а в 1815 г. ее секретарем был назначен молодой человек, Кристиан Й. Томсен. Энергия и воображение Томсена создали из находок, стекавшихся в Комиссию, ядро Королевского музея скандинавских древностей, от которого произошел современный Копенгагенский Национальный музей. Под неофициальным названием Древнескандинавского музея он вскоре стал одной самых популярных достопримечательностей Копенгагена, благодаря циклам лекций, проводимых самим куратором. Блестящие лекции Томсена об экспонатах музея и той доисторической эпохе, которую они отражают, связывали прошлое с настоящим; он надевал на шею ребенку массивный золотой обруч и воскрешал в умах слушателей эту древнейшую эпоху.

Илл. 3

Обладая обостренной наблюдательностью, Томсен стал первым ученым, разбившим доисторическую эпоху на три периода, выделив каменный, бронзовый и железный века. За много лет до опубликования своих выводов он организовал экспозицию Древнескандинавского музея именно в такой последовательности. К этой системе, которая в течение некоторого времени была предметом дискуссии, он пришел, подметив, что различные древности многократно встречаются в сочетании друг с другом.

Илл. 1

Второй выдающейся личностью в датской археологии стал Й. Й. А. Ворсо, человек иного склада, но не менее увлеченный. Он осознал важность рассмотрения объектов в их естественном окружении и путешествовал по стране, изучая и раскапывая видимые следы древнего человека (рис. 1). Он уточнил археологические периоды, установленные Томсеном, подразделив каменный и бронзовый века еще на две эпохи каждый. Например, в каменном веке он выделил раннюю фазу, определяемую грубыми орудиями из раковинных куч, и позднюю, для которой характерны полированные кремневые орудия и мегалитические захоронения. Он много путешествовал по Европе, будучи частым гостем, например, на Британских островах; он изучал доисторические культуры в широком контексте, позволившем ему сделать выводы об археологических характеристиках различных

областей. Его труды, основанные на этих исследованиях, отличаются живостью и скрупулезностью. Тот факт, что его первая книга вышла в свет в период подъема национализма, как раз незадолго до середины XIX в., придает ей соответствующую окраску, не нарушая, однако, равновесия. Он усиленно подчеркивал, что предыстория Дании (заглавие одной из его книг) была предварительным условием последующего культурного развития страны. При националистических настроениях того времени подобный акцент только добавил популярности доисторической археологии.

*Рис. 1. Ворсо в форме государственного археолога наблюдает за раскопками Даневирке в Шлезвиге в 1861 г.
Рисунок М. Петерсена*

Был основан новый государственный орган, Инспекция по сохранению древних памятников, который возглавил Ворсо. Руководя ею, Ворсо произвел каталогизацию древних памятников и доисторического материала и инициировал раскопки по всей стране. В 1879 г. он стал директором Древнескандинавского музея, в результате чего обе организации стали работать совместно, что обеспечило музею большее поле деятельности и влияние, чем у большинства других крупных музеев.

Наследником Томсена и Ворсо стал Софус Мюллер, проницательный ученый и выдающийся администратор. В течение шестидесяти лет, с 1870-х гг. и до его смерти в 1934 г., его печатные труды заложили основу, на которой поныне строится изучение датской архаики. Полевая работа не занимала значительной доли его времени, скорее, он полагался на опыт своих превосходных помощников. На основании работы, проделанной этими помощниками, ему удалось (в 1897 г.) наметить для Национального музея программу раскопок, требовавшую от исполнителей тщательного планирования и описания. Этот план подчеркивал необходимость выявления связи между различными археологическими памятниками и фотографирования важных деталей. Софус Мюллер опубликовал большое количество отчетов о раскопках, часто в сотрудничестве со своими коллегами, а иногда со специалистами по ес-

Илл. 2

тественным наукам. Его книга *Vor Oldtid* («Наша предыстория»), изданная в 1897 г., в ясной и живой форме суммирует состояние археологических познаний того времени.

Ученые нашего века базируются на этом прочном фундаменте. Данная книга посвящена их трудам и полученным ими результатам. Читатели, владеющие датским языком, могут найти прекрасный обзор работы, проделанной в этом веке, в трехтомнике Йоханнеса Брэнстеда *Danmarks Oldtid* («Датская предыстория»), изданном между 1938 и 1940 гг.

Глава 1

Палеолит

Ледниковый период и первые охотники

За триста тысяч лет ледникового периода лед трижды продвигался на юг, покрывая собой всю Данию. Трижды он таял, отходил и уступал место роскошной растительности и лесам, в которых обитали животные. Пятнадцать тысяч лет назад лед ушел окончательно. В течение ледникового периода он простирался на три четверти длины Ютландии, формируя в это самое время физические очертания Дании. Замороженные в ледяной капсуле, валуны, песок и глина распространились по всей поверхности страны. Песок через расщелины ледника размывался по Западной Ютландии, а по Восточной Ютландии и островам распределялась глина. Тяжесть и движение льда избороздили скалы Борнхольма. Страна превратилась в равнину с полого вздымающимися холмами.

Таким образом, люди могли населять страну в течение трех периодов; но лишь недавно было признано, что человек действительно присутствовал там в одну из теплых (межледниковых) эпох ледяного века, хотя

доказательство находилось у нас в руках уже более полувека. Изучая фауну ледникового периода, зоолог Ульрик Мёль исследовал не приметную коллекцию костей лани, датированных последним межледниковым периодом, т. е. примерно 50000 г. до н. э. Когда же он попытался склеить фрагменты, обнаружилось, что кости были расколоты тяжелым рубящим инструментом с целью добыть костный мозг. Поскольку это могло быть сделано только руками человека, а лань в Дании не встречается с ледникового периода, невозможно избежать вывода о том, что в эту эпоху в Дании жили люди. Возможно, речь идет о неандертальце, который выследил и убил лань в лесу этого периода. Хотя в Дании мы располагаем возможными остатками только одной трапезы, нам достаточно известно о неандертальском человеке из других источников, чтобы в какой-то степени восстановить его образ жизни. Он жил в шалашах и пользовался некоторыми характерными кремневыми орудиями. Эти люди, с выступающими надбровными дугами, низкими лбами и мощными челюстями, умели добывать и использовать огонь; они охотились, собирали растения и плоды. Когда страна была покрыта лесами, им удавалось поддерживать свое существование благодаря окружающим их природным ресурсам, но, когда лед продвинулся вперед и на смену лесам пришла тундра, они вымерли.

Лишь тогда, когда лед окончательно растаял и условия стали более благоприятными, мы снова находим следы охотников, которые следовали за дикими животными по пути их миграции к новым северным пастбищам. Климат был прохладным, но летом было достаточно тепло для морозоустойчивых растений, которые появились в изобилии; в этих условиях процветали *bedstraw*, *hepatica*, *beag beggu*, полярная береза и множество видов трав. Позднее, в более влажные переходные периоды (периоды Бёллинг и Аллерёд) появились прозрачные березовые рощи.

В более холодные эпохи летняя температура колебалась между 46° и 50° по Фаренгейту, а в течение периода Аллерёд температура поднялась до 55° и 57°. Несмотря на огромную, до нескольких тысяч лет, протяженность времени, приходящегося на поздний ледниковый период, следы присутствия охотников редки. Однако кажется вероятным, что в стране обитало лишь несколько групп охотников, нуждавшихся в огромных участках территории, способных обеспечить их достаточным количеством пищи.

Подчас найденные орудия, вроде разнообразных ножей, сделанных из рога северного оленя, можно отнести к позднему ледниковому периоду. Люди этой эпохи, возможно, принадлежали к группе охотников гамбургской культуры, которая хорошо известна в областях южнее датской границы на край-

нем юге Ютландии. Они использовали кремневые орудия: наконечники стрел, скребки и различного рода резцы, — а также орудия из оленьего рога и кости. Резец представлял собой остроконечное орудие с поперечным режущим краем и применялся для того, чтобы, делая длинные надрезы в кости и оленьем роге, получить осколки их прочной внешней оболочки; для расщепления этих осколков использовался другой инструмент, так называемый *zinke*, с изогнутым клювообразным сечением.

Охотники самого раннего поселения, обнаруженного на земле Дании, в Бромме на западе Зеландии, хотя и отличны от охотников гамбургских стоянок, находились на том же уровне культурного развития. Поселение располагалось на полуострове, вдающемся в небольшое мелкое озеро. Для археолога расположение поселения каменного века вблизи озера всегда является удачей из-за мусора — материала, который можно найти в нем при некоторых условиях. Точно так же как и его современный собрат, человек каменного века не мог устоять перед всплеском от предмета, брошенного в воду; в результате отвергнутые или ненужные вещи оказывались в озере. При наличии в почве извести и некоторых других химических веществ они сохраняются до нашего времени, даже если это кость или олений рог. К несчастью, хотя условия в Бромме этому и

благоприятствуют, до нас дошло лишь небольшое количество костей.

Должно быть, летом в течение этого периода (период Аллерёд) датский пейзаж выглядел очень гостеприимно. Желтый морской лук, голубой василек и другие цветы мерцали в роскошной траве. На открытом пространстве росли деревья: березы, осины, сосны и рябины, молодые побеги которых привлекали голодных лосей и гигантских благородных оленей. На берегах озер и рек бобры подгрызали деревья, деловито строя свои плотины. Лошади и олени паслись на открытой равнине чуть в стороне от озера. Подобные животные были роскошной добычей для охотника; из шкур изготавливались одежда и шатры; мясо, костный и головной мозг, внутренности шли в пищу. Но прежде чем убить добычу и воспользоваться вышеуказанными благами, приходилось расслаивать и раскалывать твердый кремень, чтобы получить орудия и оружие.

Рис. 2.
Зубцеобразный
наконечник
стрелы
из Бромме

Одним из самых обычных кремневых орудий этого периода является зубцеобразный наконечник стрелы (рис. 2). Чтобы получить его, от кремневого желвака откалывался более тонкий фрагмент, или пластина (с острым и неотбитым кончиком), которая затем тщательно оббивалась у основания и привязывалась к древку, а суженное за счет сколов место давало опору веревочному креплению.

Убив северного оленя, охотник свеживал животное острыми кремневыми пластинами. Пластины, которыми он пользовался, были наподобие ножа неправильной формы, но от этого не менее эффективного. Они откалывались от каменной заготовки, некоторые оббивались или затуплялись, чтобы их было легче держать в руке; можно предположить, что иногда они насаживались на черенок. По остроте такие пластины почти не уступают современному ножу.

Такие же ножевидные пластины, а также маленькие дискообразные кремни служили скребками и использовались для очистки внутренней стороны шкуры (рис. 3, *а*). Для этих нужд часто выбирались пластины

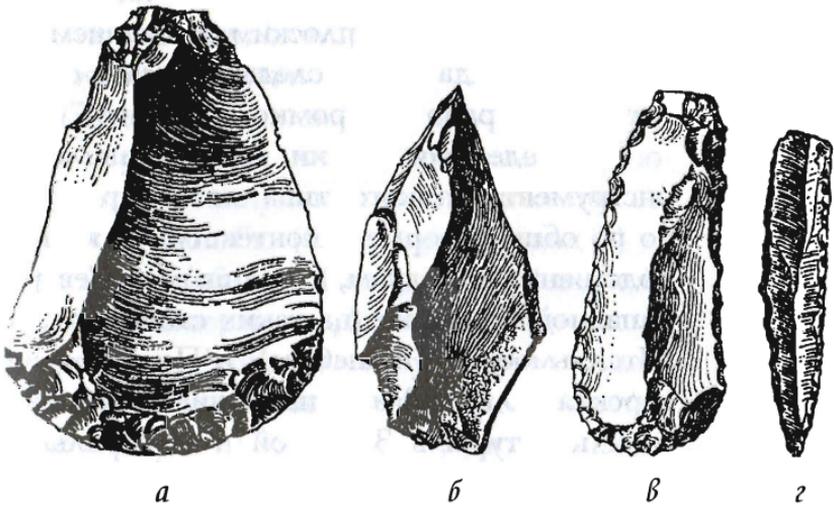

Рис. 3. Кремневые предметы из Кластерлунда
а — овальный скребок; *б* — резец; *в* — скребок из отщепца; *г* — микролит

слегка выгнутого сечения, кромка обкальвалась с тем, чтобы получить более острый угол. Угол скола кромки у этих скребков довольно небольшой, хотя изредка можно видеть и больший угол (столь обычный в последующий период). Обколота кромка часто изогнута, а в случае дискоидных скребков обрабатывалась лишь ее часть (рис. 3, в).

Осколки кости и оленьего рога отделялись с помощью уже упоминавшихся резцов. Резцы людей из Бромме были сделаны довольно неуклюже, режущий край создавался одним или двумя боковыми ударами по отщепу, составлявшими покатую поперечную кромку.

Еще одним орудием людей из Бромме были шилья, грубые куски кремня со стертymi кончиками, и скребки, сделанные из массивных кусков кремня с плоским основанием, на котором иногда видны следы износа, с остро заточенной рабочей кромкой (см. рис. 7).

За пределами Дании точных аналогов инструментов такого типа не обнаружено, но по общей форме и контексту эта группа родственна находкам, сделанным в Северо-Западной Германии (на таких стоянках, как Штельмоор и Пиннеберг), в Польше (свидерская культура) и на памятниках ориньякской культуры в Западной и Центральной Европе. И нельзя исключить, что прототипами наконечников стрел из Бромме послужили так называемые остроконечники типа *Font Robert* с перигорских стоянок.

Древесный уголь из поселения в Бромме датируется примерно 10 000 г. до н. э. на основании метода так называемого радиоуглеродного анализа (углерод 14), разработанного физиками-атомщиками.

Культура Бромме просуществовала достаточно долго, но население Дании в этот период, наверное, было очень малочисленным, поскольку каждому поселению, для того чтобы добыть лишь самое необходимое для жизни, требовалась обширная охотничья территория. Возможно, лишь несколько семей кочевали с места на место, но их потомки прожили в Дании несколько тысяч лет.

На смену мягкому климату периода Аллерёд пришли менее благоприятные условия; по стране снова распространилась тундра, лось и гигантский благородный олень мигрировали к югу, оставив позади северного оленя, лошадь, волка, рысь и лису. В течение этого периода мы наблюдаем самобытную культуру, названную по местоположению ее стоянок в Люнгбю (Северная Ютландия) и Аренсбурге (вблизи Гамбурга в Северной Германии). Впервые в Дании мы встречаемся с топором. Топор этой культуры состоит из длинной рукояти из оленьего рога, ответвление которого обточено так, что образует рубящий край. В Дании было обнаружено несколько таких топоров, и подчас их клюв выдолблен изнутри таким образом, чтобы в него можно было вставить острое кремневое

Илл. 4

лезвие. На одном топоре видны следы, оставленные веревкой, которой оно было привязано; аналогичные орудия с такими же веревочными креплениями еще совсем недавно использовались на Аляске, но, как мы увидим ниже, они не употреблялись для рубки деревьев.

Один из характерных типов осколков, отщепленных от оленьего рога, имеет обоюдоострый кончик. В позднейшем тундровом слое в Люнгбю был найден массивный наконечник стрелы.

Чуть южнее датской границы, в Штельмоор, Гольштейн, была исследована стоянка этого периода. Там были найдены топоры из рога северного оленя и зубцеобразные наконечники стрел, а также гарпунов. Резцы не использовались для отщепления осколков кости или оленьего рога; такие фрагменты получали с помощью сильных ударов топора из оленьего рога.

Найденные в Штельмоор лопатки, пробитые одним или двумя точными выстрелами, являют собой интересное свидетельство проникающей силы стрелы. Одна из самых странных находок, сделанных на этом памятнике, — это череп северного оленя, насаженный, вероятно в качестве жертвоприношения, на конец длинного шеста; другой олень был убит и брошен в болото. Эти жертвы следует понимать как пищу для животных или богов, отвечавших за удачу на охоте.

Глава 11

Мезолит

Лесной период

По завершении последнего холодного периода лед в конце концов растаял и отступил на север, оставив позади Данию, омываемую морем с трех сторон. Страну покрыли леса, и самым обычным деревом стала темно-зеленая сосна. На лесных прогалинах росли трава и низкий кустарник, и только берега рек и моря были свободны от деревьев. В лесах водилась дичь — лось, дикий кабан, медведь, благородный олень и зубр.

Охотники этого периода жили у воды: на берегу озера или на морском побережье. Иногда поселения обнаруживаются и внутри страны, на открытых местах в дюнах или на сопках.

Илл. 6

Мы очень мало знаем о поселениях этих людей, но известны случаи, когда ученые обнаруживали следы нескольких простых хижин, что позволяет нам проникнуть в тогдашнюю строительную технологию. Изучение следов обитания этих людей показало, почему их поселения располагались у озер. В мягком сухом климате этого периода крупные

озера зарастали тростником и покрывались торфом, на котором начинали расти ольха и береза. В Улькеструпе, на острове, возникшем именно таким образом и находящемся неподалеку от берега озера, была построена хижина — вблизи рыбных и охотничьих угодий. У самой ее стены росла огромная ольха; однажды, когда в хижине никого не было, дерево было повалено бурей и при падении сильно повредило дом. При раскопках обнаружилось, что пол сохранился очень хорошо; он состоял из больших полос березовой коры длиной почти в 6 футов, шириной в 1 фут 6 дюймов и толщиной в один дюйм, покрывая площадь 20 × 15 футов. На полу были найдены сосновые ветки и мягкие постели из папоротника-орляка. В центре находился очаг — круглая площадка почти 5 футов в диаметре, где были обнаружены песок, глина и древесный уголь.

На полу лежал двухдюймовый слой кремневых орудий и лесных орехов. Этот слой строго ограничивался рамками прямоугольника хижины, кроме ее юго-восточной, обращенной к озеру, стороны. Здесь пласт мусора продолжается и за пределами хижины; правда, большая часть найденного археологами выкинутого материала была раскопана на участке, который в то время находился ниже уровня воды. Значит, дверь хижины, должно быть, выходила на юго-восток, к озеру; вероятно, лодка вытаскивалась из воды у

самой двери и лежала на куче мусора. Из этого можно заключить, что озеро занимало в мыслях людей главенствующее положение. Из него они добывали свое ежедневное питание и могли наблюдать за приходом и уходом животных и птиц через открытую дверь.

Сосредоточение кремневых изделий и мусора внутри прямоугольника пола показывает, что хижину окружали постоянные, непроницаемые стены. Вероятно, они представляли собой легкие конструкции, сплетенные из камыша и тростника, но не обмазанные штукатуркой, поскольку на этой стоянке следов глины не найдено. Стены поддерживал ряд столбов толщиной с человеческое запястье. Эти опоры встречаются не по всему периметру, и кажется вероятным, что некоторые из них были унесены через какое-то время после того, как хижина была заброшена.

Отдельные находки говорят о времени года, в течение которого в хижине жили люди. Один молодой северный олень, чьи останки были там обнаружены, не мог быть убит раньше июня, а лесные орехи, от которых сохранилось много скорлупок, обычно собирались в конце лета.

Значит, хижина использовалась только летом. Руководитель раскопок тщательно проанализировал орудия, найденные в ней, и заметил, что все маленькие кремневые острия,

известные как микролиты, отличаются одними и теми же особенностями изготовления; это говорит о том, что все они были сделаны одним человеком. Кажется вероятным, что в хижине жила только одна семья, хотя места в ней хватило бы и на гораздо большее количество людей.

Среди предметов, выброшенных или забытых людьми, жившими в хижине, было весло с красивой резьбой почти четырех футов в длину, сделанное из ореховой доски. У него были длинный тонкий черенок и короткая широкая лопасть; это — типичное весло, соответствующее другой находке из зelandского болота в Холмегорде. Признаков лодки не было обнаружено, но если, что кажется правдоподобным, она была изготовлена из шкур, натянутых на деревянную раму, то она должна была быстро истлеть, не оставив и следа. От этого периода до нас не дошло ни одной лодки; но возможно и то, что мезолитические лодки изготавливались из древесных стволов, как это было в более поздние периоды.

Находки из других датских болот обеспечивают нас дальнейшими сведениями об этих людях. Несмотря на то, что единственным инструментом для резьбы по дереву, которым они располагали, был кремневый нож, они умели искусно им пользоваться. Качество их работы можно оценить на примере вышеописанного весла, а также длинного

лука из Холмегорда. Это оружие сужается от толстого центра к концам; в середине находятся две широкие выемки, обеспечивающие надежный захват оружия рукой. Это был мощный лук прекрасных пропорций, который, как показали современные копии, требовал от руки своего владельца немалой силы; и, если бы он не был таким прочным, то сломался бы. Это было действенное оружие, которое использовалось не только для охоты на крупную дичь, но также, о чем свидетельствуют найденные на некоторых стоянках кости, для охоты на птиц. Охотнику помогали собаки двух пород — крупной и мелкой.

При нарезке торфа в болоте в Виге, Северо-Западная Зеландия, был найден скелет, поведавший занимательную историю о мезолитической охоте. Скелет принадлежал дикому зубру, могучему животному с изысканными изогнутыми рогами. Дважды ему удалось уйти от охотников, в первый раз, когда стрелы уже глубоко вонзились в его бок, а во второй раз он был ранен более серьезно. Однако он был еще достаточно силен, чтобы спастись бегством через лес и броситься в небольшое озеро, где он и плавал, пока силы не оставили его; кровь его обогрела прозрачную воду; потом, медленно и беспомощно, он утонул в грязи, покрывшей его израненное тело, пронзенное смертоносными стрелами.

Остатки растений и останки птиц показывают, что изученные археологами стоянки были населены, в основном, в течение летних месяцев. Каждую осень охотники покидали свои поселения, реки и озера и отправлялись на поиски новых охотничьих угодий. Подобно современным охотничьим сообществам, хозяйство и рацион всецело определялись характером окружающей среды, то есть погодными условиями, а также поведением животных, и эту черту мы уже отмечали, говоря о ледниковом периоде.

В Англии, в Стар-Карре, около Скарборо, недавно был исследован памятник, который, как было доказано, принадлежит к той же культуре, что и стоянка в Средней Ютландии, в Клостерлунде. Вместе с гарпунами и кремневыми ножами, найденными при раскопках, был обнаружен ряд причудливо обработанных костяных и роговых фрагментов. Например, некоторые лобные кости благородного оленя с прикрепленными к ним рогами были прорезаны четырьмя отверстиями. Эти отверстия говорят о том, что кость привязывалась к чему-то, и наиболее вероятным представляется то, что этот убор предназначался для головы самого охотника. Подтверждением этой догадки служит рисунок в одной из пещер западноевропейского ледникового периода, на котором изображен человек с оленьими рогами; конечно, мы не можем сказать, использовал ли он олени

рога, чтобы приманить добычу, или исполнял некий магико-религиозный танец, в котором имитировал животных и их движения.

На современном уровне наших познаний мы не в силах решить эту проблему; и, вероятно, можно усомниться, был ли способен мезолитический охотник делать различие между охотничьими уловками и магическими чарами в своих усилиях по поимке добычи. Однако не следует думать, что жизнь охотника полностью поглощалась выслеживанием добычи и сбором пищи. Превосходные украшения — свидетельство того, что эти люди питали интерес не только к предметам первой необходимости. Их искусство, в основном, использует простой узор из выгравированных или процарапанных линий, но время от времени мы сталкиваемся с изображениями человека и животных, выполненными в наивной и самобытной манере. Орудия, оружие и украшения из янтаря, кости и оленьего рога покрывались гравировкой из красивых геометрических узоров или более грубым орнаментом из высверленных углублений. Иногда люди того времени вырезали объемных животных в манере, говорящей о чутком постижении формы и особенностей животного. Медведь в верхней части иллюстрации 5 определяется безошибочно, а о его принадлежности к описываемому периоду свидетельствует тонкий резной орнамент на боку; прекрасными пропорциями отличается и

Илл. 5

Илл. 5

голова лося (в центре справа), датировать которую позволяет орнамент из высверленных углублений и отверстий. Изображения человеческих фигур, возможно, более забавны; например, на иллюстрации 5, внизу, показана небольшая группа людей, вырезанная на массивной кости зубра. Можно предположить, что эта группа является семьей, и, конечно, соблазнительно так и сделать. Справа расположена величавая фигура, возможно, отец, к нему обращены три другие: мать и две дочери; все эти фигуры «закрашены» перекрестными штрихами, а сын слева, возможно, не разделяющий с остальными интереса к важной персоне справа, изображен в быстром движении.

Охотничья культура оставалась неизменной много тысяч лет, но, даже просуществовав до 2-го тысячелетия до н. э., в ходе своей долгой истории она все же претерпела несколько фундаментальных изменений.

Древнейшее из известных поселений культуры маглемозе, стоянка в Кластерлунде в Средней Ютландии, отличается некоторыми характерными чертами. Она располагалась у небольшого озера, окруженного березами, столь обычными для Дании этого периода (8–9 тысяч лет назад). К сожалению, почва Кластерлунда содержит мало извести, поэтому кости и олений рог не сохранились. С другой стороны, очень удачно, что мы располагаем другим важным памятником того же

времени в Стар-Карре (Йоркшир), который дал много сведений о культурных и хозяйственных условиях этого периода. В то время Данию связывал с Англией длинный мост через Северное море, образован он был Доггер-банкой и другими мелями, и кочевые охотники этого периода могли совершенно свободно перемещаться из Стар-Карра в Клостерлунд и обратно. Лишь несколько столетий спустя море залило эту полосу суши и снова отрезало Ютландию от Англии.

Мы уже упоминали о просверленных лобных костях оленя, найденных в Стар-Карре, но этот же памятник предоставил нам и другие олени рога, в которых были сделаны продольные прорезы. От этих рогов резцами отделялись осколки для того, чтобы впоследствии превратиться в наконечники гарпунов и шилья.

В Клостерлунде и Стар-Карре мы сталкиваемся с первыми настоящими кремневыми топорами, изготовленными либо из желвака, либо из отщепа. Именно здесь родился тип орудия, с которым мы будем постоянно встречаться на нижеследующих страницах. Такие топоры не отличаются особым изяществом, но зато являются характерной чертой этой культуры (см. рис. 5 а). Ядрищный топор изготавливался из кремневого желвака, обколотого с обеих сторон, чтобы придать готовому изделию форму овала с острой кромкой, которая создавалась несколькими

умелыми ударами рубящим инструментом. Его необходимо отличать от топора из пластины (см. рис. 6), сделанного из отщепленной от нуклеуса большой пластины с острой кромкой; последняя оставалась без изменений, а остальные края оббивались, пока топор не приобретал форму грубого треугольника с сильно обколотыми сторонами.

Топор — инструмент, имевший жизненное значение в человеческой истории, — впервые появляется в Дании в период мезолита, и даже в этой примитивной форме он был пригоден для рубки деревьев.

Как и в Бромме, в Кластерлунде были обнаружены дискообразные скребла, и, хотя в большинстве своем они круглые, временами попадаются и овальные образцы (со сколами вдоль одной из сторон, см. рис. 3, *а*). Представлены и другие типы — ядрищные скребки (см. рис. 7), изготовленные из нуклеуса с короткими ступенчатыми сколами вдоль покатой режущей кромки, плоские скребки (такой же формы, но сделанные только из части нуклеуса) и скребки из отщепа (см. рис. 3, *в*) обычно с выпуклой, но иногда и с вогнутой, кромкой.

Пластины, хотя и довольно грубые, отколоты искусной рукой. Наряду со скребками из них изготавливались резцы, для которых характерна острая кромка посередине или с одной стороны пластины. Кроме того, они использовались как ножи, со сколами вдоль

одной из сторон, и в качестве маленьких пил с зазубренными кромками.

Из мелких пластинок делались микролиты — маленькие орудия, обработанные с одной или с обеих сторон (см. рис. 3, 2). Некоторые имеют треугольную форму, другие — ланцетовидную, а у третьей распространенной разновидности сколы идут вдоль одной длинной стороны.

У этих маленьких предметов длинная история, упирающаяся в ледниковый период. Они обычны для позднего палеолита и особенно характерны для западноевропейской мезолитической культуры, известной как тарденуазская. Несколько удачных находок показали нам, как использовались эти крошечные остроконечники. Так, в болоте на полуострове Сконе была найдена деревянная стрела с древком длиной в 2 фута 9 дюймов и толщиной примерно в 0,2 или 0,3 дюйма. К его концу был прикреплен микролит, посаженный на смолу; в ней остался отпечаток второго микролита, а вместе они образовывали зазубренный наконечник. Разумно предположить, что треугольные микролиты как раз для этого и предназначались, т. е. позволяли получить стрелу с зубцами.

Культура маглемозе в ее классической форме известна по находкам, происходящим из зеландских болот в Маглемозе, около Мюллерупа (это — первый из найденных памятников, который и дал свое название всей

Рис. 4.
Треуголь-
ный
микролит
из
Свердборга

культуре), в Свердборге, Лундбю, Холмегорде и Омосене. Необходимо отметить, что между предметами, обнаруженными на этих стоянках, существуют типологические различия, но они заходят не слишком далеко и более чем естественны для культуры, охватывающей обширную территорию и значительный период времени. Материал из Маглемозе включает несколько неуклюжих пластин и простых ланцетовидных микролитов, в то время как более поздние находки из Свердборга демонстрируют блестящую технику обработки кремня: это тонкие, изящные пластины и множество маленьких микролитов всевозможных форм — треугольные, ланцетовидные, трапецевидные (рис. 4). Найдены там и разные другие орудия: ядрищные топоры (рис. 5), более мелкие топоры из пластин (рис. 6), скребки и резцы той же формы, которую мы уже наблюдали в Клостерлунде, но более совершенные с точки зрения технологии изготовления. В Свердборге кремьнь обрабатывали мастера своего дела, но, кроме того, в их распоряжении было превосходное сырье, зеландский кремьнь, который легко найти среди морен острова.

Огромный интерес представляют многие орудия из оленьего рога и кости; наиболее распространены острия, или наконечники гарпуна с короткими зазубринами вдоль одной из сторон. Менее характерны орудия с большими зубцами или с выщербленной

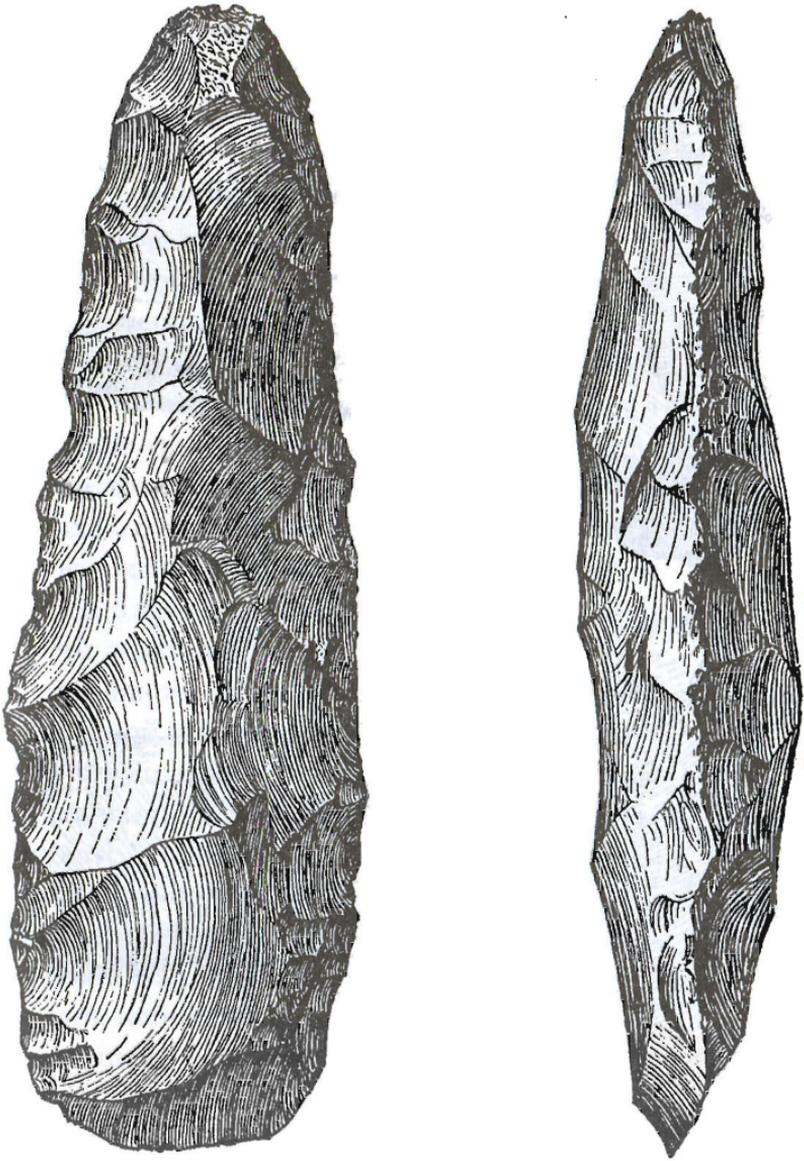

Рис. 5. Мезолитическое кремневое орудие: ядрищный топор

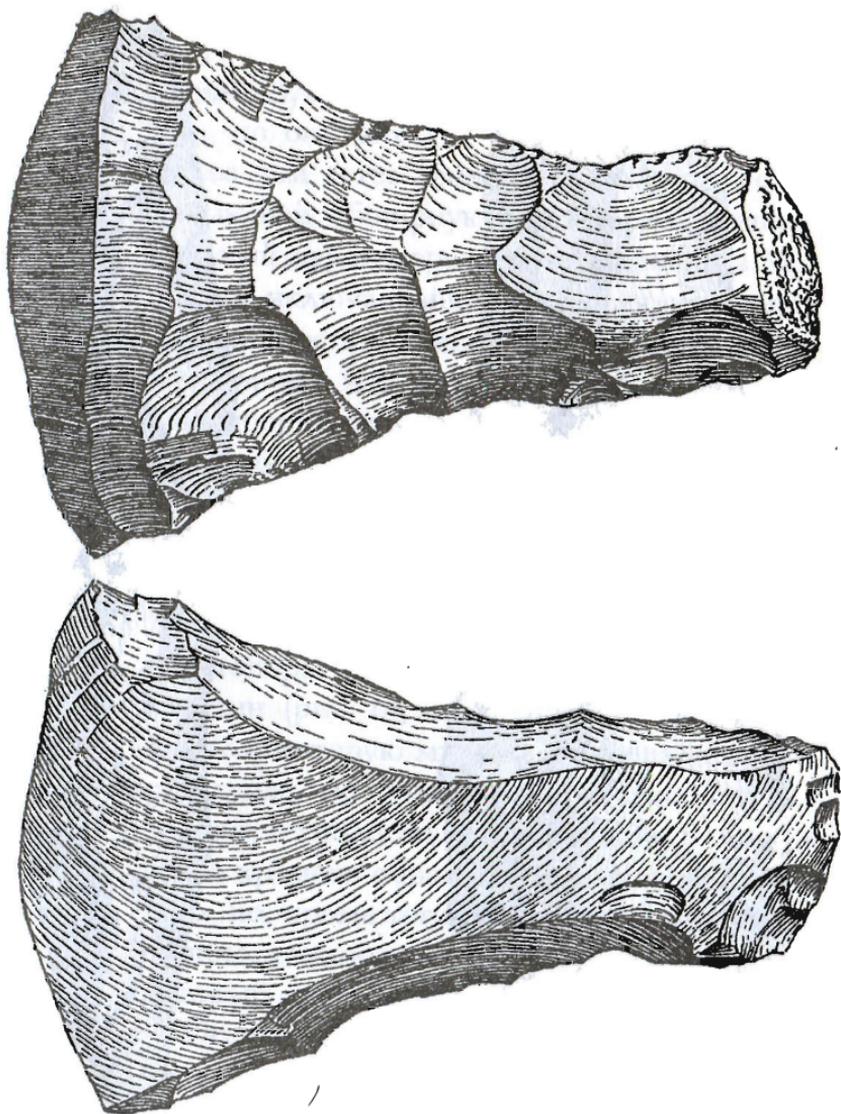

Рис. 6. Топор из пластины

стороной. Иногда встречаются великолепные составные лезвия с пазами по сторонам, в которые вставлены мелкие пластинки кремня, закрепленные смолой.

Из оленьего рога делались и лезвия топоров, причем отверстие для рукояти всегда располагалось в основании топора, а не прошивало отросток рога, как в более поздние периоды. В некоторых случаях поверхность топора была сглажена и украшена узором из высверленных углублений, в то время как прочие топоры сохраняли естественную фактуру оленьего рога. У топоров были долотовидная режущая кромка или же острое лезвие, образованное вставленной в отверстие кремневой пластиной или клювом. Другим важным инструментом было долото, сделанное из длинной массивной кости, снабженной поперечной режущей кромкой.

Среди прочих орудий и оружия особенной популярностью пользовались две разновидности: заостренное, оснащенное рукоятью оружие из оленьего рога и костяной кинжал. Эти предметы часто декорировались, а иногда покрывались тонкими, замысловатыми узорами, напоминающими вышивку. У длинных резных лезвий из рога в толстом конце имеется отверстие для древка. Создавшие их охотники, вполне возможно, желали потягаться с оленями, чьи прекрасные «головные уборы» способны нанести противнику весьма чувствительный урон.

Рис. 7.
Ядрищный
скребок

Кость и олений рог использовались в полной мере: отпиленные *trochlea* превращались в приспособления для полировки, более мелкие отростки служили отбойниками при обработке кремня, а прочие осколки кости использовались как шилья или рыболовные крючья.

Ответвление культуры маглемозе оставило свои памятники у озер и по берегам ручьев и рек Ютландии. Эти стоянки находят в характерных местах, например, на низких песчаных склонах у самого берега реки, сухих, пригодных для жилья и доминирующих над рекой. Находки из большинства таких поселений представляют собой небольшое количество мелких инструментов, что свидетельствует о непродолжительности пребывания людей на одном месте. Другие же стоянки использовались из года в год и часто посещались. Например, поселения у р. Гудено использовались и в позднейший период, там же обнаружены и орудия, характерные для культуры эртебёлле — поперечные наконечники для стрел и огромное количество топоров из кремневых пластин.

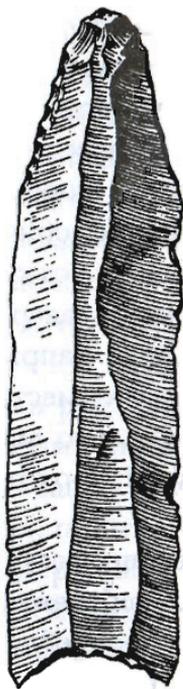
Характерные стоянки культуры маглемозе были найдены на островах Фюн и Борнхольм. Однако борнхольмские памятники демонстрируют некоторые различия; например, крошечные изящные микролиты связывают одну из борнхольмских групп с зelandской стоянкой в Свердборге, тогда как

остальные объединяет чисто локальный характер. Некоторые поселения расположены вдоль берегов рек, в то время как другие находятся на песчаных или гравийных террасах, возвышающихся над самым морем; одна стоянка, что достаточно странно, обнаружена высоко в скалистой области, откуда можно обозревать большую часть севера острова. Но, несмотря на подобные капризы, можно справедливо сказать, что места для маглемозейских стоянок тщательно выбирались; они располагались вблизи охотничьих и рыболовных угодий.

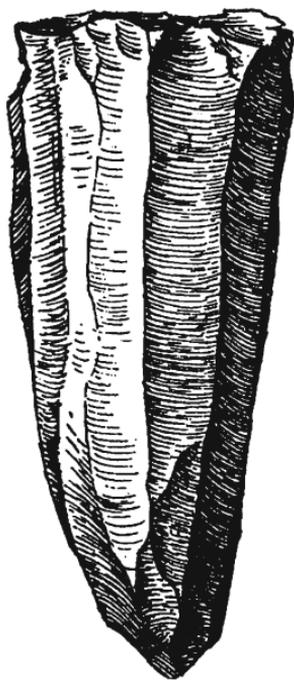
В то самое время, когда у озер процветала культура маглемозе, морское побережье населял другой народ. Его следы можно обнаружить лишь изредка, поскольку его поселения были затоплены при повышении уровня моря. Эти люди во многом отличались от маглемозейцев. Для их материальной культуры были характерны ромбовидные микролиты (рис. 8) и косые наконечники для стрел, более близкие к германской аренсбургской культуре, нежели к тонким маглемозейским микролитам. Иногда приморское население уходило в глубь страны и обосновывалось у озер, как, например, в Конгемозе, Западная Зеландия, где найдены орудия из оленьего рога и кости. Интересно отметить, что эти переселенцы пользовались заостренными орудиями и декоративными украшениями, близкими к тем, которые свойственны культуре маглемозе.

Рис. 8.
Ромбовидный микролит, древняя приморская культура

*Рис. 9. Скребок
из пластины*

*Рис. 10. Нуклеус, от которого
откалывались пластины*

Эта культура известна как древняя приморская, или ранняя эртебёлле. Впервые она была выделена в ходе раскопок памятника каменного века в Блоксбьерге к северу от Копенгагена. Поселение было расположено на склоне, обращенном к болоту. Изучая найденные там предметы, руководитель раскопок заметил весьма отчетливые различия между материалом из верхнего и нижнего слоев. Предметы из верхних (позднейших) напластований точно соотносились с материалом из многочисленных раковинных куч;

однако находки из нижнего слоя не имели точных аналогов. Ботаникам удалось изучить пыльцу из нижнего слоя и обнаружить, что растительность того времени состояла из соновых и смешанных дубовых лесов. Результатом стала надежная датировка: нижний горизонт в Блоксбьёрге принадлежит более раннему памятнику, которому можно отвести место между культурами маглемозе и эртебёлле. Впоследствии аналогии были найдены у побережья Амагера, в Дюрхольмене в Восточной Ютландии, в Ведбеке на севере Зеландии и во многих других местах. Памятник в Дюрхольмене был обитаемым в течение нескольких периодов, что представляет собой очень интересную особенность. Каждое новое поселение соотносилось с меняющейся высотой воды (как и в случае Блоксбьёрга), так что древнейшее из них оказалось ближе всего к морю, на отметке 7 футов над его теперешним уровнем. Дальше вглубь суши, на высоте 8–9 футов, были найдены более поздние орудия, а последующие находились еще выше — на уровне 10,5 фута. Очевидно, что это место было идеальным для поселения, но каждый раз, когда люди возвращались сюда, наступающая на берег вода заставляла их забираться все выше по склону; и, таким образом, становится возможной относительная датировка поселений по их расположению.

Ранняя и поздняя фазы культуры эртебёлле ясно различаются по форме наконечника

стрел: на начальном этапе повсеместно встречаются ромбоидные микролиты; однако впоследствии появляются поперечные наконечники (рис. 11), а микролиты исчезают. Еще один признак — соотношение топоров из ядрища и пластин; поначалу (как и в период маглемозе) встречается лишь небольшое количество топоров из пластин, тогда как в более поздний период доля топоров из пластин по отношению к ядрищным заметно увеличивается. Древнейшие слои эртебельской стоянки дали зазубренные костяные ножи и составные лезвия из кости и кремня, наряду с килевыми скребками, топорами из оленьего рога с расположенным у основания отверстием для рукояти и предметами других маглемозейских типов. Во второй половине периода эртебелле эти типы становятся редкими или полностью исчезают. На этом уровне впервые появляются керамические сосуды, большие, с заостренным основанием, изготовленные по ленточной технологии из полоски глины, накрученной по спирали. В глину введена примесь гравия, возможно, чтобы придать ей большую термостойкость. Благодаря своей форме сосуд не мог стоять самостоятельно, и его приходилось либо вкапывать в песок, либо подпирать со всех сторон камнями (возможно, иногда камни были горячими, способствуя процессу приготовления пищи).

Рис. 11.
Поперечный
наконечник
стрелы

Многие из этих поселений приоткрывают постепенное изменение обычаев и условий,

определявших жизнь, — это был процесс, как в зеркале, отражавший меняющийся лик Дании. Море по-прежнему штормовало сушу; песчаные и гравийные банки вдалеке от воды до сего дня свидетельствуют о мощи стихии в тот период. Поверхность моря не раз поднималась на много футов выше ее современного уровня: возможно, трижды, причем последний такой прилив имел место в конце каменного века.

Изучение этого периода предыстории Дании находится в стадии коренных изменений; новые идеи оспаривают друг друга, а истина еще не вполне ясна. Ботаник дарит нам новое понимание сути датских неолитических стоянок, изучая неуничтожимую пыльцу, которую он обнаруживает в болотах. Порой болота могут поведать нам об орудиях или поселениях, но еще больше — о влиянии земледелия на природу, а для археолога эти знания не имеют цены. Но сначала давайте рассмотрим истоки земледелия.

Глава III

Неолит

Начало земледелия

В то время, когда Скандинавию все еще населяли охотники и рыболовы, с юга и юго-востока по Центральной и Западной Европе расселялся новый народ. На богатых и плодородных лессовых почвах этой территории мы встречаемся с первыми в Европе земледельческими сообществами, чьи поселения произвели характерную гладкую керамику с линейным узором, обеспечившей культуре ленточной керамики ее название. Эти поселения демонстрируют следы длинных прямоугольных домов, соединенных с более мелкими хижинами, которые можно считать амбарами. Из останков животных, найденных в таких местах, нам известно, что первые земледельцы одомашнили корову, свинью и овцу и начали выращивать ячмень, примитивную пшеницу: айнкорн (однозерновая) и эммер (двухзерновая). Кроме того, обнаружены остатки сельскохозяйственных орудий, которыми пользовались эти люди, простейшие седлообразные ручные зернотерки и топорообразные наконечники мотыг со следами износа вдоль одной из сторон и на конце.

Земледелие распространилось из Средней Азии, где еще задолго до появления в Европе культуры ленточной керамики осуществлялась селекция диких растений, которые методично выращивались на полях вблизи селений. С приручением животных и развитием земледелия возник новый тип хозяйства, отличавшийся революционным подходом к эксплуатации природы. Радиоуглеродный метод обеспечил нас довольно точными датами появления и развития земледелия в Западном полушарии. Так, древнейшее земледельческое поселение близ горы Эльбрус у Каспийского моря датируется примерно 5800 г. до н. э., месопотамская культура Джармо относится приблизительно к 4700 г. до н. э.; поселение культуры ленточной керамики вблизи Магдебурга в Германии возникло около 4200 г. до н. э.; тогда как самое раннее из известных датских земледельческих поселений (Муллебьёрг I в Западной Зеландии) датируется примерно 2640 г. до н. э., то есть более или менее современно кортайлодской культуре в Швейцарии.

Таким образом, между появлением земледелия в Европе и его приходом в Данию существует разрыв продолжительностью приблизительно в пятнадцать столетий. Однако, может быть, имели место и более ранние контакты между Данией и культурой ленточной керамики, так как в датских поселениях было найдено несколько характерных

для нее топоров; тем не менее они могут относиться и к более позднему периоду.

Археология признаёт два прямых указания на начало обработки земли: во-первых, обнаружение в поселениях костей домашних животных, а во-вторых, обожженного зерна или его отпечатков на керамических изделиях. Недавно в результате изучения пыльцы из болот за пределами поселений было получено косвенное подтверждение существования земледелия, было доказано, что некоторые изменения в растительном мире объясняются аграрной практикой.

Во многих датских болотах на определенном уровне были найдены следы широко распространившегося пожара. Выше слоя древесного угля, то есть после пожара, видно, что общий характер растительности меняется. Обнаруживаются новые виды пыльцы: злаки, травы и подорожник — как на пастбищах. Йоханнес Иверсен, который первым заметил эту особенность, пришел к выводу, что лесные пожары были устроены земледельцами, желавшими расчистить в лесу поля и выпасы, и это заключение было подтверждено найденными выше уровня пожара видами пыльцы и костями одомашненного быка.

Известно много хранилищ votивных керамических изделий, которые относят к древнейшему сельскохозяйственному периоду. Эта раннеолитическая глиняная утварь была правильно распознана только после того, как

в ходе широкомасштабной добычи торфа во время Второй мировой войны она стала обнаруживаться в больших количествах. В Дании период *раннего неолита* подразделяется на три фазы, А, В и С, и эта керамика принадлежит к древнейшей из них (А). Эта фаза, как, впрочем, и две другие, связана с культурой воронковидных кубков, которая была распространена в Европе к югу от Балтийского моря. Черепки, характерные для этой ранней группы, отличающейся закругленной формой и выгнутым наружу ободком (кубки типа А, рис. 12), были добыты при раскопках в Стуре Валбю на западе Зеландии и сохранили отпечатки зерна.

Рис. 12.
Кубок
типа А

Следы зерна были найдены и на характерных кубках типа А из Омосена, поселения древнейшей земледельческой культуры. К восторгу руководителя раскопок, найденные в этом поселении орудия и другие предметы: топоры из кремневых пластин, шероховатые черепки заостренных книзу гончарных изделий и поперечные наконечники для стрел — были характерны для поздней культуры эртебелле. Местное население, состоявшее из охотников-рыболовов, очевидно, восприняло земледелие и животноводство. В поселении были найдены останки одомашненной коровы, овцы и козы, наряду с костями благородного оленя, вепря, птиц и других представителей дикой фауны. Кроме

того, был обнаружен фрагмент полированного кремневого топора, возможно, относившегося к типу с заостренным обухом; очевидно, это была улучшенная версия эртебелльского топора. Однако неудивительно, что охотники культуры эртебелле искали новые средства для поддержания своего существования, так как количество дичи сокращалось.

В качестве доказательства этого оскудения можно привести стоянки культуры эртебелле, располагавшиеся вдоль фьордов и побережий Северной и Северо-Восточной Дании, из-за найденного там в огромных количествах мусора, особенно створок устричных раковин; эти памятники называют раковинными кучами. В раннем неолите такие крупные животные, как лось и зубр, были почти истреблены охотниками, и сильно выросшей человеческой популяции пришлось обеспечивать себя, ловя рыбу и собирая дикие фрукты, а это — малоэффективные и трудоемкие способы добывания пищи. Свидетельства каннибализма, обнаруженные в раковинных кучах, по-видимому, говорят о явной нехватке пищи в этот период. Одна из этих отвратительных и жутких находок, которые могут указывать на то, что эти люди голодали, происходит из Дюрхольмена в Восточной Ютландии. Мало того, что найденные там длинные кости человека были расколоты с целью извлечь костный мозг; небольшие царпины

Илл. 7

на шейных позвонках говорят о том, что жертва была обезглавлена. Однако расположение этих царапин свидетельствует о некотором любительстве, поскольку ни один анатом и, вероятно, ни один умудренный жизненным опытом каннибал не стал бы рубать человеческое тело таким способом. Голова была скальпирована круговым движением кремневого ножа, но, чтобы добраться до вкусного мозга, такого разреза вовсе не требовалось. Обычай снятия скальпа отмечен не только в Северной Америке; о нем известно и в связи с доисторическим периодом в Южной России. Однако наиболее вероятным представляется то, что к антропофагии эртебёлльских людей временами побуждал голод.

Но из факта нехватки дичи не следует делать вывод о полной перемене образа жизни в приозерных и приморских поселениях. Кучи «объедков» показывают, что охота и собирательство по-прежнему играли значительную роль в хозяйственной деятельности их жителей.

Со времен периода маглемозе природная растительность страны, встретившей первых земледельцев, заметно изменилась. Под воздействием нового, мягкого и влажного атлантического климата сосняки уступили место смешанным лиственным лесам из дубов, вязов и лип. Сквозь покрывший страну густой девственный лес вели лишь тропы, проло-

женные дикими животными, а затем использовавшиеся человеком. Деревья стояли стеной, тропки перегораживали упавшие стволы, ползучие растения опутывали деревья, сплетая их с подлеском из орешника, можжевельника и боярышника, и в этом роскошном изобилии присутствовала и омела, сегодня практически позабытая в Дании. Медведь, дикая кошка, рысь, дикий вепрь и бобр все еще обитали в этих лесах, а лось и зубр, самая главная дичь, стали редкими. Однако у озер и вдоль побережий в изобилии водились птицы, утки и гуси, а также более экзотические виды, вроде большой гагарки, которая сохранилась в районе Черного моря, и хохлатого пеликана, в настоящее время вымершего.

В то время первые земледельцы использовали небольшие рощицы в лесу и собирали листья на корм скоту, но революцию

в жизни леса произвело введение подсечного метода обработки земли. Археологически эта новая фаза отмечена появлением гончарных изделий нового типа: с круглым дном, длинным горлом и ободком, который мягко выгибается наружу (керамика типа В, рис. 13). В болотах это

изменение способа расчистки леса отражает слой древесного угля. Первым деревом, появлявшимся после лесного пожара, была береза, которая хорошо растет на открытом

Рис. 13.
Кубок
типа В

пространстве на почве, содержащей золу, и отличается довольно коротким периодом регенерации; вместе с березой процветают различные травы, среди которых присутствует и подорожник. Пыльца злаков является доказательством того, что, наряду с пастбищами, существовали и обработанные поля.

Должно быть — и об этом красноречиво свидетельствуют материалы изучения болот, — территория, подвергшаяся обработке подсечным способом, была очень обширной, и также очевидно, что земледельцы не позволяли земле зарастать лесом, чтобы обеспечить свой скот пастбищами. Подсечная система земледелия известна во многих частях света. В некоторых областях Финляндии она используется до настоящего времени: земледельцы расчищают сосновый лес, путем выжигания, и сажают семена прямо в золу, которая удобряет почву. Однако сосняк зажечь проще, чем лиственный лес. Недавние эксперименты в Южной Ютландии продемонстрировали некоторые сложности, которые вставали перед человеком каменного века. Хотя в период неолита задачу выжигания леса, возможно, облегчали упавшие сухие деревья, приходилось производить огромную подготовительную работу в виде повала деревьев и вырубки кустов; но, вероятно, объем трудозатрат сокращали, разрубая кору деревьев с тем, чтобы они засохли. Для этого требовался тяжелый топор с удобной рукоятью, и

Илл. 8

Илл. 9

лезвия таких топоров, отполированных, с заостренным обухом, известны по бесчисленным находкам на всей территории Дании. В болотах иногда находят сохранившиеся рукояти таких топоров, и, судя по ним, лезвие вставлялось в расщелину подобно клину, так что заостренный обух топора оказывался позади рукояти. Недавно было проведено испытание современной копии такого топора, который оказался на удивление эффективным — большое дерево было повалено им менее чем за час. Режущая кромка такого топора по остроте почти не уступает стали и обламывается вовсе не так легко, как можно было бы ожидать. Однако время от времени такой топор приходилось точить, и на многих образцах видно, что в этом случае просто делалась новая кромка, которая затем полировалась.

Когда лес выгорал, обугленные древесные стволы отгаскивали прочь, а пни, вероятно, оставляли в земле, пока они не гнивали настолько, чтобы их было нетрудно выкорчевать.

Пасущиеся животные не давали обширным рощистям, полученным таким способом, зарастать, а молодые деревья, появившиеся после пожара, вырубались. Так первобытные леса навсегда утратили свою власть над страной.

В Хавнелёве в Южной Зеландии находится поселение, которое предоставило ученым

характерную керамику этого периода наряду с орудиями, очень напоминающими культуру эртебёлле, но с некоторыми оригинальными особенностями. Топоры с заостренным обухом встречаются одновременно с топорами из кремневой пластины. Однако скребок из пластины и дискообразное скребло по качеству уступают тем, которые можно видеть на таких типичных эртебёлльских стоянках, как, например, Страннегорд в том же районе; но локальные различия такого рода совершенно естественны. На протяжении всего периода неолита мы наблюдаем, как рядом друг с другом функционируют различные типы хозяйства: некоторые сообщества зависят, в основном, от рыбной ловли, другие — от земледелия.

От этого периода колонизации до нас дошло несколько захоронений с ингумацией: это — овальные ямы, в которых тела усопших покоились в окружении керамических сосудов, вероятно, содержавших пищу. В озерах по-прежнему во множестве топили вотивные гончарные изделия с пищей — в качестве подношения силам, на которые можно было повлиять с помощью подобных даров.

Илл. 12

В последующий период (С) появляется первый *дюссе*, и этим же временем датируется свидетельство о существовании сельской общины в Баркере, Восточная Ютландия.

Илл. 10, 11

Для этой эпохи характерна богато декорированная керамика: кубки с плоским дном

и длинным воронкообразным горлом, бутылки с ободком и амфоры с утолщением. Значительная часть этих гончарных изделий была найдена при раскопках поселения в Баркере, которое располагалось в Дьюрсланне на небольшом мысу (примерно 200 ярдов в поперечнике), выдающемся в залив. На этом выступе суши были построены рядом два больших прямоугольных здания, разделенных широкой, мощеной булыжниками дорогой, а озеро служило оборонительным рвом, защищавшим деревню с трех сторон. Один дом достигал примерно 266 футов в длину и 20 в ширину, а другой был чуть меньше. Каждое строение было разделено на несколько комнат, приблизительно по 10 футов в длину; в более длинном доме таких апартаментов было двадцать шесть, и, вероятно, в них могло разместиться столько же семей. Значит, в этих домах жила и вместе трудилась вся община. По-видимому, здания были построены из дерева, а стены и кровлю поддерживало некоторое количество вертикальных столбов. Возможно, стены дома и перегородки между комнатами были плетеными, и можно полагать, что при их изготовлении использовался какой-то прокладочный материал, так как при раскопках не было найдено следов глиняной штукатурки.

В пол были вдавлены многочисленные сосуды, несколько полированных топоров с заостренным обухом, ряд кремневых кинжалов

и нечто вроде алебарды, предком которой, возможно, являлось мезолитическое остроконечное орудие. Также были найдены: плоские мельничные жернова и, в нескольких маленьких углублениях, значительное количество янтарных бусин; целая бутылка с ободком — приношение силам, покровительствовавшим этому дому и его обитателям.

Люди этого периода сооружали так называемые *дюссе* — впечатляющие мегалитические гробницы в недрах круглых или овальных курганов, обрамленные бордюром из камней (рис. 14). Прямоугольную погребальную камеру обычно составляют плоские массивные валуны, а крышей ей служит огромная и точно подходящая по размеру каменная плита. Нередко одна из коротких сторон по высоте уступает трем другим, образуя порог. Очень часто эти камеры расположены ниже уровня земли. Хотя эти первые *дюссе* невелики, они свидетельствуют о глубоких архитектурных

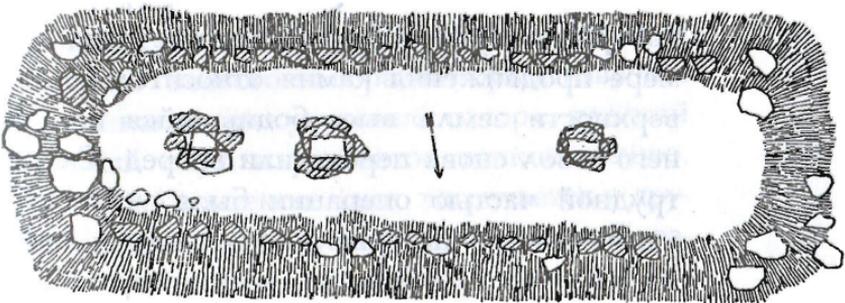

Рис. 14. Длинный дюссе с тремя камерами

и инженерных познаниях. Камни, образующие стену, наклонены вовнутрь, чтобы она не рассыпалась под давлением огромного замкового камня. После сооружения стен насыпался земляной курган, достигавший вершины камеры; затем на место ставился замковый камень. Трудно представить себе, как мог неолитический человек, имея в своем распоряжении лишь примитивные инструменты, справиться с подобными камнями. В глазах современного инженера они, возможно, не выглядят особенно большими, но ему потребовалась бы изрядная доля изобретательности, чтобы поднять их на нужную высоту без блоков и кранов. Король Дании Фредерик VII, увлеченный археолог-любитель, выдвинул в связи с этой проблемой теорию, которую сформулировал на небольшом листке бумаги, опубликованном в середине прошлого века. Вероятно, его теория верна, и недавние открытия, в основном, ее подтверждают. Сначала камень с помощью рычагов двигали на место по древесным стволам, из которых получались превосходные катки; по мере продвижения камня относительно поверхности земли высвободившийся позади него ствол снова переносили вперед. Самой трудной частью операции была установка камня вверху камеры: представляется вероятным, что из земли и дерева сооружался длинный трап, и по нему с помощью рычагов и временных насыпей замковый камень

на катках поднимался к окончательной цели своего пути на вершине камеры.

Обычно курган достигал около 6 футов в высоту и был окружен оградой из стоячих камней: у круглого *дюссе* она обычно бывала квадратной, а у длинного — прямоугольной и нередко очень длинной. Длинный *дюссе* может заключать в себе до четырех камер. Иногда встречаются парные *дюссе*, расположенные рядом друг с другом; самый поразительный пример можно видеть в Олес Коббел на острове Альс. Оба *дюссе* там отличаются прекрасными архитектурными пропорциями, дополняя друг друга и мягкий холмистый пейзаж. Камни вокруг обоих *дюссе* — одинаковой высоты, в каждом из них по одной камере, тем не менее ориентированы они в противоположные стороны.

Интересный набор погребального инвентаря описываемого периода можно видеть на иллюстрации 13. Здесь представлены характерные глиняные сосуды: кубок с воронкообразным горлом, амфора и бутылка с ободком, — а также каменное навершие для жезла. У боевого топора, который известен еще и как «многоугольный топор», плоский круглый обух и угловатое тонкое тулово. В этом же контексте часто встречается и другое орудие — полированный кремневый топор с заостренным обухом.

От этого периода до нас дошли и плоские могилы с ингумацией. Мертвецы покоятся в

Илл. 13

простых ямах, как это было и в предшествующие периоды, в положении сна, окруженные керамическими сосудами с пищей и питьем. Вместе с усопшим земле предавали украшения и другие предметы; женщина уносила в могилу свои янтарные бусы, а мужчина — топор, инструменты и оборонительное вооружение. Могилы и их содержимое отражают беспокойную, полную неуверенности жизнь земледельца, оберегающего свое имущество от множества опасностей, в том числе от своих братьев и охотников поздней культуры эртебёлле, которые все еще жили вдоль побережий.

И прежде чем продолжить рассказ о появившихся неолитических людях, наверное, интересно было бы уделить немного внимания этому сохранившемуся охотничьему населению. Мы уже видели, что значительные части Северной Ютландии и Восточной Зеландии в течение долгих периодов оставались затопленными морем, в то время как Юго-Западная Дания возвышалась над уровнем воды больше, чем теперь. Именно этим затоплением объясняется то, что соленая вода Северного моря достигла Зеландии. Устрицы, которые сегодня встречаются только в мелкой воде Лимфьорда, тогда водились в заливах и бухтах Зеландии и Юга. Эртебёлльские люди собирали и ели их в больших количествах, что можно ясно видеть по огромным кучам устричных раковин, или

«объедков». Кроме створок устриц и выброшенных орудий в этих курганах можно найти несъедобные остатки других моллюсков, вроде мидий и литорин, которые, в сочетании с другими животными и рыбьими костями, должно быть, производили поистине незабываемый аромат!

Из жутких «объедков» этих куч мы можем почерпнуть некоторую информацию о том, какое хозяйство вели эти люди. Носители эртебёлльской культуры пользовались тщательно вырезанными костяными крючками для рыбной ловли и сетями: примером тому служит привязанная к палкам мелкоячеистая сеть, обнаруженная в одном болоте в Скании. Гарпун и острога уже не использовались так широко, как в период маглемозе. Среди рыбьих костей попадаются останки глубоководных рыб — трески, камбалы, акулы, — что указывает на наличие у рыбаков лодок (долбленых каноэ или каяков). В Омосене были найдены добротные каноэ этого периода.

Желанной добычей для охотников поздней культуры эртебёлле был тюлень. Он давал им не только мясо, но еще и кость, шкуры, жир, который наливали в приземистые овальные чашеобразные лампы, своей формой так похожие на те, которыми пользуются современные эскимосы Гренландии. Фитилем в эскимосских лампах служит мох, и вполне возможно, что эртебёлльские люди делали его из того же самого материала,

поскольку внутри некоторых чаш можно видеть его фрагменты, покрытые жиром.

Объектом охоты становились даже киты, которых добывали ради мяса и ворвани, так как в одном из заливов Восточной Ютландии эртебёлльские орудия были найдены вместе с черепом кита.

Орудия эртебёлльских людей встречаются не только в раковинных кучах, их находят также в темных культурных слоях вдоль побережья, а иногда и вдалеке от моря у болот, благодаря которым сохранились до наших дней выброшенные хозяевами орудия из дерева и кости. По берегам рек и ручьев Ютландии выявлена культура, родственная эртебёлле и происходящая от культуры маглемозе.

В этот период топор из кремневого нуклеуса похож на тот, которым пользовались раннеэртебёлльские люди, но теперь рабочий край зачастую усилен и заострен за счет мелких, близко расположенных сколов; это — следующий шаг по отношению к технологии, применявшейся при изготовлении полированных неолитических топоров. Самый распространенный вариант этого орудия, сделанный из кремневой пластины, будучи неудобным в обращении, возможно, оснащался толстой деревянной рукоятью. Однако одной из главных материальных характеристик этой культуры является поперечный наконечник для стрелы, потомок ромбоидного микролита

(см. рис. 8). Возможно, он не выглядит очень уж подходящим для своего назначения, но он пользовался популярностью, и один из найденных экземпляров был вставлен в щель на конце стрелы и закреплен лубом.

Качество изделий из кремня оставалось высоким, и многие орудия более ранней культуры, такие как буравы, скребки и резцы, продолжали изготавливаться в своей первоначальной форме. Становятся обычными полированные топоры из мягкого нефрита, но материал, из которого они были сделаны, не годился для рубки леса. Они были плоскими либо имели в сечении заостренный овал или круг, с широким обухом и изрытой поверхностью.

Не прекращалось производство орудий из кости и оленьего рога. Лезвия топоров делались из отростков рога; рукоять, которая время от времени обнаруживается, проходила сквозь пропиал в топоре, а сам рабочий край был обрезан под углом и отполирован. Костяные гребни, которые встречаются на стоянках этого периода, выглядят почти как современные; возможно, они использовались не только в качестве туалетных принадлежностей, но и как инструменты для чесания шерсти и растительного волокна. Мы уже отмечали рыболовные крючки из кости и керамические сосуды двух типов.

Эртебёлльские люди хоронили своих усопших, хотя и с некоторой заботой и почтением,

но в простых могилах внутри тех же самых куч «объедков». Мертвецов закапывали в положении на спине вместе с несколькими предметами погребальной утвари (иногда в могиле обнаруживается костяной нож), хотя порой вдоль одной из сторон тела или вокруг головы выкладывались камни. Высокое содержание извести в раковинных кучах нередко обеспечивает скелетам хорошую сохранность, и по этим останкам мы можем видеть, что люди, представленные в этих могилах, как с вытянутой, так и с круглой головой, не привлекли бы к себе излишнего внимания в современной Дании.

В период среднего неолита датчане по-прежнему различались по своему образу жизни, бок о бок друг с другом жили группы с неодинаковым хозяйственным укладом. Носители ранненеолитической культуры воронковидных кубков: и те из них, которые хоронили своих усопших родичей в *дюссе*, и те, которые этого не делали, — и в этот период не утратили своих характерных черт. Под влиянием с Запада люди мегалитической культуры кубков с воронкообразным горлом начали сооружать более внушительные *дюссе* и могилы с погребальными камерами. Эртебелльские охотники оставались в своих прибрежных поселениях, и их материальная жизнь менялась очень незначительно, хотя постепенно они смешивались с другими группами, процветавшими в этот период.

Однако тогда же в Дании возникли две новые культуры: одиночных погребений и ямочной керамики.

Развитие культуры, оставившей после себя огромные мегалитические захоронения, было устойчивым и непрерывным и представляет большой интерес. Два важных поселения этих людей: Троллебьёрг на острове Лангеланн и Бундсё на острове Альс — не только дают нам сведения об их домах и материальном хозяйстве, но и позволяют заглянуть в их мысли и верования.

Раскопки в Троллебьёрге осуществил археолог-любитель Йенс Винтер, который обнаружил длинный прямоугольный дом, более 200 футов в длину, разделенный, как и в Баркере, на ряд небольших комнат. Кровлю поддерживали столбы, установленные с интервалом в два метра в выложенные камнями гнезда. Были замечены следы одной из длинных стен, оставившей на земле борозду; из этого можно сделать вывод о том, что стены представляли собой покрытый глиняной штукатуркой плетень, основой которого служил ряд вертикальных столбов. Поблизости от этого длинного дома располагались несколько круглых хижин, а очаги были обнаружены как внутри, так и снаружи этих построек. Из ямы под полом длинного дома были добыты самые замечательные находки на всем памятнике — целый горшок и топор с повернутой вверх режущей кромкой. Его

можно понимать и как символ присущей этому инструменту силы, и как приношение чего-то, более могущественному, чем даже сам топор. Из таких хранилищ и принесенных в жертву, иногда при странных обстоятельствах, топоров, найденных в других, более поздних, поселениях, мы можем почерпнуть какие-то намеки относительно религии доисторического человека.

Поселение в Троллебьёрге находится на склоне, спускающемся вниз к озеру, — положение, идеальное как для охоты и рыболовства, так и для земледелия. Но поселение в Бундсё дает нам более полное представление о хозяйственной деятельности этих людей. Хотя здесь и не сохранилось построек, найденные артефакты — полированные и неполированные кремневые топоры с толстым обухом, долота, скребки характерной круглой формы и фрагменты тонкой орнаментированной керамической посуды — типичны для периода среднего неолита. Кремневые пластины отделены от нуклеуса неумело. Пластины одного типа, иногда со сколами вдоль задней стороны, возможно, использовались как примитивный серп без ручки, при этом жнец одной рукой захватывал пучок колосьев, а затем срезал их кремнем, находившимся в другой. Зерно, которое выращивали эти люди, можно изучать либо в обугленном состоянии, либо в виде отпечатков на керамической посуде в тех случаях, когда

оно ненароком примешивалось к глине до обжига. В некоторых сосудах были найдены фрагменты пищи, приготовленной, возможно, из муки; аналогичные остатки известны также в связи с другими периодами (особенно с железным веком), но обычно степень их разложения такова, что исключает возможность идентификации.

Самыми распространенными культурными злаками были первобытные разновидности пшеницы, айнкорн и эммер, но обнаружен также обмолоченный ячмень, тогда как в других поселениях того же периода последний являлся самым обычным видом. Время от времени попадаются низкорослая пшеница и пшеница обыкновенная. К этим продуктам питания хозяйки добавляли семена растений, например, *goose-foot*. С кустов и деревьев собирали малину и яблоки. В распоряжении жителей Бундсё были яблоки двух видов: мелкие дички и более крупные, — которые росли недалеко от дома на завезенных сюда деревьях той же разновидности, что и яблони, известные по поселениям вблизи шведских озер.

Жители Бундсё держали скот, в основном, свиней, но и какое-то количество коров. Многочисленность свиней указывает на преобладание лесной растительности, способной произвести желуди и другой корм для свиней. Эти животные отчетливо отличаются от диких разновидностей, и не может быть

сомнений в том, что это — привозной скот, а не недавно одомашненные дикие свиньи. Овцы были не так распространены, как свиньи, но поскольку им требуются открытые пастбища, их присутствие говорит о том, что жители Бундсё расчищали обширные участки леса, и в этой операции принимали участие и сами овцы, поедавшие молодые побеги. Овцы европейского каменного, бронзового и железного веков несколько отличались от современных, и самой примечательной их особенностью были длинные, как у козы, рога. Держали и коз, но только в качестве дойных животных; овцы, дававшие шерсть, мясо и одежду в больших количествах, очевидно, приносили и большую выгоду.

Хотя в Бундсё было найдено более ста тысяч костей одомашненных животных, их дикие собратья представлены лишь ста пятьюдесятью костями, причем принадлежат они только нескольким видам — благородному оленю, дикому вепрю и зубру. Эти цифры иллюстрируют глубокую перемену в хозяйстве — переход от охоты к земледелию. Об этой же тенденции свидетельствуют найденные при раскопках кости собак; крупную охотничью собаку раннего неолита постепенно заменила более мелкая сторожевая; кроме того, стали появляться новые породы.

Люди среднего неолита не только сооружали *дюссе* большего размера, чем в эпоху раннего неолита, но и ввели новый тип захо-

Илл. 10, 11

ронения — погребения с коридором. У гробниц обоих типов имелся вход в погребальную камеру, что позволяло пользоваться ими в течение продолжительного времени, и, судя по остаткам скелетов, особенно в некоторых погребениях с коридором, можно видеть, что в них хоронили многие поколения усопших. Большие *дюссе* с их резкими очертаниями стали заметной чертой датского пейзажа, получив индивидуальные названия на заре истории страны. Они встречаются только в некоторых областях Дании, таких как, например, о. Альс, Северо-Западная Зеландия и Восточная Ютландия, где они особенно часты. Возможно, самым впечатляющим из них является круглый *дюссе* Посекер-стенхус в Кнебеле, к северо-востоку от Орхуса, окруженный кольцом из массивных валунов. Длинные *дюссе*, самые большие в Бломмескоббеле, расположенные около Моммарка на острове Альс, также представляют собой прекрасные памятники. В этот период при возведении гробниц используются гораздо более крупные камни, чем в эпоху раннего неолита. Их строители были искусными и смелыми людьми; они жонглировали этими валунами, как будто сражаясь с огромными хищными животными. Руководствуясь инженерным чутьем, они оценивали форму и центр тяжести камня, который, при неаккуратном обращении, мог в мгновение ока насмерть раздавить человека. Должно быть,

когда огромный замковый камень наконец оказывался на своем месте поверх слегка наклоненных стен, это было большим и значимым событием. Камера была высокой — человек легко мог стоять в ней в полный рост — и чаще пятиугольной формы; вход делался узким, а низкий поперечный камень образовывал порог. Эту камеру скрывал под собой курган.

Погребальная камера погребений с коридором имеет овальную или прямоугольную форму, и очень часто встречаются образцы с сообщающимися внутренними помещениями или с двумя камерами, расположенными рядом. В высоту камера едва достигает человеческого роста, вход в нее расположен на одной из длинных сторон, это низкий тоннель, по которому нужно ползти на четвереньках. Каменные пороги, возможно, служили опорой для деревянных дверей. Эти гробницы представляют собой внушительные произведения архитектуры со стенами из огромных плоских камней, поставленных в ряд и слегка наклоненных вовнутрь, чтобы выдержать вес замкового камня, а промежутки между ними заполнялись сухой каменной кладкой. Эти огромные камни образовывали искусственную пещеру, тускло освещавшуюся сквозь проход, что должно было подчеркивать разницу между обиталищем умерших предков и домом живых. Погребения с коридором и *дюссе* возводились теми же людьми, которые жили в длинных домах. В Туструпте,

Илл. 19, 20

к северо-востоку от Орхуса, где до сих пор продолжают раскопки древнего поселения, изучаются два *дюссе*, одно погребение с коридором и остатки нежилого строения. Последнее было прямоугольным и имело три стены из массивных камней, четвертая сторона оставалась открытой. Каменные плиты, поставленные на ребро, покрывали наружные поверхности всех стен и внутреннюю сторону короткой стены. Две другие стены изнутри были облицованы вертикальной бревенчатой конструкцией, опирающейся на горизонтальное основание.

Илл. 17

В этом надежном, довольно низком доме не было очага, но на полу были найдены две отдельные группы черепков. Они принадлежат тридцати орнаментированным керамическим сосудам прекрасной работы (причем самой обычной разновидностью является чаша на подставке, известная, как ваза для фруктов), и нескольким черпакам, и оба этих типа хорошо знакомы нам по погребениям с коридором. Чаши на подставках составляли набор с глиняными черпаками и, возможно, использовались для совершения возлияний в честь усопших. Очевидно, что этот дом не является жилищем, но установить его истинное назначение не легко.

Илл. 14

Погребальные камеры двух мегалитов, раскопанных в Туструппе, были разграблены уже давным-давно, но это обстоятельство не вызывает у датских археологов чрезмерного

беспокойства, поскольку они неоднократно убеждались в том, что ценные находки можно сделать и за пределами гробницы, обычно во внешнем дворе. Именно так случилось и на этот раз. Вне погребений была рассыпана целая коллекция черепков, и можно предположить, что там стояли сосуды с пищей для усопших, которые, как вероятно считалось, продолжают жить и в могиле. Но мы вернемся к теме жизни после смерти, когда будем рассматривать погребальные обычаи железного века и его странный культ мертвых.

Рис. 10

Раскопки погребения с коридором, известного как Грёнхёй (Зеленый курган) в Хорсенсе на востоке Ютландии (рис. 15) выявили необычайно интересную информацию об этих подношениях усопшим. Более ста лет назад Ворсо начал раскапывать это погребение с коридором — в качестве своего первого археологического опыта. Однако эта проба не принесла особенного успеха, так как один из огромных замковых камней камеры рухнул, и вследствие этого раскопки пришлось прекратить. В 1940 г. современные археологи снова приступили к раскопкам этого памятника.

В Грёнхёй имеется небольшая овальная камера, в которой были обнаружены два уровня непотревоженных ингумаций вместе с орудиями и сосудами. Нижний уровень можно датировать периодом постройки гробницы, а верхний — концом каменного века.

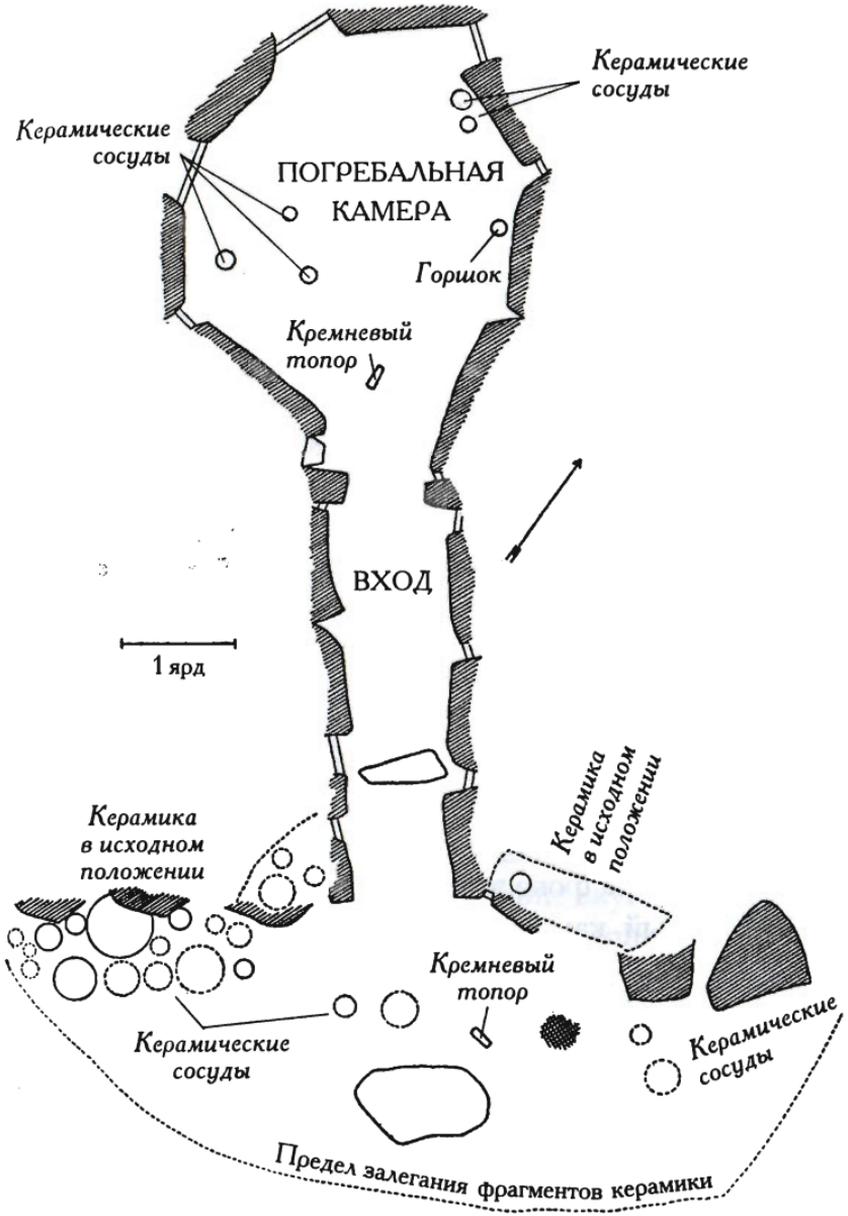

Рис. 15. Погребение с коридором в Грэнхэй

За пределами коридора, близко к камням ограды, было найдено около семи тысяч черепков и несколько перевернутых сосудов. Руководитель раскопок обратил внимание на высокие камни бордюра и нашел на них осколки посуды, которые можно было соединить с черепками, обнаруженными на участке за пределами ограды. Так пришло решение проблемы. Первоначально сосуды размещались на камнях или за камнями ограды и, вероятно, содержали пищу и питье в дар усопшим. Многие тысячи черепков удалось собрать воедино, получив сосуды и черпаки, принадлежащие к той же эпохе, что и предметы из нижнего уровня камеры. Таким образом, свидетельства, полученные благодаря находкам с этого памятника, убедительно доказали, что старая теория, согласно которой обнаруживаемые вне мегалитических гробниц черепки являются результатом периодической очистки камеры, не всегда верна.

На фоне этих вопиющих приношений странный каменный дом в Туструпте, возможно, получает объяснение. Это строение использовалось лишь короткое время, пока не было уничтожено пожаром, — предположительно, умышленно. Руководитель раскопок полагает, что первоначальные приношения совершались именно здесь, пока не была построена гробница.

Материальные находки, как из могил, так и из поселений, отражают постоянное развитие,

отправная точка которого кроется в эпохе раннего неолита. Этот процесс особенно явственен в последовательной смене орнамента и формы керамической посуды; узоры, выгравированные на стенках сосудов, заполнены мелом, создающим разительный контраст с коричневым материалом. Орнамент древнейшей керамики этого периода образован сдержанными полосами зигзагообразного узора и отпечатками перекрученной веревки. Он встретился археологам при раскопках в Троллебьёрге, а самая выраженная его форма получила наименование «парадного стиля». Ему современен декор в «изысканном стиле», одном из самых изящных и элегантных за всю доисторическую эпоху. Орудия, использовавшиеся для нанесения орнамента, были очень простыми, но тщательно подобранными, причем чаще всего в ход шли зазубренная кромка раковины или маленький костяной гребень. Ближе к концу этой эпохи наблюдается явное падение вкуса и чувства формы: орнамент начинает лишь имитировать перекрученную веревку, а еще позднее он состоит из крупных V-образных элементов.

Илл. 15

Орнаментация гончарных изделий этого периода развивалась локально, но иногда можно проследить признаки внешних влияний, особенно из Центральной Германии и Западной Европы. Подтверждением контактов с последней является странный сосуд со

Илл. 24

стилизованным лицом, который подчеркивает наличие связей между мегалитическими погребениями Дании и Западной Европы.

В то время, когда в ходу еще оставались погребения с коридорами, но уже давно начался период среднего неолита, в стране возникает новая культура (или, скорее, три родственные культурные группы) — так называемая культура боевых топоров, или, по контрасту со своими мегалитическими предшественниками, культура одиночных погребений. Материальной связи между нею и мегалитическими культурами нет, и ее появление в Дании можно понимать как результат иммиграции из областей на юге и востоке, где можно найти аналогии ее материальным следам.

Илл. 21

Принадлежащие к этой культуре находки извлекаются из невысоких могильных холмов, которые нередко вблизи рек и пастбищ в песчаных внутренних областях Ютландии. К концу прошлого века раскопки с очевидностью показали, что эти холмы росли в течение многих лет, поскольку захоронения располагались одно над другим и каждый холм отражал смену нескольких поколений. В типичном холме первая могила находилась ниже уровня земли; тело лежало в ней на боку в положении спящего, рядом с ним — обычный и боевой топоры (или, в случае женщины, янтарные бусы), а подчас и сосуд, предположительно, наполненный

пищей. Следующее тело укладывалось на вершину первой могилы в таком же положении, и над ним сооружался низкий могильный холм. Эта последовательность продолжалась, и размер холма постепенно увеличивался. Должно быть, этот обычай пользовался популярностью, поскольку иногда его продолжали придерживаться уже в эпоху позднего неолита. На иллюстрации 23 отражены последовательные изменения предметов, найденных на трех типичных кладбищах культуры одиночных погребений, самые древние — слева. Кубок начальной стадии этой эпохи характеризуется коническим венчиком и круглым туловом с горизонтальными отпечатками веревки под ободком. Близкие аналоги этой керамики встречаются в Саксонии и Тюрингии, и кажется вероятным, что именно оттуда носители культуры боевых топоров расселились в северном направлении до самого Лимфьорда в Ютландии.

Илл. 22

Илл. 23

Вторая стадия представлена мягко выпнутым кубком с гравированным декором, а последняя — маленьким сосудом, похожим на цветочный горшок.

Илл. 15

Илл. 23

Из многих сотен раскопанных могил этой культуры было собрано огромное количество материала, допускающего хронологическую и географическую систематизацию. Очень подробную классификацию этого материала предложил профессор Глоб; для подобного деления особенно пригодны различные

формы нефритовых топоров, начиная с простых грубых вариантов с косою режущей кромкой, которые постепенно эволюционируют в тонкие и изящные произведения.

Распределение одиночных погребений показывает, что первоначально эти люди были не земледельцами, а скотоводами, чьи стада паслись вдоль рек и на открытых равнинах.

Ближе к концу среднего неолита мы встречаемся с родственной им группой в Восточной Ютландии и на островах. Их кубки не очень отличаются от экземпляра на иллюстрации 23, в центре; это выпнутые, довольно широкие сосуды с крупным зигзагообразным узором. Следы представителей этой группы были обнаружены в ряде захоронений, а также при раскопках нескольких П-образных хижин.

Илл. 23

Третья группа, связанная с Восточной Скандинавией, известна по острову Борнхольм и другим островам на востоке Дании. Она именуется культурой ладьевидных топоров из-за похожего на лодку сечения характерных для нее топоров с короткой проушиной. Иногда эти полированные нефритовые топоры обнаруживаются в каменных гробницах вместе с массивным полированным долотом из кремня. Характерные сосуды этой культуры имеют овальное сечение и покрыты линейным орнаментом или отпечатками гребня.

Еще одна культура этого периода называется культурой ямочной керамики, названной по характерной для нее керамике, украшенной

множеством глубоко вдавленных ямок. Эти сосуды имеют короткое широкое горло, постепенно переходящее в почти острое основание; декорированы они оттиснутыми шевронами и треугольниками, а также типичными углублениями. Признано, что первоначально эта культура была распространена на Скандинавском полуострове, но затем затронула и восточное побережье Дании. Материал, добытый из ее поселений и захоронений с ингуацией, показывает, что, хотя люди культуры ямочной керамики держали свиней, первоначально основой их экономики была охота. Самые характерные орудия — это рыболовные крючки и длинные треугольные наконечники для стрел, но встречаются также гарпуны и наконечники копий с волнистыми кромками, наряду со странными треугольными пластинками из кости. Одним из самых обычных и наиболее типичных предметов, обнаруживаемых при раскопках поселений культуры ямочной керамики является цилиндрический кремневый нуклеус, от которого откалывались пластины.

Трудно ожидать, что все эти разнородные культурные группы жили без некоторых трений. Даже в рамках самих групп далеко не всегда царил мир; например, угон скота, наверное, процветал во всех первобытных скотоводческих сообществах. Присутствие красиво отполированных боевых топоров из нефрита в могилах мужчин указывает на

жизнь, в которой не было места безмятежности, ведь боевые топоры, и это очевидно, представляют собой оружие. Идет ли речь об элегантном двойном топоре из погребений с коридором, эффективном боевом топоре из одиночных погребений или ладьевидном топоре с востока, сказать можно одно и то же, а дополнительной иллюстрацией к этой истории служат мрачные находки из захоронений. Многие черепа из мегалитических захоронений отмечены глубокими рублеными ранами в области лба или виска, а также проломами, как от тяжелой дубины, в задней части головы. Среди шейных позвонков попадаются наконечники стрел, а одна могила дала череп, пронзенный стрелой сверху, через нос. Все они повествуют о войнах и раздорах, имевших место задолго до начала письменной истории. Мир тех, кто обрел последнее пристанище в этих огромных каменных гробницах, не был ни безопасным, ни спокойным. Но раненые не всегда умирали без помощи; хирурги проводили своими кремневыми инструментами сложные операции, и, хотя некоторые пациенты погибали, кое-кто выживал. Например, сломанные кости часто соединялись с таким мастерством, что поправившийся пациент даже мог передвигаться не хромя.

Илл. 18

Самой странной операцией, проводимой хирургами этого периода, была трепанация. Вероятно, эта практика не имела ничего

общего с лечением ран; может быть, она была призвана всего лишь облегчить головную боль или представляла собой своеобразный религиозный ритуал. Археологами найдены черепа, из которых острым кремневым ножом были вырезаны круглые кусочки; неизвестно, в сознании ли был пациент в ходе этой дерзкой операции, но, несмотря на столь суровое лечение, пациенты, которые ему подвергались, иногда не умирали, а жили дальше.

Илл. 16

Но не все контакты между разными группами были враждебными: имеется множество доказательств существования торговли. Желваки высококачественного кремня, который добывали некоторые из них, представляли собой ценный товар, так же как соль и красивый янтарь, который можно было собирать на морских побережьях. Это лишь часть товаров, перемещавшихся по территории Скандинавии и за ее пределы. Среди многих других материалов, являвшихся предметами торговли в этот период, была медь, впоследствии обретшая важное значение как одна из составляющих бронзы. Впервые она появляется в период ранних *дюссе* в виде бусин и маленьких пластинок; позднее количество медных орудий и оружия увеличивается. В этой связи одним из самых важных приобретений археологов являются найденные в Бюгхольме медные топоры и кинжал, а также крупное керамическое изделие,

относящееся к типу, свойственному для ранних погребений с коридором.

Ряд золотых ожерелий в форме полумесяца, известных как *лунулы*, можно соотнести с аналогичными ирландскими украшениями, и, даже не будучи привозными, они указывают на некое культурное взаимодействие с Британскими островами.

Поздний неолит — это эпоха перемен. Усопших чаще всего хоронили в больших каменных гробницах, хотя по-прежнему в ходу были *дюссе*, погребения с коридором и одиночные погребения. Боевой топор исчезает, ему на смену приходит кинжал, красиво выполненный в присущей этому периоду манере из кремня, тщательно обработанного методом откальвания плоских пластин. За этим кремневым орудием можно разглядеть его металлический прототип, поскольку кремневых дел мастер воспроизводит головку рукояти в виде рыбьего хвоста, характерную для бронзовых кинжалов, встречающихся по всей Европе. Техника обработки кремня в этот период отличается небывалым качеством и нигде не проявляется в таком блеске, как в изготовлении кинжалов, поверхность которых полировалась перед окончательной заточкой. Мастеру были известны достоинства и ограничения, присущие его материалу, и он использовал их в полной мере, подчеркивая изящество своего произведения даже с помощью цвета кремня, что можно видеть на примере кинжала из

Илл. 26

Хиндсгавла с его теплыми оттенками коричневого и голубого. Здесь мастер по обработке кремня достиг вершины своего искусства.

Такое же качество исполнения характерно и для наконечников стрел; изделие, в древнейшие периоды представлявшее собой простую заостренную пластину, теперь стало подлинным триумфом ремесленного искусства, приобретя форму сердца и зазубренную кромку. Эти стрелы, вместе с другими новинками своего времени, пришли в Данию из Западной и Центральной Европы. Среди этих новшеств было использование бронзы и введение простой керамической посуды. Одним из типичных орудий этого периода является плоский бронзовый топор. Он встречается в двух разновидностях: первая, с широким изогнутым лезвием, происходит из Центральной Европы, вторая, с отшлифованными краями, а иногда и выгравированными узорами, — из Западной. Отличительной особенностью всех этих топоров является форма их широкого закругленного лезвия, которая произвольно возникала при изготовлении топора, поскольку по его кромке ударяли молотом, пока не достигали требуемой остроты, а при этом металл расклепывался именно таким образом, от центра к краям.

С периодом позднего неолита мы входим в эпоху внедрения металла и первых стадий бронзового века, к которому мы теперь и должны перейти.

Глава IV

Бронзовый век

Хотя между поздним неолитом и ранней бронзой нет фундаментальных различий, зарождение искусства бронзового литья было эпохальным событием. В этот период социальная структура сообщества проступает с большей ясностью, чем когда-либо раньше. Поразительно, что датские ремесленники, не имевшие возможности опереться на традицию металлообработки и лишенные местных источников меди и олова, в столь короткий срок смогли сравняться в мастерстве со своими собратьями из стран, более щедро наделенных необходимым для их работы сырьем. Еще удивительнее то, что качество исполнения и декора у произведений скандинавского кузнеца по бронзе часто, как минимум, не ниже, чем в любой другой европейской стране. Возможность для подобной демонстрации мастерства ремесленника могла возникнуть только вместе с приобретением материальных ценностей в результате активной торговли. Мы не знаем наверняка, учились кузнецы за пределами страны

или нет; но ясно то, что без непосредственного обучения они не смогли бы овладеть столь новым и сложным искусством. Торговля, поддерживавшая их ремесло, должна была основываться на эффективном транспорте: вместительных лодках и телегах или, по крайней мере, вьючных лошадях, — и в связи с искусством обработки бронзы нам необходимо рассмотреть и этот вопрос.

Сырье для работы кузнеца по бронзе нужно было ввозить в виде слитков, преодолевая очень большие расстояния. Медь добывали во многих частях Западной и Центральной Европы, но олово было более редким товаром, который в доисторическую эпоху был доступен лишь в нескольких областях Европы. Самой известной областью добычи олова в Западной Европе в это время являлся Корнуолл, и мы знаем, что именно оттуда в римский период этот металл ввозился в Средиземноморье по рекам Франции.

Медные рудники в Миттерберге, Австрия, могут рассказать о горнопромышленных технологиях того периода: туннели прокладывались с помощью нагрева скалы огнем с последующим охлаждением горячего участка холодной водой. Растрескавшийся камень затем разбивали молотами и выносили из туннеля в корзинах. Проход был облицован деревом, прилагались усилия для обеспечения вентиляции. Рудники были расположены в лесистой местности, поэтому лес был доступен

в достаточном количестве для поддержания огня, с помощью которого металл отделялся от пустой породы.

В природе олово обычно встречается в кристаллической форме, и достойно внимания то, что уже в этот древний период человек выявил весь сложный процесс, необходимый для высвобождения этого металла. Еще примечательнее то, что он раскрыл возможность применения олова в сплаве с медью в соотношении 1:9, то есть в составе бронзы. Однако открытие это было совершено не в Европе, а в Средней Азии, откуда задолго до этого пришло знание о земледелии. Скоро умевшие использовать металл народы Ближнего Востока обратили свое внимание на Европу, которая являлась источником руды и рынком для их готовой продукции. Умение лить бронзу распространялось в северном направлении и примерно к 1500 г. до н. э. достигло областей на юге Дании.

Илл. 28

В этот период в Дании появились первые блестящие бронзовые предметы, и, бросая вызов этим новым диковинам, кремневых дел мастера поспешили изготовить невероятно искусные имитации. Мастер по обработке кремня копировал новые бронзовые кинжалы и топоры в старом материале, он имитировал даже однолезвийные и обоюдоострые мечи; но все было тщетно. Его изощренное мастерство было утрачено; кто бы теперь

Илл. 26

предпочел хрупкие, пусть и красивые, кремневые орудия крепким и прочным предметам из яркого металла? Ремесленники младшего поколения поступали в учение к иноземным мастерам и заимствовали у них это новое искусство. Весьма быстро мастера Скандинавии выработали свой стиль, мы начинаем обнаруживать бронзовые предметы скандинавского типа высочайшего качества, и именно с их появлением в Дании по-настоящему начинается бронзовый век.

Первые бронзовые изделия, произведенные в Дании, представляли собой простые плоские топоры и кинжалы, современные аналогичным британским и центрально-европейским (унетицкая культура) типам. Эти топоры, которые встречаются вместе с привозными предметами, безошибочно трактуются как изделия местного производства; они изготовлены из бронзы с очень незначительным содержанием олова.

В последующий период кузнецы полностью овладели новым материалом, и предметы из Вальсوماгле, Зеландия, демонстрирующие выраженные скандинавские черты, красноречиво говорят об этом. Эта находка состояла из меча (иллюстрация 27, второй слева), четырех наконечников для копий (один приведен на иллюстрации 35, внизу), трех топоров (предназначенных для использования в качестве оружия), пальстаба (топора с узким лезвием и высокими выступами с обеих

Илл. 27

Илл. 35

сторон) и рыболовного крючка. Возможно, эта находка была не набором погребального инвентаря, а кладом, закопанным, скажем, кузнецом. Ремесленник, изготовивший эти предметы, был мастером своего дела; они свидетельствуют о его тонком и довольно эклектичном вкусе. О его страсти к рыбалке говорит не только рыболовный крючок, но и маленькая стайка рыб, украшающая шейку наконечника копья. На этой же шейке есть и другой мотив — двойная спираль, хорошо известная в период шахтных могил в Греции (ок. 1500 г. до н. э.); через Венгрию она попала в Данию, где этот простой и довольно игривый узор был применен с виртуозностью и воображением. Этот мотив требует тщательности исполнения, и наконечник копья из Вальсумагле показывает, как искусно и чутко он использовался даже в эту раннюю эпоху с тем, чтобы выявить игру света и тени на блестящей поверхности металла.

Илл. 35

Топоры из этого клада имеют горизонтальный ободок вдоль своих сторон, но в остальном схожи с более грубыми образцами, один из которых изображен на иллюстрации 35, в центре. Этот топор украшен тонким геометрическим узором, производящим эффект татуировки на гладкой бронзовой коже. Пальстаб произошел от плоского топора с выступами и увеличенным лезвием. Пальстабы с рукоятями, найденные в гробах из древесного ствола, показывают, что топо-

Илл. 35

рище делалось из прочной ветки с боковым ответвлением, отходящим под острым углом. Это ответвление отрубалось от дерева на нужную длину, а его конец раскалывался, чтобы в образовавшейся расщелине поместился узкий обух пальстаба. На половине высоты лезвия находился выступ, не позволявший топорищу расколоться надвое.

Меч из этого клада с тщательно оформленной рукоятью отличается красотой исполнения. Это было колющее оружие (или рапира), а рукоять была настолько маленькой, что на ней могли разместиться только три пальца руки, а два других, должно быть, сгибались уже за ее головкой. Рубящие клинки в этот период редки, но недавно в болоте в Западной Зеландии был обнаружен изогнутый экземпляр в прекрасном состоянии (иллюстрация 26, в центре). Это — тяжелое оружие, главная ставка делалась на его вес, а не на острое лезвие; его загнутый конец утолщен и утяжелен тремя шишечками, меч декорирован в той же манере, что и топор на иллюстрации 35, в центре. Характерная форма этого меча, в конечном счете, восходит к рубящим мечам Ближнего Востока.

Илл. 26

Можно предположить, что подобные мечи производились в Восточной и Центральной Европе, но их сохранилось мало, и очевидно, что колющие клинки встречаются чаще. Некоторые колющие мечи были введены в Данию, один из них — прекрасный

Илл. 28

Илл. 27

венгерский образец — приведен на иллюстрации 27, внизу слева.

Последующий период (период II), охватывающий последнюю часть 2-го тысячелетия до н. э., представлен многочисленными могильными курганами. В течение этого времени были сооружены многие из этих крупных могильных холмов, столь обычных в датской сельской местности, но эти памятники значат куда больше, чем просто неровности на линии горизонта. Эти курганы отражают то общество, которое их возвело. Раскопки дают намек на то, какой объем работ и средств требовался для их строительства. Холмы эти возводились из камней и огромного количества торфа; действительно, ради постройки холма 9 футов в высоту и 60 футов в поперечнике приходилось обнажать целые поля от их торфяного покрова и жертвовать немалым количеством пастбищных земель. Тело захоранивалось в каменном склепе в гробу, сделанном из выдолбленного древесного ствола с ручкой на одном из концов, призванной облегчить его перемещение. Склеп или гроб покрывались грудой камней, а сверху торфом. Подобную работу можно было проделать только при похоронах богатого человека, бедным нечего было надеяться на такие проводы.

Эти захоронения расположены на вершинах холмов, откуда открывается вид на обширную территорию, и сами курганы оказы-

ваются видны с расстояния во много миль. Нередко они выстраиваются рядами, и Софус Мюллер первым предположил, что это явление связано с тем фактом, что эти могильные холмы тянутся вдоль дороги. Пример аналогичного расположения можно найти в пригородах Рима, где могильные камни идут вдоль дорог, расходящихся из города, и их надписи напоминают проходящим об усопших, которые не были забыты. С вышесказанным было тесно связано древнее представление о доме мертвецов, которые продолжают жить и в могиле. В Римской империи это представление было обычным, и для душ усопших строились дома.

Илл. 30

Илл. 29

Точно так же как в Риме, в бронзовом веке дома для мертвых сооружались и в Северной Европе. Но сохранились они под могильными холмами Тюрингии, где над ними сооружали земляные курганы. В других местах оказалось, что дома эти были сожжены, и представляется, что иной раз они служили погребальными кострами. В то время как в Дании следы подобных строений немногочисленны и незначительны, у самой ее границы, но чуть южнее ее, обнаружены хорошо сохранившиеся образцы.

Иногда прилегающая к могильному холму территория огораживалась огромными камнями или деревянными столбами, и можно допустить, что здесь совершались какие-то церемонии, не оставившие особого следа

среди археологических свидетельств. Во многих случаях под основанием холма обнаруживались следы плужного лемеха. Это не обязательно означает, что холм был сооружен на распаханном поле; недавняя находка наводит на мысль о том, что пахота была частью погребального ритуала.

О непреходящем значении могильного холма для окрестных жителей говорит тот факт, что часто он скрывает в себе несколько захоронений, появившихся уже после того, как строительство кургана было закончено. Первое из них нередко представляет собой ингумацию в центре кургана; впоследствии кремированные кости закапывали в сосудах или просто в ямах по склонам холма. Таким образом, могильные холмы становились жилищами и духовными обителями мертвых. Лишь в течение последних нескольких столетий распространилась практика вскрытия этих чтимых и внушающих ужас могил, которые к тому времени почти утратили свое былое значение. Изучение исландских саг и датского фольклора позволяет нам осознать, какую силу представляли собой жители могильных холмов.

Погребальный инвентарь, захороненный вместе с мертвецами, говорит о вере человека бронзового века в продолжение жизни после смерти и в то, что живущие обязаны исполнять определенные надобности и

обязанности, чтобы обеспечить себе это существование в могильном холме. Жизнь и смерть рассматривались в неразрывном единстве, и никакие расходы не казались чрезмерными, если речь шла о том, чтобы обеспечить умершего человека предметами и материалами, которые потребуются ему в его посмертной жизни. Зажиточной женщине давали с собой ее золотые и бронзовые украшения, а рядом с мужчиной в могилу укладывали его оружие. Но бывали случаи, когда бедный родственник вместо длинного меча вкладывал ему в ножны простой кинжал: поступок не слишком почтительный, если вообще человеческий, избалованный при раскопке дубового гроба в Ютландии. Эти могилы сохранили почти полные наборы погребальных принадлежностей — таких, как одежда, деревянные и металлические предметы и даже воловьшья шкура, служившие саваном.

Илл. 31

Сохранность столь большого количества органических веществ объясняется счастливым сочетанием обстоятельств. Во-первых, дубовый гроб был помещен на глинистую подпочву, препятствовавшую испарению влаги и, тем самым, тлению органических веществ; во-вторых, могилу часто полностью изолировали слои определенного соединения железа, образывавшие вокруг гроба твердую корку. И наконец, кислота, содержащаяся в дубе, обладает превосходными консервирующими свойствами.

Илл. 32

Интересный пример захоронения с такими характеристиками был раскопан в 1921 г. в Эгтведе, Восточная Ютландия. В основании могильного холма находился дубовый гроб, ориентированный по линии восток-запад. Он был доставлен в лабораторию Копенгагенского Национального музея, и когда крышка была поднята, внутри оказался побег цветущего тысячелистника, лежавший поверх савана из воловьей шкуры, — возможно, прощальный дар, или же случайность? Таким вот тихим и неприметным способом он сообщает нам о том, что погребение произошло летом.

Илл. 33

В шкуру было завернуто тело молодой женщины ростом 5 футов 2,5 дюйма примерно лет восемнадцати-двадцати. Кости истлели, но кожа, ногти и зубная эмаль сохранились. Она была одета в куртку с рукавами до локтя, короткую юбку из веревок, соединенных у талии и по низу, талию обвивал ремень с затейливыми кисточками, к нему был прицеплен роговой гребень. На животе находился круглый бронзовый диск с острием в центре. При ношении таким образом он, должно быть, очаровательно подчеркивал привлекательность ее легкого одеяния, но в то же время, наверно, удерживал восхищенных мужчин от изучения его на слишком близком расстоянии! На запястьях она носила бронзовые браслеты.

Молодая женщины была похоронена не в одиночестве и не осталась без орудий и еды.

Рядом с ней лежала коробка, сделанная из березовой коры, в ней находились шерстяная веревка и шило. Вережка едва ли предназначалась для шитья, поскольку на ней было завязано несколько узлов; возможно, это была лента для волос. Около ее ног, поверх шкуры, стояло небольшое берестяное ведро, сшитое с помощью лыка. Исследование осадка показало, что в нем находилось либо пиво, либо фруктовое вино. Под шкурой лежали кремнированные кости ребенка в возрасте шести-семи лет. Загадка этого захоронения, вопрос, на который нет ответа: почему ребенок был кремнирован, а молодая женщина нет? Не был ли ребенок положен в могилу в качестве жертвы?

Другой очаровательный представитель датского бронзового века — это молодая женщина, тело которой было найдено в Скрюдструпе в Южной Ютландии в 1935 г. Гроб был сильно поврежден, и перед отправкой в лабораторию его пришлось покрыть гипсом. Когда же было открыто тело, оно оказалось на удивление хорошо сохранившимся; скелет был цел, хотя мягкие части тела слегка сморщились. Тело принадлежало молодой женщине восемнадцати-девятнадцати лет 5 футов 1/6 дюймов ростом, с длинной головой, узким лицом и светлыми волосами, уложенными в изысканную прическу. У нее были правильные черты лица, длинные ресницы и великолепные белые зубы; в уши были

Илл. 31

продеты две большие спирали из тонкой золотой проволоки; волосы покрывали сетка и красивая шапочка, завязанная под подбородком двумя длинными лентами. Ее куртка походила на одежду эгтведской женщины, а по низу рукавов был вышит узор. Тело было завернуто в длинный кусок материи, закрепленный на талии ремнем; хотя он и напоминает юбку, это, вероятнее всего, просто саван. Ноги были обмотаны маленькими кусками ткани; тем не менее можно предположить, что она, как и прочие люди бронзового века, носила кожаную обувь типа мокасин, известную по более поздним находкам. Кервель на дне гроба говорит о том, что скрюдstrupская женщина тоже была похоронена летом.

Другая важная находка происходит из Борум Эсхей в Восточной Ютландии. Женщина, найденная в этой могиле, была одета так же, как скрюдstrupская, но в том же могильном холме была обнаружена и мужская одежда. Комплекты мужской одежды были найдены также в Триннхей в Восточной Ютландии и в Муллебьёрге в Западной Ютландии. Во всех этих случаях одежда состояла из тоги или набедренной повязки, плаща и круглой шапочки. Брюки вошли в обиход позже, возможно, под влиянием восточных кочевников.

Муллебьёргский мужчина была облачен в тогу, которая охватывала его туловище под мышками, а один конец был переброшен

через плечо и закреплен сзади. На талии был ремень, застегнутый на бронзовый крючок, а меч носили на перевязи, надетой через плечо. Плечи покрывал плащ, спускавшийся ниже колен. Как и у эгтведской девушки, это одеяние было легким и прохладным, подходящим для мягкой летней погоды; можно предположить, что зимой мужчина одевался более основательно. Одежды застегивались бронзовыми брошами, принадлежащими к типу, который будет описан ниже.

Полусферическая мужская шапочка является замечательным произведением искусства; материал, из которого она была сделана, напоминает ткань, из которой шьют современные купальные полотенца, за исключением того, что, несмотря на грубые иглы того времени, маленькие петли расположены ближе друг к другу и лучше по качеству. Это лишь один пример удивительного искусства этих людей, чьи орудия часто были самыми что ни есть примитивными. Используемая ими ткань чаще всего соткана из шерсти, хотя иногда употреблялись и растительные волокна. Шерсть сначала чесали, возможно, с помощью куска дерева с шипами, а затем пряли и скручивали в прочную нить на прялке. Вероятно, странно, что до нас не дошло ни одного веретена этого периода, но, судя по образцам железного века, — одно, например, было найдено вместе со странной ложкой в Хьёртспринге на острове Альс — мы знаем,

что веретено могло представлять собой простую палку, один из концов которой был толще другого.

Станок, на котором ткали шерсть, оставил мало археологических следов, но его можно реконструировать с помощью нескольких найденных ткацких гирь. Имея отверстие в центре и кольцевидное поперечное сечение, они подобны гирям своеобразного вертикального ткацкого станка, использовавшегося в Северной Скандинавии, на Фарерских островах и в Исландии вплоть до XVIII в. н. э. Непрерывность традиции, связанной с этой разновидностью ткацкого станка, подчеркивают и находки из домов железного века. Станок состоял из двух вертикальных столбов, поддерживавших горизонтальный валик, на который наматывалась готовая ткань. Ткацкие гири привязывались к вертикальным нитям (основе) таким образом, что их через одну можно было двигать взад-вперед по мере тканья; уток проталкивался на место с помощью специального ткацкого инструмента; археологи нашли его костяной образец с такой же рукоятью, как у зубцеобразного меча.

Илл. 62

Достоинны упоминания и другие находки из дубовых гробов — мечи и кинжалы, некоторые дошли до нас в своих деревянных ножнах, целых и украшенных резными орнаментами. Найден был и пальстаб с рукоятью, последняя представляла собой древко,

заканчивающееся боковым ответвлением, расположенным под острым углом. Пальстаб был вставлен в расщепленный конец этой боковой ветки. В то время как декор керамической посуды этого периода достаточно посредственен, сохранились красивые деревянные и берестяные коробки. Например, имеется деревянная чаша, украшенная небольшими оловянными гвоздями, которая была найдена вместе с роговой ложкой и рогом для питья.

В одном из гробов было найдено складное сиденье (складной табурет, достаточно похожий на современный походный стул), состоящее из двух рам, надетых на стержень в центре, с деревянными полозьями сверху и внизу; верхние полозья снабжены желобками и отверстиями, служившими для закрепления кожаного сиденья. Как показывают копии этого табурета, он, по всей видимости, был весьма удобным, обладая к тому же тем дополнительным достоинством, что его было легко переносить с места на место. Цилиндрические бронзовые оправы рам от таких табуретов достаточно часто встречаются в могилах этого периода.

Это сиденье представляло собой хорошо сконструированный предмет мебели знакомой формы, которая, наверное, пришла с юга. Такой тип мебели обыкновенен для Ближнего Востока, особенно Египта, но известен также на Крите, и, возможно, именно

этот район был отправной точкой пути этой конструкции в Данию.

Солярная колесница из Трундхольма в Северо-Западной Зеландии является одной из самых впечатляющих находок всей датской предыстории. Она относится к этому периоду и состоит из большого диска, покрытого золотыми пластинами, по крайней мере с одной стороны, поставленного на шесть колес и запряженного бронзовой лошастью; центр этого диска украшен (с обеих сторон) рядом кругообразных и спиральных узоров. На краю диска находится петля, соответствующая петле на груди лошади, и мы можем предположить, что они были соединены веревкой или цепью. Во рту лошади проделано отверстие, вероятно, для узды.

Илл. 36

Лошадь выполнена в объеме, и если вспомнить, что подобный прием не имеет аналогов в этот период и не имеет под собой никакой традиции, то легко понять, насколько изумительным произведением искусства она является. Объемное тело со стройными ногами и привлекательные черты лошадиной морды говорят о том, как хорошо художник знал и любил свою натуру. Шея животного украшена рядом тонких линий, изображающих гриву, а глаза навывкате окружены звездообразным мотивом.

Это произведение, состоящее из лошади и диска, катящегося на колесах, нелегко интерпретировать, но кажется вероятным, что

оно изображает скорее солнце, чем луну. Солнцеклонничество известно по всему миру, и возможно, люди этого периода верили, что по небу солнце влечет лошадь.

Можно предположить, что трундхольмская находка могла быть моделью большего диска, который везла живая лошадь; но в этом случае будет трудно объяснить, почему колеса помещены не только под самим диском, но и под лошастью. Поэтому более вероятным представляется, что здесь мы имеем изображение солнца и лошади, которая в умах людей от него не отделяется, и вся вещь является объектом культа. Но все это не более чем догадка, и мы не располагаем реальным знанием о мыслях и верованиях, вдохновивших создателей этого необычного произведения искусства. При отсутствии письменных источников интерпретация смысла этого предмета представляет непреодолимую трудность, и приходится взглянуть в глаза факту — на современном уровне наших познаний мы не можем постичь религиозных идей и верований бронзового века. С этими оговорками можно рискнуть предположить, что трундхольмский экипаж служил для призывания живительного тепла солнца, которое воспринималось как божество.

Тот факт, что многие предметы, включая трундхольмскую солярную колесницу, были найдены в болотах, может иметь некоторое

религиозное значение. Например, недалеко от Трундхольма именно в такой местности были найдены шесть красивых мечей. Но эти болотные находки не обязательно воспринимать как жертвоприношения или votивные предметы. В болоте в Смёрумове недалеко от Копенгагена были найдены сто шестьдесят три бронзовых предмета, включая шестьдесят наконечников копий и восемьдесят восемь топоров, и некоторые из этих вещей попали туда прямо из литейной печи и даже не были по-настоящему закончены. Этот клад следует понимать как имущество зажиточного купца или бронзовых дел мастера, который утопил эти бронзовые предметы в болоте в трудный час и, предположительно, оказался не в состоянии получить их обратно.

В этот период привозные вещи встречаются бок о бок с предметами местного производства, как мы видели и в период ранней бронзы. Среди многочисленных привозных типов оружия находится и меч с восьмиугольной рукоятью, происходящий из Центральной Европы. Но не все мечи этого типа были ввезены в Данию; может быть, некоторые из них были воспроизведены и адаптированы скандинавскими кузнецами по бронзе, так как отдельные узоры на них не имеют аналогов на континенте.

Третий период бронзового века, охватывающий начало 1-го тысячелетия до н. э.,

отмечен более утонченным и изящным декором на оружии и украшениях. Тонкая рукоять меча была украшена ажурным узором с инкрустацией из какого-то другого материала, контрастирующего с блестящим металлом. Другая особенность — небольшая вмятина в верхней части клинка, где находился большой палец. Известны и зубцеобразные мечи, рукояти которых были деревянными, костяными или делались из какого-то другого нестойкого материала. Особый интерес представляют ножны, в которых хранились эти мечи, поскольку они говорят о той заботе и внимании, которыми было окружено оружие; они состоят из тонких деревянных полос, выстланных мехом и покрытых кожей.

Илл. 27

Самым распространенным украшением этого периода является бронзовая брошь, служившая как застежка для одежды и появившаяся еще в предыдущий период. Она устроена по принципу английской булавки и, хотя в эту эпоху еще не существовало спиральной пружины (которая впервые появилась в железном веке), она была почти такой же удобной, как и ее более поздние варианты. Первые датские броши этого типа следовали за центрально-европейскими и были достаточно неуклюжими, однако в третьем периоде они улучшаются, и их дуги, с изящной насечкой, заканчиваются спиралью с обеих сторон. Булавка прикреплялась к

Илл. 34

одной из спиралей и зацеплялась за застежку с другой стороны.

Популярностью пользовался и другой предмет — поясная коробка, которая, как и брошь, в последующие периоды претерпела характерные изменения. Впервые она предстает перед нами в виде небольшой круглой коробочки с декорированным плоским дном и плоской гладкой крышкой с петлей в центре, соответствующей двум петлям на краю. Ремень, на котором она висела, продевался через эти три петли и тем самым удерживал крышку в закрытом состоянии. Возможно, она использовалась для ношения туалетных принадлежностей, то есть ее можно считать двойником современной дамской сумочки в бронзовом веке. Есть основание предполагать, что бронзовая ременная коробочка имитирует деревянный оригинал.

Илл. 38

К этому периоду относятся и другие переносные предметы — запястья или браслеты (которые иногда делались из золота), пуговицы и ножи.

Могилы по-прежнему поставляют нам важную информацию. Умерших обычно хоронили в деревянном гробу или каменной гробнице, как и в предшествующий период. Наверное, самый значительный из известных могильных холмов этой эпохи был найден в Кивике в Южной Швеции (некогда датской провинции Скания). Он был вскрыт в 1748 г., и обнаружилась необычайно большая гроб-

ница (достигающая размера 12 × 3 фута), построенная из каменных плит. Внутренняя поверхность каждой плиты была украшена странными резными изображениями; некоторые из них, вроде человека на двухколесной колеснице, запряженной двумя лошадьми, понять несложно; другие, например, фигуры с S-образным профилем, облаченные в странные одеяния, нельзя интерпретировать ни с какой долей определенности, и остается только предполагать, что они изображают умерших. На этих каменных плитах присутствуют и другие мотивы: знак в виде *омеги* и необычный сложный декор, состоящий из трех четвертей окружности, внутри которой стоят двое мужчин, поддерживающих дискообразные концы орнамента, напоминающего перевернутый якорь. Очевидно, что эти сцены обладают вполне определенным смыслом, но теперь уже невозможно понять их значение. Однако мы можем быть уверены, что могильный холм в Кивике был сооружен для весьма влиятельного человека.

Следует сказать, что из этого периода до наших дней дошли не только захоронения богатых; попадаются и бедные могилы, а их сочетание подчеркивает факт существования в то время социального устройства с четкой классовой дифференциацией.

В этот период вводится кремация, которая постепенно завоевывает все большую популярность, пока в период поздней бронзы

не становится господствующим погребальным обычаем. По-видимому, эти различные традиции не связаны с каким-то явным антагонизмом; скорее, этот переход следует рассматривать как свидетельство изменения представлений людей о посмертном существовании. Мы уже встречались с ранним примером кремации в эгвэдском захоронении.

Странную, но распространенную переходную форму между этими двумя обычаями демонстрирует захоронение обожженных костей в полноценной каменной гробнице. Особый интерес в этой связи представляет могила в Видегордене, Люнгбю, к северу от Копенгагена. По булыжному полу каменной гробницы были рассыпаны обгорелые кости, прикрытые мужской одеждой. Среди погребального инвентаря, включавшего меч и брошь, была найдена кожаная сумка, содержащая несколько амулетов. Погребенный здесь человек, должно быть, обращался за помощью к колдуну; или же он и сам умел высвобождать силу, заключенную в амулетах. Это не единственная находка подобного рода, и выборочный список предметов, найденных в таких же сумках, напоминает колдовское зелье, описанное в *«Макбете»*: змеиный яд, соколиный коготь, кость из рысьей лапы, небольшие камешки в пузыре, кусочки железного колчедана, части птичьего зоба, нижняя челюсть белки и несколько маленьких палочек, связанных веревкой. К несчастью,

Илл. 41

мы не в состоянии понять значение и ценность этой странной смеси.

В течение третьего периода бронзового века появляются первые образцы духовых инструментов, известных как «луры», но мы рассмотрим их ниже, говоря о позднейших и более совершенных экземплярах, относящихся к периоду поздней бронзы (периоды IV–VI).

В течение IV периода бронзы кремация становится преобладающим погребальным обычаем, а обгоревшие кости чаще всего закапываются в землю в погребальных урнах. Каменные гробницы еще иногда обнаруживаются, но обычно они меньшего размера, чем в предшествующий период.

Погребальные урны или гробницы помещались либо прямо в землю или, реже, в могильные холмы. В одной урне периода поздней бронзы (датировать ее точнее нет возможности) были найдены обожженные кости молодого мужчины или женщины вместе с четырьмя парами птичьих крыльев: шесть из них принадлежат галкам и еще два — вороне или ворону. Подобная находка способна приоткрыть для нас представления людей, похоронивших эту молодую особу, поскольку на ее основании можно без всякого риска допустить, что по их верованиям после смерти человек отправляется в потусторонний мир на крыльях. Подобные представления не вполне чужды и нынешнему цивилизованному обществу, и сравнение с

птичьими крыльями до сего дня используется, например, в одном из датских народных погребальных песнопений.

Самые богатые клады этого периода дали нам болота. Женщины бросали туда свои большие рифленые ожерелья, возможно, в знак благодарности, ожидания или же приношения какому-либо богу или богине. Поразительна находка, которую можно отнести к этому периоду, представляющая собой целую флотилию маленьких лодок из золота, украшенных концентрическими кругами. Но более всего восхищают и удивляют *лурь*, золотые чаши и оружие.

Как мы уже видели, *лурь* впервые появляются в предшествующий период. Но тогда это были простые инструменты; теперь же они развились во внушительные, полностью сложившиеся инструменты с большими изогнутыми трубами. В Дании найден тридцать один *лур*, и, хотя несколько было найдено и в соседних странах, очевидно, что этот инструмент был изобретен именно в Дании. Отливка подобного произведения была чрезвычайно сложным процессом, выполнявшимся по методу *cire perdue* (вытапливание воска): требуемую деталь вылепляли из глины, наносили на нее слой воска, а затем покрывали еще одним слоем глины; бронзовые булавки не позволяли двум глиняным частям соприкоснуться, когда воск вытапливался и вытекал через отверстия во внешней литейной

Илл. 44

форме. Затем в пустое пространство заливалась расплавленная бронза, и, когда все это остывало, глиняные формы оббивали или срезали с бронзы. *Луры* отливали по частям, отдельно изготавливались также цепь и подвесные пластины. Разрозненные части трубы соединялись, и нужно было следить за тем, чтобы металл колец, использовавшихся для их скрепления, обладал меньшей температурой плавления, чем материал труб. Для того чтобы *лур* был удобнее в употреблении, нижняя часть легко отделялась, а собрать и закрепить вместе обе половины можно было с помощью простого приспособления. Ремесленнику для изготовления этих *луфов* требовался поразительно высокий уровень технического мастерства и колоссальный объем знаний по металлургии.

Примечательно, что *луры* обычно встречаются парами одинаковых размера и тона. Как музыкальные инструменты они впечатляют, даже при том, что звуки, которые они производят, едва ли можно назвать красивыми. Когда они были впервые обнаружены, считалось, что из них можно было извлекать только основные ноты лада, и исполнение песен без промежуточных нот сообщало игре некое своеобразное первобытное очарование; но недавние эксперименты показали, что им был доступен весь нотный диапазон. На этих древних инструментах были исполнены современные песни, а современные

композиторы даже использовали тональный ряд *лура* в крупных оркестровых произведениях, хотя и без особого успеха. Когда два *лура* звучат вместе, их музыка обладает большей силой и резонансом, тем не менее маловероятно, чтобы исполнители бронзового века составляли ансамбли.

Тембр *лура* отличается мягкостью и звонкостью, и его можно сравнить со звучанием современных больших духовых инструментов. Круглая пластина у раструба *лура* украшена, часто кольцом рельефных орнаментов, разделенных концентрическими кругами. Маленькие подвесные пластины, прикрепленные к раструбу с помощью множества маленьких петель, дополняли звучный голос *лура* своим резким звяканьем.

Другим роскошным даром болот являются золотые чаши, составившие не менее восьми больших кладов. В Лавинсгорде, о. Фюн, были найдены одиннадцать золотых чаш и большой бронзовый сосуд с узором из отверстий. Тот факт, что эти чаши были коваными, говорит о том, что они были привезены из Западной или Центральной Европы, так как на Севере подобная технология неизвестна. Однако ручки чаш со странными рогатыми лошадиными головами украсили эти чаши уже в Дании. И это не последняя наша встреча с рогатыми лошадьми.

Среди найденного оружия этого периода имеется ряд больших круглых щитов сделан-

ных из ковanej бронзы. Все они были ввезены в Данию, а углубления в форме полумесяца на умбонах некоторых щитов, возможно, указывают на то, что они прибыли с Юга.

Илл. 39

То же верно и в отношении рогатых шлемов, выполненных в той же манере и найденных при нарезке торфа во время Второй мировой войны в Вихё, Центральная Зеландия. Эти шлемы представляют собой наводящее страх украшение великих воинов: по центру купола шлема проходит ребро с бороздкой для гребня или султана, а по сторонам от него расположены два изогнутых рога; центральное ребро продолжается между двумя большими глазами, устрашающими своей величиной и выражением, и заканчивается крючковатым клювом, а весь шлем в целом производит впечатление стилизованной головы хищной птицы. Расположенные рядами маленькие выпуклости своими очертаниями тоже напоминают птичьи головы. Подобные головы являются обычной особенностью орнамента бронзовых изделий из Центральной Европы. Рогатые шлемы встречаются на обширной территории Европы бронзового века, их образцы были найдены, например, на о. Сардиния. Интересно, что маленькая датская фигурка мужчины, выполненная из бронзы, украшена рогатым шлемом, и это означает, что в Дании они не были такой уж редкостью. Шлемы и щиты, с одной стороны, и золотые чаши и *лурь*, с другой, могли

Илл. 39

принадлежать только представителям высших классов. Возможно, они принадлежали к обществу тех людей, которые носили массивные золотые браслеты — толстые разомкнутые кольца, заканчивающиеся шарообразными или чашеобразными шишечками.

Илл. 38

В женских захоронениях более обычны поясные коробочки, которые мы уже рассматривали, говоря о предшествующем периоде. Теперь они сильно увеличились в размерах и приобрели куполообразное основание. Броши также стали крупнее, а рифленая дуга с обеих сторон украсилась большими куполообразными пластинами, придававшими всей броши вид гигантских очков.

Илл. 34

Могилы мужчин часто содержат длинные мечи, более солидное оружие, чем в предыдущие периоды, предназначенное для нанесения как рубящих, так и колющих ударов, заканчивающееся Т-образным или почкообразным элементом в месте соединения клинка и рукояти. В некоторых погребальных урнах встречаются миниатюрные мечи этого типа, помещенные туда в качестве символа настоящих, которые не соответствовали размерам урны, но, тем не менее, были необходимы мужчине в его посмертном существовании. В могиле мужчины часто присутствует и бритва, вроде образца, декорированного одним из излюбленных мотивов этой эпохи: длинной и стройной лодкой с изящно изогнутыми двойными штевнями на корме и носу.

Илл. 45

Другие туалетные принадлежности — это щипчики, гребни и иглы (или шилья) для нанесения татуировки. Все они, должно быть, причиняли своим хозяевам немало болезненных ощущений; к примеру, тупые бритвы, скорее всего, делали бритье достаточно неприятным занятием, и поскольку мыла еще не существовало, его функции исполнял жир или, может быть, растительное масло.

Пятый период бронзового века характеризуется как эпоха барокко. Орнаментальные мотивы состояли из сильно изогнутых, волнистых лент; поясные коробочки стали такими большими, что, наверное, представляли собой чрезвычайно неудобное украшение, а шейные кольца и броши тоже были очень велики. Вероятно, эти украшения было трудно носить, но, по-видимому, они доставляли своим обладателям немалое удовлетворение, поскольку никто не мог устоять перед этой демонстрацией роскоши.

В нашем распоряжении имеется интересная ритуальная находка этого периода (около 800–600 г. до н. э.), происходящая из колодца в Бундсене на острове Мёен. Колодец был облицован выдолбленным стволом ольхи и камнем, а внутри находился ряд предметов периода поздней бронзы. Там лежали несколько подвесных сосудов (или поясных коробок), ременная пряжка и три бронзовые спирали, помимо костей двух волков, трех телят, лошади, свиньи и собаки.

Кажется вероятным, что человек бронзового века верил, что в проточной воде или под ней обитает некая сила, возможно, водяная нимфа, которая регулярно подает ему чистую питьевую воду.

Находок, представляющих конец бронзового века, немного, но некоторые ритуальные подношения обеспечивают нас интересной информацией о связях между Данией и странами к югу от нее. Захоронения с кремацией этого периода дали очень мало предметов — горсть булавок и несколько других маленьких вещей. В эту эпоху довольно необычной формой отличаются урны двух типов: одна из них представляет собой модель дома, а другая украшена человеческой маской. Очевидно, урна воспринималась как помертвное обиталище умершего. Кроме этих урн в этот период появляются другие типы кремации; например, следы обгорелых слоев и ям обнаруживаются на древней поверхности земли или вокруг урн, в которых находятся несколько обожженных в ходе кремации костей.

Илл. 43

В эту эпоху наши познания относительно украшений, орудий и оружия происходят из вотивных кладов. В них мы по-прежнему находим огромные витые ожерелья, браслеты и крупные изогнутые булавки бок о бок с более изящными булавками в виде лебединой шеи. Бронзовые предметы этого времени в изобилии дают указания на связи Дании

Илл. 37

с европейской территорией к югу от Балтийского моря, а такие изделия, как булавки в виде шеи лебедя и зубцеобразные мечи, обязаны своим происхождением центрально-европейской гальштатской культуре железного века. Бронзовые мечи гальштатского типа являются репродукциями железных или бронзовых оригиналов, и конструкция этих мечей пришла в Данию раньше, чем знание о железе.

Гальштат, место, давшее свое название ранним этапам центрально-европейского железного века, находится в Австрии, а экономическое значение в этот период оно приобрело благодаря соли, добывавшейся в его окрестностях и являвшейся важным предметом торговли. Он расположен в долине высоко в австрийских горах, добраться туда можно лишь по узким тропам, но спрос на соль в этот период был так велик, что труднодоступность места не была помехой для его процветания. Соль, которую добывали в Гальштате, спускали с гор, и она расходилась по обширной территории, так что Гальштат разбогател. Жили в нем специалисты, которые, несмотря на то что им приходилось закупать все пищевые продукты у подножия гор, могли позволить себе предметы роскоши — бронзовые сосуды из Италии и скандинавский янтарь, — удовольствие, способное до некоторой степени возместить неудобства их суровой жизни в горах и сырости шахт.

Гальштат иллюстрирует значение торговли в этот период, но нам мало известно о том, что поставлялось из Дании в Центральную Европу в обмен на оружие и украшения, наводнявшие страну. Возможно, Дания уже тогда получала свой основной доход за счет экспорта молочных и сельскохозяйственных продуктов в области с менее плодородной почвой.

Но несмотря на наши немалые познания о богатой материальной культуре этого периода, они оказываются односторонними, когда речь идет о Дании бронзового века. Нам неизвестно, какие дома строили люди. Мы располагаем несколькими находками периода поздней бронзы, которые дают нам некоторые сведения о тогдашних поселениях, но, хотя такие реликвии, как керамические тигли и литейные формы из глины и мыльного камня, проливают кое-какой свет на хозяйственную жизнь этих людей, нам все же трудно представить себе повседневную жизнь земледельца. Однако это становится возможным в отношении последующего периода, и нет оснований полагать, что условия жизни могли претерпеть существенные изменения.

Пока что мы только слегка коснулись произведений искусства бронзового века, говоря о трундхольмской солярной колеснице. Впоследствии искусство развивается в двух материалах — бронзе и камне.

Современному глазу миниатюрные литые статуэтки из бронзы этого периода могут показаться наивными, но это оригинальные творения художников. Бегло взглянем на две группы литых статуэток. Первая, из Фордала в Северной Ютландии, объединяет головы рогатых животных. Две головы, смотрящие в противоположные стороны, соединены маленькой птичкой, сидящей между ними. В этой группе присутствует и маленькая коленапреклоненная женская фигура, одетая только в юбку из веревок, с поднятой рукой, в которой некогда она, очевидно, что-то держала, глаза ее подчеркнуты золотой инкрустацией, на шее — ожерелье. Другая фигурка из той же композиции — извивающаяся змея с лошадиной головой и гривой. В основании всех статуэток имеются ушки, с помощью которых они, видимо, были прикреплены к деревянной или металлической подставке. Соблазнительно представить женщину как богиню со своей спутницей-змеей, в дар которой приносили ожерелья и волосы, заплетенные в косы.

Другая странная находка была сделана в XVIII в. в Гревенс Венге, около Нестведа в Южной Зеландии. В течение долгого времени эта находка и всякая информация о ней были утрачены, но недавно были найдены два современных рисунка, позволившие выявить две из шести фигурок среди коллекций Национального музея. Первоначально

эта группа состояла из трех женских фигурок с ожерельями на шеях, одетых в юбки из веревок и наклоненных назад, и двух коленопреклоненных фигурок мужчин в рогатых шлемах (сравнимых со шлемами из Вихё). В одной руке каждый из мужчин держал топор (принадлежащий к типу, известному по датскому археологическому материалу этого периода), другая лежала на животе. Шестой была статуэтка женщины в длинной юбке, одна ее рука была вытянута вперед, другая лежала на животе. Вся группа в целом выглядела как застывшая сцена из спектакля. Коленопреклоненные мужчины с топорами напоминают позднейшие лапландские изображения дохристианских богов Скандинавии; но подобные сравнения, перекрывающие столь длительные промежутки времени, опасны и ведут к ошибочным интерпретациям.

Художник того времени, работавший в камне, был не скульптором, а чертежником или графиком. Его работы можно видеть на отдельных камнях или валунах и, только на о. Борнхольм, — на скальных массивах. Эта резьба достаточно однообразна, самый обычный мотив — это простое отверстие или чашеобразное углубление в камне, но иногда встречаются колеса со спицами, отпечатки ступней и, реже, корабли. Изображения последних довольно просты и обычно состоят из двух параллельных изогнутых линий,

соединенных короткими поперечными штрихами; иногда в безыскусной и схематичной манере изображается и команда. На камне иногда вырезаются человеческие фигуры, а другой мотив — это рука и над ней четыре линии.

Эта наскальная гравировка не может быть лишена смысла. На основании ближневосточных параллелей колесо трактуется как символ солнца. В Южной и Центральной Скандинавии известны более важные и разнообразные гравировки. Здесь рисунки неодинаковы — можно увидеть, например, битвы между всадниками и разные другие мотивы, включая большие и маленькие человеческие фигуры, стоящие плечом к плечу: иногда более крупные изображения отмечены огромной рукой. Можно различить повозки и пашущих волов, видны даже борозды на вспаханном поле. Эти резные произведения можно датировать отчасти с помощью оружия и топоров, которые встречаются на некоторых скалах, а отчасти по типам кораблей, известным по бритвам, периодом поздней бронзы.

Илл. 45

В сцене пахоты половые признаки мужчины, направляющего плуг, подчеркнуты, и, в контексте акта пахоты, это следует понимать как символ плодородия. Плодородие в этот период, очевидно, рассматривалось как важная сила, проявлявшаяся в прорастании зерна и размножении животных и человека.

Связанные с плодородием верования можно распознать во многих находках этого периода; на крышке урны (датированной периодом поздней бронзы по изображению ожерелья, идущего вокруг крышки) находится панель, демонстрирующая мужчину и женщину с гипертрофированными половыми признаками под примитивным деревом. Чуть более поздняя находка представляет собой фаллическую фигурку мужчины, вырезанную из дерева и найденную в болоте в Бродденбьёрге, около Виборга в Северной Ютландии. Она была обнаружена в куче камней вместе с простой керамикой, относящейся к началу железного века. Аналогичная статуэтка, на этот раз женщины, была извлечена из другого болота в Северной Ютландии. Особый интерес, уделяемый половым органам бродденбьёргской статуэтки, здесь еще больше усиливается — за счет темного вещества (возможно, смолы), нанесенного на ее живот.

Илл. 47

За подобными фигурками и изображениями мы можем разглядеть обычное для людей конца бронзового и начала железного века отношение к плодородию растений и живых существ, представляемых, очевидно, их богами.

Древнескандинавские саги связывают с культом плодородия богов Ньёрда, Фрейра и Фрейю. А Ньёрд близок богу Нертусу, упоминаемому Тацитом. Это упоминание римского историка I века до н. э. предполагает

наличие отчетливой связи между Нертусом и этими нескладными, но выразительными фигурками периодов поздней бронзы и раннего железа (ср. с. 143).

Глава V

Доримский железный век

Скучность находок затуманивает переходные стадии между датским бронзовым и железным веками. Болота дали лишь несколько не особенно оригинальных предметов, вроде простого петлеобразного кольца. К счастью, остатки жилищ в местах поселений и обширные кладбища, которые иногда использовались на протяжении длительного времени, позволяют нам получить некоторые сведения об этом периоде.

В первые годы железного века условия, скорее всего, были непростыми. Новые технологии, используемые при производстве железа, предъявляли высокие требования к мастерству кузнецов, поскольку добыча и обработка железа сильно отличается от аналогичных процессов при обработке бронзы. Кузнецу, работавшему с этим новым материалом, требовалось длительное обучение тонкостям этого дела: он должен был узнать, в какой именно момент следовало извлечь металл из плавильной печи, как и когда использовать молот, как сварить два куса железа вместе, — короче говоря, его ремесло

нуждалось в традиции, и он не мог научиться новому делу за одну ночь. Тем более примечательно, что кузнецы прекратили производство бронзовых инструментов и оружия, хотя, в некотором отношении, это не так уж удивительно. Бронзу в течение бронзового века использовали только богатые люди; это был дорогой материал, и его приходилось ввозить, более бедные слои обходились кремневыми, деревянными и костяными орудиями. В течение железного века как универсальный материал исчезает не только бронза, но также и кремень.

Нехватку бронзы можно связать с упадком торговли между Данией и странами к югу и западу. Бросается в глаза, что на раннем этапе доримского железного века (400–300 г. до н. э.) облик различных предметов строится на традициях периода поздней бронзы, и эта характерная особенность очевидна и в других странах южнее Балтийского моря. Булавка в виде лебединой шеи, которую мы типологически относим к периоду поздней бронзы, развивается в булавку с головкой-завитком, часто приплюснутой. Ременные пряжки представляют собой простые крючки, зацепляющиеся за отверстие ремня, другие украшения так же незатейливы и традиционны по своему исполнению — о том, что это новая эпоха, говорит лишь появление железа.

В попытках объяснить бедность этого века и снижение качества находок выдвигается

множество теорий. Однако одна из них, получившая значительную поддержку, связывает этот упадок с ухудшением климата, имевшим место в начале железного века, которое было вызвано тем, что на смену приятному мягкому климату датского бронзового века пришли более влажные и холодные условия. Но нет никакой уверенности в том, что эта перемена, выразившаяся в понижении средней температуры на несколько градусов, могла вызвать культурный упадок. Гораздо вероятнее то, что кельтские народы, которые в этот период доминировали в Центральной и Западной Европе, были более заинтересованы в торговле со Средиземноморьем, где их аристократия могла приобретать такие привлекательные продукты, как вино, красивые бронзовые и расписные вазы. Торговля со Скандинавией была заброшена — и этот факт хорошо объясняет бедность периода раннего железа в Дании.

Мы располагаем множеством свидетельств относительно погребальных обычаев начала железного века. Тело сначала кремировали, а пепел вместе с погребальным инвентарем (часто включавшим самые простые предметы) помещали в яму; иногда кости отделяли от остальной золы и клали в урну, которую затем закапывали. В некоторых случаях урну помещали в яму, и туда же высыпали прах (см. илл. 43). На острове Борнхольм получены данные о том, что могильный холм

Илл. 40

Илл. 43

насыпали над фактическим местом погребального костра, и об этом явлении речь пойдет ниже.

Кладбища этого периода были детально исследованы в трех областях: в Южной Ютландии, на островах Фюн и Борнхольм. Могилы, обычно сгруппированные в большие кладбища, либо покрыты низкими курганами, как в Орре и Улдае в Ютландии, либо представляют собой простые плоские захоронения без могильных холмов. В Орре самые древние могилы находятся в центре кладбища, а позднейшие размещаются вокруг них — совершенно естественное расположение, если взглянуть на эту обширную территорию, покрытую низкими широкими холмами. Для археолога эта особенность имеет значение с точки зрения хронологии, поскольку позволяет датировать определенные типы предметов согласно месту их обнаружения на кладбище относительно центральных древнейших захоронений.

Дальнейшие археологические данные нам предоставляют могилы на кладбище Маннхей на острове Борнхольм, расположенные одна над другой точно так же, как захоронения описанной выше культуры одиночных погребений в каменном веке. Древнейшее захоронение в могильных холмах этого кладбища представляло собой окружность из камней вокруг могилы или погребального костра посередине; в этот ранний период

железного века встречаются все формы захоронения с кремацией, которые, видимо, использовались без всякой системы. Поверх этой могилы находилась другая, а последующие захоронения располагались над ней, и так далее. Поскольку с каждым новым погребением добавлялся новый слой камней и земли, высота холма постоянно росла. Только в конце использования этого кладбища кремационные ямы располагались рядом друг с другом вне холмов прямо под поверхностью земли.

На рис. 16 показаны некоторые фазы погребения в Маннхей. На первом этапе происходит сожжение погребального костра, после чего остается древесный уголь и обугленные бревна, среди которых лежит обесцвеченная и поврежденная огнем погребальная утварь — например, черепки глиняной посуды, обожженные до красного цвета. В большом костре нужды не было; как показали эксперименты, все что требовалось — это куча дров высотой примерно в 8 или 9 футов, 7 футов в длину и 6 в ширину. При умеренном ветре достигалась значительная температура, и кости раскалывались на характерные осколки, которые обнаруживаются в этих захоронениях с кремацией.

Некоторые из этих курганов дали остатки сооружений наподобие шалаша, которые воздвигались над могилой, образуя нечто

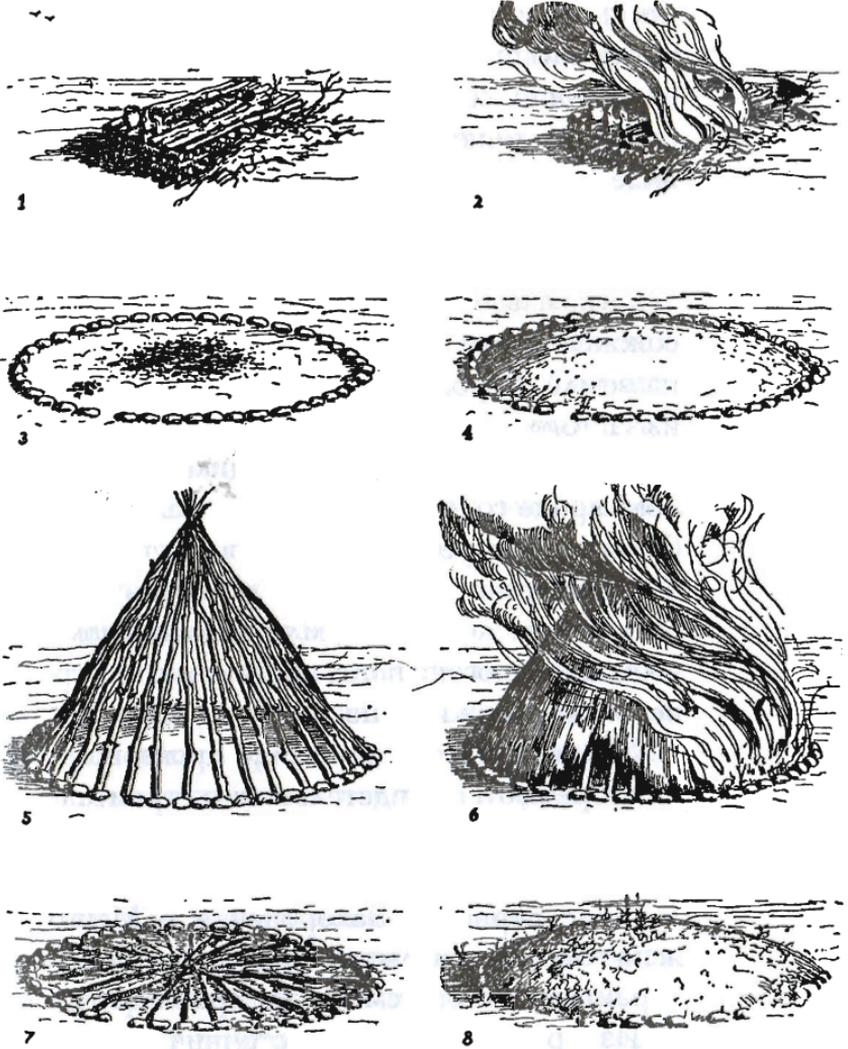

Рис. 16. Реконструкция погребения и дома мертвых в Маннхей

Илл. 40, 42 вроде дома мертвых. Это строение сжигалось, очевидно, сравнительно скоро, а его остатки засыпались землей. Илл. 42 показывает хорошо сохранившуюся деревянную постройку, дошедшую до нас в обрушенном виде внутри одного из холмов. Разрез этих столбов показал, что в древесный уголь превратилась только кора, а не сердцевина, а это указывает на тот факт, что в момент сожжения эти столбы стояли, а не лежали на земле. Вероятно, этот шалаш обрушился из-за того, что снаружи он был покрыт каким-то легко воспламеняющимся материалом, вроде соломы. Последняя должна была быстро прогореть до самых верхушек столбов, которые затем упали вовнутрь и остались тлеть, лежа на земле. По-видимому, в этом случае огонь погас достаточно быстро — вероятно, неожиданно пошел дождь.

Мы видели, что в течение бронзового века встречаются свидетельства о строительстве над могилами неких сооружений, и время от времени эта черта проявляется и в последующие периоды. Захоронение в Маннхей ясно говорит о наличии таких построек и их характере, но вот смысл их проблематичен.

Из древнеиндийских источников и древних сказок из разных закоулков Северной Европы мы узнаём о странном состоянии, которое, как они уверяют, следует за смертью, когда человек становится «блуждающей душой»; это — временная промежуточная стадия

между жизнью и окончательной целью страстивий души. Считалось, что душа достигает своего последнего обиталища лишь спустя какое-то время после смерти, и, возможно, аналогичное представление бытовало в умах людей, построивших этот временный дом мертвых в Маннхей. Оно же может объяснить присутствие в погребальном костре сосуда, поскольку он, похоже, содержал пищу, вероятно, необходимую для подкрепления души на ее пути к будущей жизни. Сам акт кремации, видимо, был призван помочь душе при ее выходе из тела, и, если довести эту аналогию до ее логического завершения, окажется, что сожженный дом следовал за душой умершего человека в его потустороннюю обитель. Хотя и нельзя прочесть мысли тех, кто совершил эти кремации и погребение, с помощью аналогии и осторожной интерпретации археологических данных мы в состоянии получить некоторое представление о том, что значила эта сложная церемония для людей, которые так старались осуществить ее надлежащим образом.

Раскопки поселений многое рассказывают нам о строительных технологиях и хозяйстве этих людей в целом, но их трудно датировать с точностью. Однако поскольку в течение доримского железного века здесь, по-видимому, не произошло значительных перемен, мы еще вернемся к данному вопросу в конце этой главы.

В середине же этого периода (примерно 200 г. до н. э.) была сделана важная и интересная находка в маленьком болоте в Хьёртспринге на острове Альс. При отсутствии какого-либо важного материала в большинстве могил этого времени, она представляет особый интерес.

Работая на узкой полоске торфа в этом болоте, нарезчики обнаружили ряд предметов: длинные куски дерева, оружие и инструменты, в основном, деревянные, хотя было и несколько бронзовых и железных. Тщательные раскопки выявили покоившуюся в болоте длинную ладью, которую с большим трудом удалось реконструировать по разрушенным обломкам, доставленным в Копенгаген руководителем раскопок. Самым интересным оказалось то, что нос и корма лодки заканчивались «двурогими» штевнями, о которых мы уже упоминали в связи с наскальной резьбой бронзового века.

Илл. 49

На нехватку железа в этот период указывает его отсутствие в конструкции и этой лодки, и многочисленных щитов, найденных вместе с ней. Тем не менее лодка эта была построена тщательно и эффективно, отдельные части соединялись так же, как в лодках из кож. Пять поясов обшивки, образующие борта и дно лодки, были искусно вырезаны теслом, а между крепежными планками по всей длине обшивки оставались удобные интервалы. В этих низких поперечных

распорках были сделаны отверстия, с помощью которых пояса обшивки крепились к шпангоуту. Пояса обшивки были соединены между собой веревками, а оставшиеся после этого (из-за стежков и швов) отверстия замазывались смолой. Эта технология обеспечивала лодке легкость и гибкость, позволявшую ей выдерживать даже напор морских волн у наиболее безопасных участков датского побережья. Шпангоуты были усилены прочными перекрестными подпорками, обеспечивавшими лодке устойчивость формы. Весла этого судна были такими же, как у каноэ, а рулем служило большое весло на корме.

По общей длине ладья из Хьёртспринга достигает 58 футов и вмещает около двадцати человек. Если допустить, что каждый гребец имел при себе щит и меч, то она должна была выглядеть как военное каноэ. Вместе с лодкой было найдено много оружия: сто пятьдесят щитов, сто шестьдесят девять копий (из которых у тридцати одного копья был костяной наконечник), но лишь восемь железных мечей. С ней же было найдено несколько предметов домашнего инвентаря: веретено, тарелка для выпечки и бронзовая булавка, причем последняя является важной отправной точкой для датировки. Деревянные умбоны щитов произведены в Дании, но являются копиями древнекельтского железного оригинала. Они имеют форму заострен-

ного овала, а металлический прототип воспроизводится так скрупулезно-рабски, что даже заклепки (имеющие функциональное значение при использовании металла) скопированы в дереве на каждом умбоне, причем на одном образце сходство усиливается еще больше за счет добавления двух нефункциональных металлических гвоздей. Эти щиты указывают на наличие определенных связей с кельтами Центральной и Западной Европы, даже если они и не выливались в оживленную торговлю.

Но эти контакты не исчерпывались воспроизведением кельтских особенностей на предметах местного производства, поскольку в середине доримского железного века в Данию было ввезено великолепное кельтское произведение — котел из Бро, Восточная Ютландия. Он был найден в 1953 г. в яме разбитым на множество фрагментов. Массивный железный ободок был почти 3 футов в диаметре, и тулово котла было украшено шестью литыми бычьими головами. Сосуд подвешивался за три больших железных кольца, которые крепились к нему массивными свиными головами литой бронзы. Головы животных и птиц на этом котле стоят в ряду лучших украшений, когда-либо произведенных кельтскими мастерами. Кроткие быки и мрачные совы представляют причудливый контраст темпераментов. Хохолки из перьев на свиных головах переходят в

Илл. 48

стилизованные асимметричные усики. Такие головы животных повторяются на находке из Брно, Моравия, и этой район можно принять за место происхождения этого котла: в таком случае ему пришлось проделать немалый путь, чтобы попасть в Данию.

Лодки в этот период не были единственным средством передвижения; у нас есть свидетельства того, что по первобытным дорогам, тянувшимся через холмы и равнины и не многим отличавшимся от проселка, перемещались повозки. В некоторых случаях, когда дорога шла через болотистые места или вела к необитаемому холмику посреди болота (как, например, в Борремозе, Северная Ютландия), она была тщательно замощена булыжником. Такая дорога, как в Борремозе, поныне существует в Тибирке в Северной Зеландии, а ее точным аналогом является позднейшая трасса в Броскове, в которую на равных расстояниях вливаются несколько затопленных второстепенных троп. Обе эти дороги оснащены тротуаром, отдельным от собственно дороги. Две дороги, в Борремозе и Тибирке, относятся к середине доримского железного века; одна, потому что ведет к поселению того периода, а другая, потому что дала предметы того времени, упавшие и затоптанные в ее полотно.

Илл. 52

Илл. 53

Предположение о том, что эти дороги были проложены специально для передвижения на повозках, подтверждается большим

количеством найденных в болотах частей, особенно колес, таких транспортных средств, которые, видимо, в основном датируются доримским железным веком. Помимо этих простых массивных колес были найдены остатки двух добротных и элегантных экипажей, принадлежащих к периоду перед самым Рождеством Христовым. Без сомнения, они были изготовлены самыми искусными каретниками того времени — кельтами. Кельтские ремесленники изготавливали повозки различных типов — как с двумя, так и с четырьмя колесами. Немаловажно то, что римляне воспроизводили некоторые их конструкции, заимствуя при этом их древнекельтские названия.

Два экипажа были найдены в болоте в Дейбьёрге, Западная Ютландия. Борты и дышла были покрыты ажурной бронзовой оковкой — модным в то время сверкающим украшением. Каждый экипаж был украшен еще и человеческими масками, расположенными под оригинальными вертикальными столбами, возвышавшимися над бортами. На них есть несколько куполообразных выступов с треугольными и решетчатыми украшениями, типичными для этого периода.

Колеса отличаются прочной конструкцией и укреплены железными колесными бандажами; ступицы, обточенные на токарном станке, усилены литыми бронзовыми кольцами V образного сечения. Между ступицей

и осью располагается оригинальное приспособление, служащее той же цели, что и современные шарикоподшипники; оно состоит из круглых, прочных штифтов, которые легко вращаются внутри ступицы, что обеспечивает свободное вращение колеса.

Лошади припрягались к дышлу, прикрепленному к раме повозки. Поскольку к крестовинам рамы над ступицами крепились две стойки, повозка была не особенно маневренной. Для того чтобы повернуть ее, нужно было поднять боковые детали, иначе стойки ударили бы по ним. Имеются некоторые сведения о том, что это было предусмотрено в конструкции, поскольку различные крюки и следы износа предполагают, что борта были подвешены на кожаных ремнях.

Подобные экипажи, или повозки, скорее всего, были привилегией, доступной лишь избранному меньшинству, поскольку позволить их себе могли только богатые люди. Остатки таких экипажей, сильно поврежденных огнем погребальных костров, были найдены в двух датских могилах, в Крагхеде (погребение А. 1), в Северной Ютландии, и в Ланго, на юге о. Фюн. Ниже мы продолжим рассмотрение содержимого этих экипажей.

Благодаря находкам из болот и могил в Дании мы получили больше сведений о технологии кельтских каретников, чем в самой кельтской области. Это, разумеется, связано с религиозными обычаями данов, топивших

предметы в озерах и болотах, возможно, в качестве жертвы своим богам. В этой связи интересно вспомнить, что Тацит — который написал свою «Германию» сто лет спустя, отчасти опираясь на более древние источники, — описал религиозную церемонию, в которой важную роль играет повозка. Обряд этот происходил около озера на острове к северу от самой Германии, то есть, возможно, в одной из частей Дании.

«На острове в океане стоит священная роща, а в роще стоит колесница, окутанная тканью, прикоснуться к которой может только жрец. Жрец может ощущать присутствие богини в святая святых и с глубочайшим благоговением сопровождает ее колесницу, запряженную коровами. Затем наступают дни ликования и веселья во всех местах, которые она почитит своим пришествием и присутствием. Никто не отправляется воевать; никто не берет в руки оружия; все железные предметы убирают под замок; тогда, и только тогда, царят и ценятся мир и спокойствие — до тех пор, пока жрец не возвратит богиню в ее храм, когда она насытится человеческим обществом. После этого колесницу, ткань и, хотите верьте, хотите нет, саму богиню моют дочиста в уединенном озере. Эту работу выполняют рабы, которых сразу же после этого топят в озере»*.

* 1, 90. *On Britain and Germany*, перев. Н. Mattingly, Penguin Books, 1948.

Эта странная история имеет больше общего с древнескандинавской культурой, чем сами повозки. Тацит называет богиню Нертус, а филологи показали, что в результате изменения в звучании, имевшего место в период между временем, когда Тацит записал это имя, и его первым появлением в скандинавских письменных источниках, можно отождествить Нертус с богом Ньёрдом, известным в Скандинавии более поздней эпохи. Ньёрд был богом плодородия, и мы уже упоминали его имя в связи с обнаружением в болотах (в немного более ранний период) больших деревянных фигур с гипертрофированными половыми признаками.

Илл. 47

Однако болота дарят и еще более поразительные находки. В нескольких случаях нарезчики торфа находили в датских болотах трупы. Их можно датировать по найденным вместе с ними предметам или по их расположению в болоте. Некоторые тела относятся к доримскому железному веку, и эта датировка подтверждается достаточно неожиданными и неприятными методами. Исследование содержимого желудков показало, что последняя трапеза, по крайней мере одного мужчины, представляет собой полупереваренную кашу из зерна и семян, которые росли в Дании именно в этот период.

Самой поразительной находкой последних лет является так называемый толлундский мужчина. Его чисто выбритое лицо

Илл. 46

являет современному глазу тонкие черты, нос с горбинкой и высокий морщинистый лоб. В сегодняшней Дании это лицо не выглядело бы странным, но его трудно забыть. Он был найден лежащим на боку в позе сна, одетым только в плащ и остроконечную кожаную шапочку. Его шею обвивала петля, которая и стала причиной его смерти.

Толлундский мужчина был убит через повешение, а женщину, найденную в болоте в Борремозе, видимо, избили до смерти; обе эти мрачные находки говорят о жестоких обычаях. Из более позднего доисторического периода нам известно о жертвоприношении удушенных людей; в других случаях, как мы знаем, людей убивали в наказание или в качестве жертвы, обеспечивающей хороший урожай; известно нам также о королях и других выдающихся людях, которых принесли в жертву ради интересов общества.

Другие вотивные приношения того же времени представлены сосудами, содержащими кости домашних животных, которые, вероятно, топили в болотах в качестве угощения для богов.

Илл. 55

Драгоценнейшее из сокровищ датской старины также было обнаружено в болоте. Это большой серебряный котел из Гундеструпа, Северная Ютландия, который первоначально находился на поверхности небольшого болота. Едва ли можно найти лучший пример уважения к священным предметам, прине-

сенным в жертву богам. Люди этого периода прекрасно знали о таящихся в болотах драгоценностях, но думали о том, чтобы прикоснуться к ним, не больше, чем современный человек, который знал бы, что они окружены высоковольтным кабелем.

Котел из Гундеструпа представляет собой изумительное произведение выдающегося для своего времени качества и уникальное в своем культурном контексте. Диаметр его ободка составляет 27 дюймов, дно округлое. На серебряных пластинах, покрывающих стенки, находятся поясные изображения могущественных богов и богинь, некоторые из которых держат висащие в воздухе человеческие фигуры, а другие — фангастических животных. С бородатыми богами, с пугающим выражением их лиц, контрастирует кроткого вида богиня, окруженная женщинами, одна из которых заплетает в косы ее длинные волосы. Внутри котла можно видеть другие странные сцены. Хорошо известный кельтский бог Цернуннос с оленьими рогами на голове держит в одной руке почти кольцообразный обруч, а в другой — змею с бараньей головой. Он сидит, скрестив ноги, а по бокам стоят олень и волк. На этой же пластинке есть и другие изображения, но бог, олень и волк образуют центральную уравновешенную композицию; кажется, что глаза животных с благоговейным трепетом взирают на бога. Похожие сцены

Илл. 54

можно видеть на древнейших галло-римских резных рельефах, и именно из этих источников мы знаем, что Цернуннос был богом плодородия.

Вторая пластина, украшающая внутреннюю часть котла, изображает бога, хватающего одной рукой колесо, за которое также держится воин в шлеме; очевидно, это символ бога небес и одновременно войны. Позднее, в галло-римском искусстве, этот же бог с колесом предстает в облике Юпитера. Третья пластина изображает бога, принимающего в жертву человеческую фигуру, в то время как мимо под звуки труб проходит процессия всадников и пеших воинов. На духовых инструментах с раструбами в виде голов животных играют трое мужчин с правой стороны пластины. На четвертой пластине изображена богиня, окруженная дикими зверями. Два слона по обеим сторонам от нее выглядят очень похожими на быков с удлиненными носами, толстыми ногами и маленькими ушами, и ясно, что художник никогда не видел этих животных во плоти, хотя мог быть знаком с их изображениями, например, на европейских вазах.

Пятая пластина на стенке сосуда и шестая, незакрепленная, на его дне изображают сцены боя быков. Особый интерес представляет сцена на шестой пластине. Бык роет землю, пока воин готовится поразить его в шею, рядом — бегущие собаки, если не считать

одной, которая изображена припавшей к земле и появляется лишь затем, чтобы бычьей с ног быком.

Котел из Гундеструпа жизненно важен для изучения искусства и религии кельтов и, хотя он и не является произведением датских ремесленных мастерских, служит иллюстрацией некоторых идей, оказывавших влияние на жителей Скандинавии. В Дании было найдено несколько других кельтских котлов, но они уступают ему по качеству. Мы также располагаем рядом датских бронзовых скульптур, очевидно, вдохновленных кельтским искусством доримского периода. Датское оружие и украшения этого периода основываются на кельтских образцах, что свидетельствует о тесных связях между Данией и Югом и Западом. Лишь несколько британских монет достигло Дании в этот период.

Одно из орудий, извлеченных из болот, это простой плуг, известный как *ард*, который доселе используется в некоторых частях мира с достаточно отсталой сельскохозяйственной практикой. Не так давно *ард* применялся и в Скандинавии при подготовке полей к посеву некоторых простых культур, например картофеля.

Анализ пыльцы позволил археологам отнести некоторые *арды*, найденные в болотах, к доримскому железному веку. *Ард*, обнаруженный в Ворслёве, Ютландия, является примером этого орудия в его простейшей

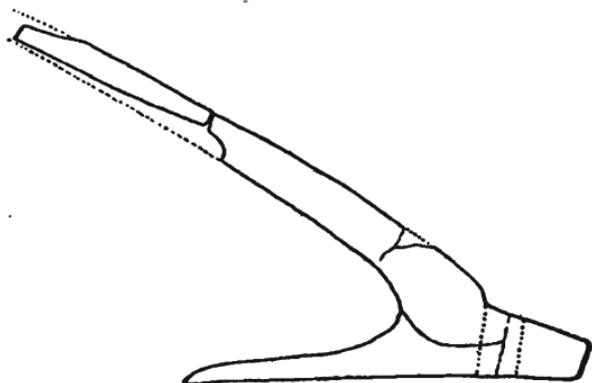

Рис. 17. *Ард* из Ворслёва

форме (рис. 17). Это крюкообразный *ард*, сделанный из массивного бревна с боковой ветвью, само это бревно становилось подошвой, в которую вставлялась ручка. Этим орудием проводились борозды. В Доннеруплунде и Деструпе, Ютландия, были найдены два образца более сложного типа, состоящие из тонкой подошвы, к которой под углом прикреплялась рукоять; это так называемые лопатообразные *арды*. К доннеруплундскому *арду* крепился лемех, напоминающий по форме стрелу (рис. 18). Имеются указания на существование еще одного типа, характеризующегося наличием ножа и отвала: нож располагался перед отвалом, который переворачивал почву сбоку борозды. Отвал был укреплен за счет вставки небольших булыжников со следами сильного износа. Возможно, этот плуг был оснащен колесом, поскольку нам известно о такой особенности у более

Рис. 13

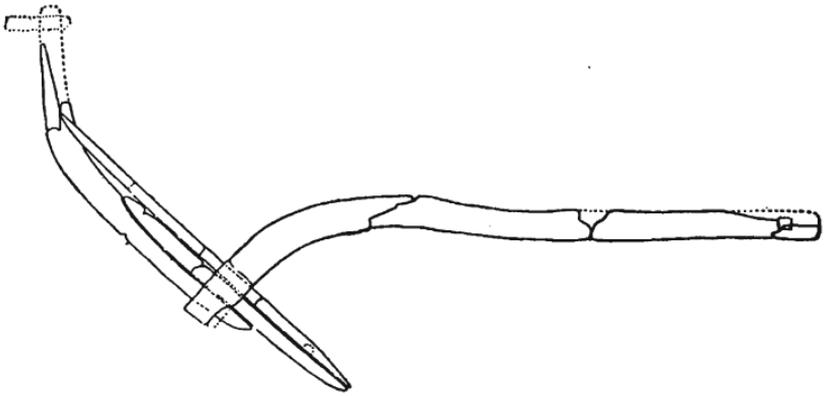

Рис. 18. Ард из Дрннеруплунда

поздних образцов; но мы знаем также и то, что у одного традиционного скандинавского плуга имелся отвал, а колеса не было.

Вероятно, *ард* тянули быки — только они с их силой были в состоянии заставить этот примитивный плуг двигаться сквозь плотный торф и пахотный слой почвы. Запрягали их, скорее всего, с помощью ярма, поскольку в болотах были найдены образцы двойного ярма, рассчитанного на пару быков. Мотив двух волов, тянущих *ард*, встречается на многих скандинавских наскальных гравировках бронзового века.

Скопление этих предметов в болотах ставит интригующий вопрос, ведь многие найденные там *арды* либо представляют собой старые и изношенные орудия, либо сделаны из мягкого, негодного дерева. Зачем отправлять в болото старый или суррогатный плуг? Может быть, плуг был вотивным и символи-

ческим приношением божеству, способному улучшить погоду и даровать плодородие растениям и животным?

В скандинавской народной культуре можно обнаружить множество странных обычаев, выявляющих подобное верование в силы, обеспечивающие плодородие. Эти причудливые верования пращуров исчезли в наше время, когда место древних обычаев заняли статистика, наука и удобрения.

Прежде чем рассмотреть земледельческие методы этого периода, было бы неплохо уделить внимание природным условиям, установившимся в Дании в течение доримского железного века. Земледельцы обрабатывали и песчаную, и более богатую суглинистую почву. Исследование пыльцы в болотах вблизи доисторических полей в Северной Ютландии показало, что в доримский железный век типичной была местность, находившаяся в состоянии перехода от леса к поросшему вереском торфянику. Лес был редким, вроде пустоши с разбросанными деревьями, и годился для выпаса скота, который съедал и траву, и листья с деревьев. Эта целина вспахивалась плугом, а после истощения ее переставали пахать, и она зарастала вереском. Влажный климат этого периода создавал идеальные условия для распространения вереска и букового кустарника.

В Дании было найдено огромное количество так называемых кельтских полей,

отнесенных к этому периоду. Чаще всего они встречаются в Ютландии, но известны также на о. Зеландия и Борнхольм. В основном, эти поля находят на песчаных почвах, которые сегодня предоставлены поросшим вереском торфяникам и сосновым питомникам.

Существует два метода датировки этих полей: путем ассоциации с заброшенными «фермами», принадлежащими к периоду раннего железа, и по черепкам, встречающимся или в насыпях, окружающих поля, или в кучах камней, убранных с поля наткнувшимся на них пахарем.

Поля достаточно невелики и имеют квадратную или прямоугольную форму. Их окружают невысокие земляные валы — песок и камень. Разрез такой насыпи часто выявляет в центре ядро плодородной черной земли, которая часто дает и глиняные черепки. Раскопки этих полевых насыпей, которые к настоящему времени успел занести песок, показывают, что они не слишком изменились с тех пор, как были сооружены. С годами валы росли в высоту за счет добавления камней, удаленных с центральной части поля, и накопления земли, нанесенной на этот искусственный барьер ветром. В некоторых случаях большое поле было поделено на несколько маленьких, и мы можем предположить, что это — следствие раздела наследства. Но основание для такого разделения могло быть и более прозаическим: возможно, земледелец

просто хотел выращивать одновременно несколько культур. Как бы мы ни интерпретировали эти границы, они говорят о том, что люди данного периода обладали развитым чувством личной собственности.

Хотя, как мы уже видели, у нас есть некоторые свидетельства использования *арда* в каменном и бронзовом веках, квадратные и прямоугольные поля появились лишь в период раннего железа. Они так похожи на поля, найденные на Британских островах и в других странах Северо-Западной Европы, что мы можем заподозрить наличие прямой связи между этими двумя областями.

Причины, по которым эти прямоугольные и квадратные поля оказывались заброшенными, не вполне ясны. Согласно одной из теорий, внедрение плуга с ножом и отвалом позволило обрабатывать более плодородную, но и более тяжелую, суглинистую почву, и поселения переместились с худших земель на лучшие. Кроме того, предполагается, что оставление этих полей было связано с крупной эпидемией домашнего скота.

Некоторые из покинутых «ферм» были сожжены, и, как это ни парадоксально, именно такие памятники дают нам наиболее подробную информацию о строениях этих людей, а значит, и об их хозяйстве: например, в обугленном состоянии дерево и солома могут сохраниться до наших дней, в противном же случае они бы истлели.

Хотя известны три типа домов этого периода, все они имеют в плане прямоугольник и их различия не принципиальны. Кровлю поддерживают два ряда массивных столбов, идущие параллельно стенам. Обычно эти дома бывают от 12 до 18 футов в ширину, а подпорные столбы стоят на расстоянии примерно фута от стены. Эти вертикальные столбы, вероятно, были соединены попарно поперечными перекладинами, не позволявшими кровле своей тяжестью отклонять столбы в разные стороны. Конструкция стен является именно тем признаком, по которому эти дома распределяются по трем типам.

Стены домов первого типа, определяемого по постройке в Крагхеде, Северная Ютландия, имеют каркас, состоящий из массивных вертикальных столбов с кольями между ними. Тяжелые столбы помогали поддерживать крышу, а стены заплетались гибкими прутьями, после чего готовую конструкцию щедро обмазывали слоем штукатурки.

У домов второго типа стены состояли из тонких вертикальных столбов, заплетенных гибкими прутьями и обмазанных штукатуркой. Такие стены не могли служить опорой для крыши, которую, как правило, несли ряды массивных столбов, находящихся внутри дома; но требовалась еще и дополнительная опора для нижней части крыши. Во время раскопок доримского дома в Гёрдинге,

Западная Ютландия, за пределами его стен был обнаружен ряд неглубоких отверстий от столбов. Руководитель раскопок предполагает, что эти углубления были оставлены стропилами, которые продолжались до самой земли. Подобный метод и сегодня применяется в традиционном датском *спендхусе* (*spændhuse*), близком к *варфу* (*varf*) из Северо-Западной Германии, в конструкции которого столбы расположены под углом вне стен и несут горизонтальную балку, на которую опираются стропила.

Стены домов третьего типа были покрыты защитным слоем дерна. До последнего времени считалось, что стены состояли из дерна или торфа полностью, но это предположение было подвергнуто сомнению из-за недавних раскопок *варфа* в Тофтинге в Западном Шлезвиге. Стены этого дома представляли собой покрытый штукатуркой плетень на основе вертикальных столбов, и только нижняя часть внешней стены была покрыта торфом. Следы подобной конструкции становятся очевидными только в случае сожженных домов, но мы знаем о современных постройках в Исландии, целиком сооруженных из торфа, и о строениях железного века на Готланде, Эланде и в Норвегии, стены которых, по-видимому, были каменными, а сверху покрывались торфом. Таким образом, разумно допустить, что стены этих домов либо состояли из дерна или торфа

полностью, либо были мазаными, а внизу их защищал низкий валик из торфа.

В плане такие строения иногда имеют квадрат, но обычно прямоугольник, и в последнем случае они делятся на две комнаты. Одна из них, в которой располагается очаг, жилая, а вторая, иногда поделенная на несколько стойл, вероятно, служила коровником. Этот же план наблюдается и в последующий период, когда в некоторых случаях мы обнаруживаем в одной из комнат домов этого типа обгоревшее животное.

В течение последнего периода доримского железного века кремация остается господствующим погребальным обычаем. Наиболее обычно — захоронение в ямах, хотя попадаются также и погребальные урны. Погребальная утварь, как правило, достаточно бедная. На огромных кладбищах этого периода, которые иногда дают сотни захоронений, обнаружены лишь случайные пряжки, треугольные броши или урны. В нескольких могилах может встретиться единичный глиняный черепок, но многие не содержат ничего, кроме кремированных костей. Однако есть и несколько более богатых могил, в которых находятся такие предметы, как мечи, умбоны щитов, бритвы в форме полумесяца или ножницы — и все это сделано из железа. Мечи эти бывают и однолезвийными, и обоюдоострыми, причем первые копируют кельтские образцы, как и плоские умбоны щитов

этого периода; они говорят о непрерывности культурных контактов с кельтами, установленный в более ранний период.

Две могилы, в силу исключительного богатства их содержимого, заслуживают особого упоминания, и соблазнительно допустить, что в них были похоронены вожди. В обеих были найдены четырехколесные колесницы с роскошными бронзовыми накладками кельтского производства, как и в случае экипажей из Дейбьёрга. Одно из этих захоронений (могила А.І из Крагхеда, Северная Ютландия) представляло собой яму, содержащую кости двух лошадей и остатки колесницы. В кремационной яме были найдены двадцать три керамических сосуда превосходного качества (один из них украшен полосой с орнаментом, изображающим охотничью сцену), три наконечника копий, три ножа, пряжка, брошь — все это из железа, а также гладкое золотое кольцо. Другая могила была найдена в Ланго, о. Фюн; в ней, помимо других вещей, было два витых золотых кольца, этрусский бронзовый сосуд, железный меч, три кинжала, два умбона щитов и два керамических сосуда. Привозные предметы из этих двух могил дают нам некоторое представление об обширных связях этих предполагаемых вождей.

Давно подмечено, что глиняная посуда из могилы в Крагхеде и многих других мест Северной Ютландии (провинция Вендсюссель)

очень близка к находкам из района р. Вислы и, особенно, Познани и Силезии. Ряд германских ученых понимает это родство как указание на эмиграцию вандалов из Вендсюсселя в Северной Ютландии на материк, где в течение римского периода они, видимо, занимали район Вислы. Эта гипотеза строится, в основном, на сходстве между названиями вандалов и Вендсюсселя; но это сходство слишком незначительно для столь далеко идущих заключений. На самом деле и в Вендсюсселе (в Крагхеде, в некоторых домах более раннего периода), и на континенте существуют факторы, благоприятствующие развитию именно этого типа керамики. Кажется вероятным, что керамика и, в целом, материальная культура обеих областей, несомненно контактировавших друг с другом, произошла из одного общего источника и что они получили свои традиции из кельтского мира. Однако некоторые формы керамической посуды могли быть заимствованы у привозных римских сосудов из бронзы. Но как бы то ни было, находки, сделанные в этих двух областях, отражают не миграции, а культурные связи, даже при том, что нам известно о масштабных миграциях и перемещениях, имевших место в этот период в Европе. Перед самым началом I в. до н. э. кимвры и тевтоны начали свой хорошо известный поход на Центральную и Западную Европу и в конце этого похода даже достигли

Италии. Утверждают, что прародиной этих отважных людей, спустившихся с Альп на своих щитах и сражавшихся обнаженными, была Ютландия. И, правда, возможно, что из Дании выступили первые небольшие группы; но если и так, то по мере их продвижения на юг, через покоренные земли, в них вливались свежие силы.

Теперь были проложены постоянные торговые маршруты, связавшие Данию с Югом и Западом, и туда стали импортироваться даже римские предметы. Римские бронзовые сосуды этого периода предназначались для вина и производились в большом количестве в таких центрах, как Капуя в Южной Италии; это гладкие ведра или кувшины со стенками S-образного профиля, простая лощёная ручка которых имела обрубленный конец в том месте, где он соединяется с туловом кувшина. Хотя некоторые из этих римских сосудов были захоронены еще до конца до-римского железного века, этрусский сосуд из могилы в Ланго представляет собой уникальный и гораздо более древний предмет.

Теперь с изоляцией Дании было покончено, поскольку торговля связала ее с Римской империей. В последующий период эти отношения с Римом стали столь важными и преобладающими, что вся эта эпоха получила наименование римского железного века.

Римский железный век

В первые несколько веков нашей эры у Дании были прочные связи с Римской империей и ее новыми провинциями к западу от Рейна и к югу от Дуная. Коренное население этих новых провинций было, главным образом, кельтским; но с приходом римлян ремесленники и купцы отправились в новые владения одновременно с солдатами и администраторами. Было организовано и скоро достигло процветания производство, росли размеры и значение городов, а присутствие крупных военных контингентов открывало возможности для усиленной торговли.

В течение последних лет правления Августа экспансионистская политика Римской империи, вскормленная на завоеваниях Цезаря и Августа, подошла к концу. Без сомнения, римляне намеревались устранить угрозу со стороны германских народов с помощью дальнейших завоеваний, но сокрушительное поражение армии Вара от херусков Арминия в Тевтобургском лесу помешало этим планам.

Август не стремился к возобновлению этого конфликта и с помощью соглашений с различными германскими племенами дипломатично достиг мира. Он разумно полагал, что разрозненные племена не смогут организовать широкомасштабного союза против Римской империи, поскольку они слишком поглощены своими мелкими войнами и раздорами. Его предположение оказалось верным, и в течение двух сотен лет между римлянами и германцами почти не возникало заметных трений. Только в середине III в. н. э. приграничные территории восстали, и римлянам пришлось отказаться от своих самых удаленных владений.

Политические и культурные разделения этой эпохи позволяют для удобства расчленить римский период на две фазы: первую — до 200 г. н. э., вторую — с 200 по 400 г. н. э. Обратимся к первой фазе.

Одним из германских племен, с которыми римляне установили контакты, были богемские маркоманы, которые лишь недавно прибыли в эту страну и завоевали ее. В то время как большинство кельтов покинули эти места, какое-то количество осталось и, под влиянием купцов и ремесленников из сопредельных областей, вскоре достигло культурного господства в Богемии. Кельтские мастера работали на маркоманов, и два этих культурных влияния породили некоторые новые типы предметов, которым суждено

было приобрести значимость в течение римского железного века. Например, брошь с плоской дугой, развившаяся в этом регионе, с германской территории проникла и в Скандинавию. Известный как «глазчатый», ажурный узор на дуге у некоторых типов этих брошей имитирует кельтскую брошь типа Аучисса, в то время как пластинку на застежке других типов украшает ажурный узор в виде углов, являющийся романо-кельтской особенностью. О кельтских мастерстве и вкусе свидетельствуют и другие характерные предметы — пряжки и наконечники рогов для питья. Прототипы последних, по которым изготавливались литейные формы, вытачивались на токарном станке.

Богемия стала центром торговли и культуры. Реки Висла, Одер, Эльба, Везер, Некар и Липпе служили главными торговыми путями на юг, и самое большое значение для датских купцов имела Эльба, которая впадает в море к югу от полуострова Ютландия. Связи эти стремительно развивались. Германские народы и скандинавы охотно ввозили продукты из Римской империи; например, они пристрастились к вину и, по-видимому, использовали римские монеты. Римляне, со своей стороны, с радостью приобретали северные товары; например, нам известно, что одним из них был балтийский янтарь. Римский всадник, посетивший побережье Балтики в I в., чтобы купить большое количество

янтаря для важного празднества, рассказывает о рынках, где люди собираются для торговли и обмена.

Огромное количество римских товаров, ввозимых в Данию, включая металлические предметы, которые обнаруживаются в захоронениях этого периода, можно было приобрести только в обмен на значительный объем экспорта. Янтарь и рабы, которых продавали на юг, едва ли могли являться единственным объектом вывоза. Кажется вероятным, что в течение римского периода вывозилась, главным образом, молочная и сельскохозяйственная продукция (на которую до сего дня приходится столь большая доля экспорта Дании) в виде живых животных, кож и зерна. Проблемы транспортировки в этот период представляли не большую сложность, чем в Средние века, когда скот, птицу и лошадей гнали на юг по ютландским дорогам. За корову ее владелец выручал достаточно хорошие деньги, чтобы вознаградить себя за трудности путешествия. Лодки с грузом продуктов и товаров пересекали Балтику и достигали берегов Северного моря.

Это относится к большинству привозных предметов, найденных в датских могилах римского железного века; но некоторые из них совершенно необычны и могли попасть в Данию разными путями. Из одной могилы, найденной в Хобю, на острове Лолланн,

были извлечены две серебряные чаши, изготовленные греком Хейрисофом, которые отличаются высочайшим качеством; они не посрамили бы стола императора или сенатора. Прочие германские сокровища — например, находка из Хильдесхайма — по качеству уступают чашам из могилы в Хобю.

Илл. 59

Другие датские захоронения содержат исключительно роскошные предметы, вроде сосудов из цветного стекла и бронзы. Такие предметы нельзя трактовать как простые товары; кажется вероятным, что они попали в Данию либо в результате ограбления, либо в качестве дара влиятельным вождям от римских сановников. Имя владельца чаш из Хобю, Силий, выгравировано на их основаниях вместе с именем художника (Хейрисоф) и информацией о ее массе. Мы знаем, что в Майнце в этот период жил влиятельный римлянин по имени Силий, и, возможно, в Дании оказался его красивый комплект чаш; однако можно предположить, что он расстался с подобным сокровищем не по своей воле.

Из могилы в Хобю были извлечены и другие предметы: плоский поднос, несколько бронзовых сосудов, небольшая кастрюля с длинной ручкой, тарелка и ковш. Сцены, изображенные на чашах из Хобю, взяты из произведений Гомера. На одной чаше Приам умоляет Ахилла отдать ему тело его сына, а на другой Одиссей принимает лук Геракла

из рук старого Филоктета. Кувшин изящно декорирован изображениями Купидона, натягивающего свой лук, а на тарелке мы видим Венеру, окруженную Купидонами. На кастрюле имеется клеймо мастера, Кн. Требеллия Романа из Капуи.

Из Капуи происходят многие римские сосуды, найденные в Дании, и их присутствие красноречиво. В Дании известно несколько римских сервизов для питья — лучший образец был найден в Хобю, — свидетельствующих о наличии там утонченного общества, что не очень-то согласуется с нашим традиционным взглядом на манеры древних германцев. Мы можем изучить употребление этих комплектов посуды для питья, состоящих из кувшина, двух чаш, тарелки и ковши, по настенной росписи и другим источникам того времени. Кастрюля, найденная в могиле в Хобю, возможно, использовалась для подогрева пищи или вина.

Примечательно, что в германских могилах, содержащих римские стеклянные или серебряные чаши и кубки, присутствуют также рога для питья. Это означает, что присутствие в местном обществе того, что можно назвать «фешенебельным кругом», не упразднило традиционных обычаев, связанных с питьем. На самом деле, можно задаться вопросом: а вообще употреблялись ли когда-нибудь более изысканные чаши? Скорее всего, ими пользовались лишь в особых случаях;

Илл. 58, 59

по-видимому, эти случаи и впрямь были весьма редкими, и тогда их по римскому обычаю наполняли винами с юга. Тот факт, что подобные предметы помещались в могилы, указывает на то, какое значение им придавалось. В одном из захоронений Йеллинге на острове Лолланн археологам встретился весьма трогательный пример того, как высоко ценились такие привозные предметы. Умершая женщина легла в могилу, держа перед лицом римское сито, как будто оно было одним из самых драгоценных ее сокровищ, с которым она не желала разлучаться и после смерти. Черпак, относившийся к сити, был уложен в бронзовый кубок, в котором, как показали лабораторные исследования, находилось нечто вроде пива. Эта женщина была похоронена с богатым набором погребальной утвари, золотым кольцом, серебряными булавками с золотыми филигранными головками, граненым стеклянным сосудом, двумя рогами для питья и маленькой коробочкой с замком. Но, судя по ее деформированной ноге, жизнь у нее, несмотря на богатство, была не слишком легкой.

Илл. 57

Два рога, принадлежавшие одному и тому же животному, найденные в болоте в Южной Ютландии, еще раз рассказывают нам об обычаях этого периода, связанных с питьем, поскольку в один из них некогда был налит мед, а в другой — пиво. Ясно, что эти различные и возбуждающие напитки

требовали отдельных сосудов, и этим может объясняться то, что рога, как и римские чаши, почти всегда встречаются парами. Тацит достаточно уныло описывает германское пиво или похожий на сидр напиток как незаконнорожденную разновидность вина, на римский вкус до крайности неприятную. После тщательного химического анализа ученые приготовили напиток, аналогичный тому, который был помещен в могилу в Йеллинге, и, надо заметить, что мы можем только согласиться с заключением Тацита.

Накладные наконечники рогов для питья из парного захоронения в Доллерупе, Восточная Ютландия, представляют особый интерес. Они оформлены как головы быков с изящно изогнутыми рогами и стилизованными очертаниями, принадлежащие к тому типу, который был очень популярен в тогдашней Дании. Кроме того, доллерупская могила содержала в себе две серебряные чаши, возможно, изготовленные в северных римских провинциях, и ряд красивых бронзовых сосудов — чуть более поздних, чем найденные в Хобю, и несколько уступающих им по качеству. Эти бронзовые изделия отражают постепенное падение римского вкуса в результате роста экспортной торговли и порожденного ею массового производства, необходимого, чтобы обеспечить ее товарами.

Очевидно, что могилы, подобные памятникам в Доллерупе, Йеллинге и Хобю, принад-

Илл. 58

лежат богатому высшему классу, поскольку и привозные предметы и изделия местного производства производят впечатление значительного благосостояния. Следует отметить, что тела в этих богатых захоронениях не были кремированы, и, действительно, в течение этого периода снова обрела популярность практика ингумации. Присутствие захоронений с кремацией и ингумацией на территории одного и того же кладбища указывает на то, что эти две практики не отражают религиозного или ритуального антагонизма. Но должна быть какая-то причина для быстрого распространения практики ингумации вскоре после Рождества Христова; римским влиянием этого объяснить нельзя, поскольку в Италии по-прежнему практиковалась кремация. Более правдоподобным выглядит то, что этот обряд обусловлен контактами с кельтами; поскольку, хотя они и другие иммигранты с Востока перенимали местные обычаи, связанные с кремацией, в Центральной Германии уже в доримский период можно видеть ряд захоронений с ингумацией, порожденных, предположительно, кельтским влиянием.

Какой бы ни была причина этой перемены, новый обряд очень помог археологам, поскольку тела хоронились в полном облачении, вместе с украшениями, драгоценностями и оружием. Интересно отметить положение этих украшений относительно тела; в

бесчисленных женских захоронениях находят по броши на каждом плече, что дает некоторый намек на господствовавшие в то время модели одежды. Когда броши этого же типа встречаются в могилах I в. до н. э., то они не могут поведать ничего подобного, поскольку в них были захоронены кремированные тела. Мы можем больше узнать о том, как носили эти парные броши, изучая археологические отчеты из кельто-римских провинций. Например, известно, что в Паннонии, в то время как мужчины переняли римское одеяние, женщины продолжали носить традиционную одежду кельтов. На надгробиях этой области мы видим мужчину, одетого как утонченный римлянин, а рядом его жену в одежде предков; вероятно, ее наряд можно сравнить с современными народными костюмами европейских стран. Она носила длинное платье, застегнутое на плечах брошами, и, судя по остаткам, найденным во многих могилах, очевидно, что в I в. до н. э., эти кельтские платья были заимствованы германскими народами.

Другой особенностью могил с ингумацией является набор керамических сосудов, которые помещались туда вместе с умершим. Обычай убирать могилы подобным образом обычен для Восточной Ютландии, где найдено множество одинаково укомплектованных захоронений, да и другим областям Дании он не чужд. Этот типичный набор керамиче-

Илл. 56

ской посуды время от времени встречается и в могилах с кремацией, но их назначение становится куда более понятным по аналогии с ингумациями. Эти сосуды всегда находят в определенном порядке, и разумно предположить, что именно в таком порядке они ставились на стол во время трапезы. На большой тарелке в ногах усопшего находился маленький сосуд; рядом с его головой стояли еще несколько: небольшая ваза, кубок с ручкой, еще один на подставке (с небольшой чашей внутри) и сосуд большего размера. Представляется вероятным, что в этот сервиз входили еще деревянные подносы для хлеба и мяса, поскольку керамические емкости, наверное, использовались только для жидкостей. В том же наборе утвари часто находят ножи, и можно допустить в нем наличие деревянной или роговой ложки того типа, который известен нам только по раскопкам поселений.

Другой набор, найденный на о. Борнхольм, продемонстрировал высокое качество керамической посуды этого периода и то значение, которое придавалось гончарному ремеслу. Здесь были обнаружены большой сосуд, кувшин, чаша с ручкой и изящно закругленная рифленая чаша, сделанные из превосходной темной глины высочайшего технического качества.

Илл. 50

Мы уже рассматривали возможные верования людей доримского железного века

относительно жизни после смерти, и эти захоронения с их богатым убранством подразумевают аналогичную традицию. Необходимо предположить, что, по представлениям людей этого времени, мертвые нуждаются в пище, пока не достигнут своего последнего пристанища. Народная культура Скандинавии всегда настойчиво твердила о том, что покойник способен участвовать в своем собственном погребальном пире. В более современный период мы находим в Южной Швеции примеры того, как перед похоронами пищу и питье с погребальной тризны, вместе с ножами, кладут в гроб. Таким образом, мы получаем подтверждение нашего понимания погребальных обычаев железного века, когда видим их следы, сохранившиеся до наших дней в традиционных слоях скандинавских обществ.

Но не только пищу и питье помещали в могилу, чтобы обеспечить человеку благополучное отбытие в потусторонний мир; в них находят также инструменты и оружие. Кузнец, например, отправлялся в это путешествие со своими профессиональными орудиями. Из оружия в этих могилах обычно встречаются мечи, либо обоюдоострые, либо однолезвийные (причем первые копируют римские образцы), копы и щиты, оснащенные железными умбонами, призванными принять на себя удар. Даже бедняков хоронили с копьем.

Многочисленные поселения этого периода дают нам сведения о жизни их обитателей. Но этот материал — главным образом такой же, как и в предшествующий период, — мы рассмотрим в конце этой главы.

В течение этого периода датские археологи снова оказываются в долгу перед находками, подаренными им болотами. Наиболее часто в них встречается оружие, что, по-видимому, отражает беспокойное настроение, охватившее в это время все окраины Римской империи.

К концу I в. н. э. римляне выстроили надежную оборонительную линию чуть к северу от верховий Рейна и Дуная. Эта линия включала в себя ряд крепостей, перед которыми от Рейна, у Кобленца, до Майна, около Франкфурта, и в другую сторону до Дуная, возле Регенсбурга, тянулся непрерывный палисад. На равных расстояниях вдоль этого палисада стояли смотровые вышки. Эта фортификационная система была рассчитана не на то, чтобы предупредить фронтальную атаку германских племен, а, скорее, на то, чтобы ослабить подобный натиск и отрезать путь к отступлению любому грабительскому племени, которое попытается вернуться домой с добычей.

В течение III в. н. э. враги неоднократно преодолевали эту оборонительную линию, а в 260 г. от нее пришлось полностью отказаться, и тогда римляне отошли на другой берег

Дуная и удерживали там свои позиции до тех пор, пока в конце IV в. не произошел прорыв тевтонов и гуннов.

Илл. 61

Великолепные болотные трофеи, особенно из Торсбьёрга, Вимозе, Ньюдама и Иллерупа, содержат огромное количество римского материала. Предметы вроде длинных мечей и декорированных дисков, прикрепленных к погону, а также несколько образцов более изысканного оружия, шлемов и принадлежностей к ним, указывают на очень тесные связи с римскими приграничными территориями. Имеется два возможных объяснения их присутствия в датских болотах: или они были добыты в набегах на пограничные территории, или представляли собой снаряжение, купленное германским наемником, служившим в римской армии. Известно, что германские воины во множестве использовались римлянами в качестве союзного войска и размещались на аванпостах, в то время как регулярные солдаты стояли у них в тылу в легионных крепостях.

Как раз в этих союзных войсках и могли служить владельцы найденных в болотах предметов. Сравнив материал, найденный, например, в Вимозе, со снаряжением из пограничных крепостей, мы можем заметить, что скандинавские предметы должны были принадлежать партизану, а не регулярному солдату, защищающему крупный постоянный форт. Дан не был заинтересован в типичных

видах оружия, предназначенных для полномасштабной обороны, вроде баллисты или еще более сложного военного снаряжения; более всего он нуждался в длинном мече, оружии конного воина. Клинки этих мечей изготавливались из закаленной стали на больших заводах. Они были кельтскими по стилю, что вовсе не удивительно, учитывая то, что многие римские кузнецы были кельтами. Германские и скандинавские племена восприняли это оружие — не просто эффективное, а ставшее необходимостью — в позднеримский период. В более раннюю эпоху варварам приходилось иметь дело с римским легионером, вооруженным коротким рубящим мечом, но позже они столкнулись с наемником, пользовавшимся длинным кельтским мечом. И, чтобы выжить, они последовали его примеру. Германские племена восприняли и римскую традицию использования ножен, которые привешивались к идущему через плечо ремню с помощью вертикальной петли.

Хотя общение дана с римским миром часто сводилось к вооруженному конфликту, между ними иногда возникали и другие отношения. Бронзовые и стеклянные сосуды свидетельствуют о каких-то мирных контактах, а некоторые произведения искусства из датских могил указывают на связи с романо-кельтским миром. Более того, скандинавский рунический алфавит представляет

собой самостоятельную транскрипцию римского алфавита германскими племенами.

Снова обращаясь к свидетельствам датских могил, рассмотрим ряд хорошо укомплектованных памятников, найденных в Зеландии, которые, должно быть, стали местом упокоения зажиточных землевладельцев. Помимо богатого ассортимента изделий местного производства они содержат несколько римских бронзовых и стеклянных сосудов и ряд серебряных чаш (которые всегда встречаются парами). Последние по форме напоминают наградной кубок и состоят из полусферической чаши с тонкими рельефными стенками, поставленной на высокую ножку. Под ободком находится позолоченная кайма, с орнаментом из животных, человеческих фигур, масок, розеток и пр., выполненным в технике барельефа. Их декор напоминает о романо-кельтских рельефах — например, один из странных рельефов из болота в Торсбьерге изображает бегущих оленей с согнутыми вовнутрь ногами, что характерно и для звериного орнамента чаш (рис. 19). Та же техника присуща и нескольким декорированным дискам. Ремесленники, изготовившие эти чаши, явно обучались в русле романо-кельтской традиции и вполне могли прийти из северных провинций Римской империи на о. Зеландия, где им, возможно, были предоставлены лучшие условия для работы, чем в тесных кварталах среднего римского города.

Илл. 60

Рис. 19. Фигурки оленей на одной из тарелок из Горсбьерга (слева) и зеландского серебряного кубка (справа)

Эти бронзовые и стеклянные сосуды и эмалевые орнаменты данного периода говорят о том, что в ремесленном мастерстве провинции успешно соперничали с Италией. Большая часть привозных предметов, найденных в датских могилах этого времени, представляла собой продукцию массового производства из Галлии и сопредельных территорий. По мере своей романизации кельты научились пользоваться римскими художественными приемами, однако сохранили верность звериному орнаменту с его странными, витыми, абстрактными формами ярких цветов, которые были восприняты германскими племенами, чей орнаментальный репертуар испытал влияние кельтских образцов.

Однако не весь импорт и не все влияния приходили с Запада. Дания вступила в контакт и с Юго-Востоком. находка из Брангструпа, о. Фюн, представляет собой лишь один из многих кладов, содержащих золотые украшения, вроде виноградных листьев

и человеческих фигур из золотой фольги; он включал и диск, декорированный филигранью. Хотя некоторые из этих предметов имеют прямые аналогии в Венгрии, один из листьев демонстрирует местное влияние: на нем традиционную жилку заменяет мотив в виде птичьей головы, который встречается на золотых кольцах и обкладке ножен местного производства. Следовательно, этот лист можно рассматривать как скандинавскую копию иностранного оригинала. Ту же птичью голову можно видеть и на скандинавских копиях романо-кельтских обкладок ножен, первоначально лишенных украшений. В последующий период мы проследим дальнейшее развитие этого пристрастия к звериному орнаменту.

Новые подтверждения наличия юго-восточного влияния предоставляют предметы из нескольких богато убранных могил в Орслёве, о. Фюн, где были найдены львиные маски из гравированного золота, к которым прикреплены цепочки и подвески, отделанные красными полудрагоценными камнями. Эти подвесные украшения, должно быть, тихо позвякивали при легчайшем дуновении ветра и при малейшем движении. Массивные броши, декорированные в том же стиле красными камнями на золотом фоне, представляют разительный контраст со сдержанной модой предыдущего периода. Новому веянию следовали и богатые римские дамы, и

их скандинавские товарки, и можно представить себе ту зависть, которую испытывали те, кто не мог позволить себе этих ярких сверкающих драгоценностей.

Эта страсть к броскому и красочному присутствовала уже в кельтском вкусе, но соответствующая мода получила импульс с Востока. Этот новый стиль декора полудрагоценными камнями пришел в Европу через Дунай и Южную Россию или же через Римскую империю.

Большинство украшений из памятника в Орслёве и многие из брангstrupского клада происходят из Дунайского региона и попали в Данию через Центральную Европу.

Помимо изготовления украшений большие достижения имели место и в других областях. Лодки этого периода стали больше и приобрели клинкерную обшивку из частично перекрывающих друг друга досок; стали появляться многие специализированные инструменты; совершенствовалась технология ткачества. Несмотря на то что в этот период у нас больше возможностей для изучения фактов, связанных со строительством, одеждой и хозяйством, существенных изменений в этих областях не произошло. Обратимся, прежде всего, к новым особенностям материальной культуры этого периода.

По находкам из болота, расположенного на торфянике в Ньюдаме, можно сделать вывод о том, что в течение этого периода

получила серьезное развитие технология кораблестроения. В этом болоте в середине XIX века было найдено несколько крупных ладей вместе с большим количеством оружия и украшений. Одна из них сохранилась достаточно хорошо, чтобы выдержать перевозку, и ее до сего дня можно видеть в музее замка Готторп в Шлезвиге. В длину это судно достигает порядка 70 футов и имеет осадку примерно в 4 фута. В его конструкции задействовано одиннадцать массивных досок одна из них служит килем, а остальные — поясами обшивки, по пять с каждого борта; планшир сделан из двух соединенных частей. Судно двигалось с помощью весел, и количество уключин — по пятнадцать на каждой стороне — указывает на то, что его команда состояла, по крайней мере, из тридцати одного человека. Мачта и паруса отсутствовали, поскольку парусные суда появились в северных водах только в начале эпохи викингов. Рулем этому судну служило массивное весло, опускавшееся с кормы по правому борту, — эту особенность мы уже наблюдали на примере ладьи из Хьёртспринга. Но конструкция этого судна является большим шагом вперед по сравнению с его предшественником, отчасти благодаря увеличению поставок железа. Прочные борта, образованные клинкерной обшивкой, скреплялись железными гвоздями, а довольно непрактичные двойные штевни уступили место

Илл. 72

Илл. 49

приподнятым форштевням. То, что ладья передвигалась с помощью парных весел на уключинах, а не весел для каноэ, сберегало силы команды. Судно было высоким, но весьма прочным, и, вероятно, было в состоянии выдержать напор многих морей, кроме, конечно, самых бурных. Тем не менее, в отличие от позднейших кораблей викингов, оно было еще недостаточно прочным, чтобы пересечь океан.

Самым ходовым плотницким инструментом по-прежнему оставался топор, и он с успехом применялся в таких работах, для которых сегодня потребовались бы два-три инструмента. Хотя в этот период появился рубанок, он, вероятно, предназначался для более тонких работ — например, для шлифовки круглых древков копий и стрел. Болота подарили нам образцы такого деревянного оружия, а также луки, сделанные из одного куска дерева, и колчаны для стрел.

В болотах обнаружена и одежда. Одевание мужчины состояло из куртки с длинными рукавами и брюк с дополнительными деталями, служившими носками. Женщины носили длинные платья из тканей различного переплетения, но от них в болотах сохранились только фрагменты. В частности, одежда, найденная в Торсбьёрге, свидетельствует о высоком качестве тканей того периода — их переплетение создавало изящные узоры.

Раскопки ряда поселений дали нам большой объем сведений о земельном хозяйстве и его экономике в этот период. Самой обычной находкой являются фундаменты домов, а иногда археологу выпадает удача обнаружить несколько домов, построенных один над другим. Больше всего свидетельств, относящихся к этому периоду, дали нам Ютландия, Фюн и Борнхольм, хотя ряд образцов известен и на о. Зеландия. Строительные практики основываются, главным образом, на традициях доримского железного века, и только на о. Фюн мы встречаемся с другим типом домов, который, между прочим, использовался в этом регионе до самого последнего времени. Дом на о. Фюн имеет в плане прямоугольник с центральным рядом столбов, поддерживавших главную балку кровли. Обычно же крыша строения в этот период опиралась на двойной ряд столбов, соединенных друг с другом и усиленных связующими перекладинами. Раскопки в Дальсхёй на Борнхольме, во Фьянде, Западная Ютландия, и в Гиндерупе, Северная Ютландия, дали особенно важные сведения о конструкции домов той эпохи. Так, в Гиндерупе один из домов, очевидно, сгорел, и обугленные остатки крыши упали на землю. Покрытие кровли опиралось на стропила толщиной от 1,5 до 3 дюймов. К этим стропилам был привязан слой соломы, а поверх нее были уложены два пласта поросшего

вереском торфа, изнанка к изнанке; так что поверхность с вереском была обращена наружу. Хотя крыша этого дома была покрыта дерном, возможно, что другие дома имели более легкую соломенную кровлю.

Один из домов в Гиндерупе жителям пришлось покинуть в такой спешке, что несколько животных им не удалось вывести из огня, и они сгорели заживо. Этот дом достигал примерно 38 футов в длину и 14 в ширину, стены имели защитное торфяное покрытие, возможно, достигавшее крыши, в то время как внутренняя сторона была обшита деревом (ср. тип, упоминавшийся на с. 154 в связи с домом римского железного века в Тофтинге). Западная часть дома имела глиняный пол, а около квадратного декорированного очага был найден жернов ручной мельницы, обугленная деревянная ложка и глиняные сосуды с обгоревшим зерном. В восточной части дома присутствовали следы нескольких отделений, или стойл, а кости свидетельствовали о том, что это было помещение для животных. Здесь были найдены останки четырех овец, свиньи и коровы, а остальные животные, предположительно, были спасены до того, как пламя охватило всю постройку.

Важным поселением был Фьянд, и ниже мы рассмотрим его. Стены одного из домов этого памятника были построены из ряда вертикальных кольев, остальные строения

представляли собой мазанки. Особенный интерес представляет найденная в этом поселении обугленная дверь, сделанная из двух дубовых досок, каждая примерно в фут шириной, соединенных между собой с помощью двух расположенных встречно деревянных дуг, вставленных в пазы досок. Высота этой двери, которая подвешивалась на стержнях, составляла всего 4 фута, и это кое-что говорит о высоте стен.

Как выяснилось, дом С поселения в Дальсхейм содержал необычайно большое количество предметов. Этот дом был построен в плодородном районе, резко отличавшемся от бедных песчаных земель Ютландии, и он в состоянии дать нам важные сведения об аграрном хозяйстве этого периода. И если памятники Ютландии предоставили ученым лишь немного зерна, то найденное здесь огромное количество обугленного ячменя и овса превосходного качества говорит о плодородии почвы вокруг поселения в Дальсхейм.

Прямоугольный план дома можно восстановить по обожженной докрасна глине стеновой обмазки; в восточной части дома находилась небольшая комната с гравийным полом, где, по всей вероятности, содержались животные, а рядом с этой комнатой располагался высокий глиняный очаг с бордюром из камней, препятствовавшим распространению огня. На полу лежали железные

ножи, блоки веретен, ткацкие гири и броши, очевидно, приколотые к платьям, которые были развешаны на кольшках по стенам. Были также найдены следы полукруглой хлебной печи, и, хотя в течение последних лет использования этого дома она бездействовала, это, все же, некоторый признак существования в тот период хлебопечения.

Углубления, оставленные в земле, показали, что крыша опиралась на двойной ряд столбов, расставленных парами и соединявшихся с более тонкими стойками стен. Основные стеновые опоры были скреплены между собой вдоль гребня стены горизонтальными перекладинами, а также связаны с внутренними рядами столбов, в свою очередь, соединенными друг с другом. Между ними находились второстепенные вертикальные стойки, скрепленные плетнем и штукатуркой, часть которой была обожжена во время пожара, и сохранившийся на ней сложный узор плетня выявляет конструкцию стен.

По-видимому, у торцевой стены кровля была наклонной, поскольку внутренние столбы, несущие основную тяжесть крыши, чуть-чуть не доходят до задней стенки. Если бы торцевая стена по высоте доходила до самых балок кровли, следовало бы ожидать, что массивные столбы будут включены в конструкцию этой стены, однако здесь ничего подобного не наблюдается, несмотря на то что стена построена прочно.

Обугленное зерно и множество костей животных, найденных на этом памятнике, подтверждают предположение о том, что это было зажиточное хозяйство. Усадьба располагалась в центре своих плодородных полей, небольшой уклон обеспечивал им естественный дренаж, и вода стекала по склону, не задерживаясь на болотистых участках.

Самым обычным домашним животным была корова, причем скот, вероятно, использовался не только для получения молока, но и для вспашки. Если же еще учесть мясо, кожу и рог, которые они давали при убое, то можно считать их весьма выгодным капиталовложением. Овцы, дававшие шерсть и мясо, также были очень распространены, как и свиньи, которые содержались в лесу и были несколько мельче обычных животных современных пород. На ферме могла присутствовать и парочка дойных коз, а иногда и лошадь для верховой езды.

Анализ обугленного зерна с этого памятника показывает, что оно было практически свободно от сорняков, а тот факт, что зерно разных видов находилось в разных кучах, указывает на то, что разные сорта выращивались раздельно. Большинство полей было засеяно ячменем, но выращивался и эммер. Колосья злаков срезались высоко по стеблю, что, возможно, и объясняет редкость сорной травы в раскопанных образцах. Но немногочисленные следы сорняков все же дают нам

некоторое представление о состоянии земли. Ханс Хельбек, исследовавший это зерно и другие семена, сообщает, что, вероятнее всего, поля были дренированы неравномерно, так что отдельные участки оказывались достаточно влажными, а другие более сухими. Следовательно, злаки занимали неправильные участки, но они были здоровыми и давали достаточный урожай, чтобы пережить зиму.

Но на песчаных полях Ютландии жизнь земледельца представляла собой совсем другую картину. Здесь зерно было плохого качества, и, чтобы восполнить его нехватку, приходилось примешивать к культурному зерну дикие семена. В поселениях, расположенных вблизи озер и рек, важным дополнением к сельскому хозяйству было рыболовство. Сочетание земледелия и рыболовства отражают и грузила для сетей, найденные на сельскохозяйственном памятнике во Фьянде.

В Ютландии мы располагаем множеством следов полей этого периода, но приусадебные участки, относящиеся к домам Фьянда, представляют особый интерес, поскольку здесь их межи оказались покрыты наносным песком, а ограждающие их валы, видимо, во многом сохранили свой первоначальный характер. Эти валы, совсем низкие, отделяли небольшие поля, площадью от четверти до трех четвертей акра. По откосам холмов и на наклонных участках из-за эрозии верхнего

слоя почвы и своеобразных подпорных стенок, образованных валами, местность имеет вид характерных террас.

Во Фьянде следы работы *арда* можно видеть как темные полосы, идущие крест-накрест по поверхности полей параллельно межам.

Однако качество почвы было не единственной чертой, отличавшей поселения Ютландии от таких же памятников на Борнхольме. Очевидно, что отдельные поселения Ютландии отличает весь их характер, поскольку там были обнаружены несколько ферм, сгруппированных во что-то вроде деревни. Это можно наблюдать в Эстербелле в Северной Ютландии, где дома, окруженные полями, образуют параллельные ряды. Но хотя эти сельские дома были расположены близко друг к другу, факт разграничения полей, видимо, говорит о том, что они были не коллективным владением, а частной собственностью. Предположительно, в таком поселении бытовало чувство общей безопасности, поскольку соседи могли помочь друг другу в трудную минуту.

С другой стороны, на Борнхольме фермы не встречаются подобными группами; правда, остров сохраняет эту особенность до сегодняшнего дня — там нет деревень. В восточной части острова распределение древних памятников повторяется расположением современных ферм. Свободного пространства

там хватало лишь для полей и лесов, отделявших одно хозяйство от другого (первобытные леса были вырублены задолго до этого). Едва ли основанием для подобной разбросанности домов могла быть бедность земли, поскольку почва здесь необычайно плодородна; скорее это могло быть стремлением к уединению.

В течение железного века сельское хозяйство стремительно развивалось; были распашаны значительные части страны, и теперь деревни были связаны примитивными дорогами (которые мало отличались от простых проселков) с побережьем, откуда на веслах к устьям больших рек, служившим воротами в материковую Европу, отплывали длинные корабли, наполненные товарами.

Глава VII

Темные века

В течение долгих и беспокойных лет IV в. н. э. римлянам удавалось сохранять нерушимость большей части своих границ, но в 375 г. Римскую империю атаковали новые и более опасные враги — гунны, — и постепенно оборона границы изменила свой характер. Германские племена вторгались на территорию Империи и смешивались с римским населением, пока в 476 г. не получили официального контроля над Западной Римской империей. Восточная Римская империя с центром в Константинополе, напротив, оставалась нетронутой еще несколько столетий.

Среди многих племен, кочевавших в тот период по Центральной Европе и Южной России, были герулы, племя, возможно, происходившее из Скандинавии. О герулах сообщается, что покинуть свои дома их вынудили даны, и, хотя доказать это с помощью археологических свидетельств невозможно, очевидно, что скандинавов интересовали события на континенте. Следовательно, похоже, что обитатели Северной Европы принимали

некоторое участие в событиях, приведших к распаду великой Римской империи. Наличие контактов с ней подтверждается огромным количеством золотых монет императорского Рима, найденных в Скандинавии (особенно в ее восточных частях), а также скандинавскими предметами и украшениями, обнаруженными вплоть до Венгрии; это указывает на тесные взаимоотношения между Центральной и Северной Европой. Скандинавы имитировали римские медали.

Илл. 65

Гунны были не первым восточным племенем, вторгшимся в Европу и осевшим на Западе, но их появление имело большое значение, ускорив неизбежную победу германских племен над римлянами — победу политическую, а не культурную. Гунны обосновались на Западе, и влияние их самобытной культуры можно проследить по археологическим находкам. Несмотря на то, что они были азиатским кочевым народом, непривычным к европейской жизни, они скоро приспособились к своему новому окружению, что ясно видно из их переговоров с римлянами. В них снова и снова возникают два условия: гунны были готовы на мир в обмен на золото и требовали себе права доступа на римские рынки. Римляне постоянно платили гуннам огромные суммы, чтобы те оставили в покое страну, которую грозились разграбить, но часть этого золота возвращалась к римлянам через рынки, поскольку гунны не были

самодостаточными в том, что касалось пищи и специй. И именно через такую торговлю часть золотых монет Римской империи достигла Скандинавии.

Подробная информация о гуннах содержится в описании, оставленном посланником Восточной Римской империи, который живо рассказывает об этом племени и его образе жизни в тот период, когда оно начинало оседать в Венгрии; но здесь не место обсуждать этот странный и суровый народ.

В конечном счете от нападений на Рим выиграли германские племена, поскольку гунны были разбиты и их численность катастрофическим образом сократилась. На Западе, в области, некогда находившейся под властью римлян, возникли королевства, самым сильным из которых долгое время оставалось государство Меровингов на территории Франции. Римская культура продолжала свое безраздельное царствование, несмотря на все эти изменения, и только коронация Карла Великого положила начало новой эпохе.

В это время увеличился размах и значимость датских набегов на Запад. При Хигелаке (о котором упоминает Григорий Турский) был совершен рейд на побережье Фрисландии, но наиболее серьезными стали нападения на Англию, отправной точкой для которых послужили омываемые Северным морем берега Южной Ютландии и Северо-Западной Германии. Хотя после нескольких первых

атак Англия реорганизовала систему обороны своих берегов, вся эта подготовка оказалась неадекватной, и захватчики ринулись в страну. Многие английские кладбища V в. подтверждают наличие весьма тесного культурного и этнического родства между людьми, жившими на побережье Северного моря и в Англии. Древнейшие броши и другие украшения очень напоминают находки, сделанные в Северной Европе и в Рейнской области, и, хотя в дальнейшем эти типы развивались независимо, мы располагаем множеством свидетельств в пользу того, что через Северное море осуществлялись контакты, шел обмен идеями и товарами.

Период между 400 и 800 гг. н. э. важен для истории Европы, но все наши исторические познания имеют очень мало непосредственного отношения к Дании. В своем понимании этого периода датской истории мы по-прежнему зависим, в основном, от археологических данных. Раскопки последних лет показали, что он был не лишен интереса; в этот период имели место не только важные культурные изменения, но еще и политические сдвиги, и драматические события, оставившие после себя следы в виде сожженных домов, спрятанных сокровищ и возможных доказательств использования укреплений на холмах.

И могилы, и поселения свидетельствуют о четкой и логичной социальной структуре.

Общество было разделено на классы, внизу социальной лестницы находились рабы, а вверху — вожди или короли. В этот период мы не находим в Дании особенно богатых захоронений, но могила в Саттон-Ху, найденная в Англии, и изысканные шведские погребения в Венделе и Вальсърде говорят о богатстве вождей и королей в родственных областях. Датские могилы указывают, главным образом, на класс зажиточных земледельцев, а также на более бедные слои населения. Иногда, как, например, в Лоусгорде, о. Борнхольм, бедное захоронение с ничтожной погребальной утварью располагается поверх богатой могилы; такие случаи наводят на мысль о принесении раба в жертву, с тем чтобы он сопровождал своего хозяина или хозяйку в потусторонний мир и там продолжал служить им, как делал это на земле. О существовании такого обычая в эпоху викингов свидетельствуют и археологические, и исторические источники.

Хотя нам не известно ни об одной могиле, принадлежавшей представителям датского правящего класса, мы знаем о том, что в их руках были сосредоточены огромные богатства в драгоценных камнях и золоте. Лучшей иллюстрацией этому факту служат золотые рога для питья из Галлехуса, которые, с их романтической историей, представляют собой одну из самых знаменитых находок датской старины. Они относятся к переходному

Илл. 69

периоду между римским железным веком и эпохой переселения народов. Эти два больших массивных рога из чистого золота, скорее всего, были чрезвычайно дорогими. Их украшают странные рельефные и гравированные узоры: человеческие фигуры, животные, мифические звери и причудливые предметы, размещенные поясами по окружности каждого рога. На одном из них имеется надпись: «Я, Легест из Холта [?] сделал этот рог», — что ж, у Легеста были все основания гордиться своей работой.

Сто пятьдесят лет назад эти два рога, найденные независимо в 1639 и 1734 гг. в одном и том же месте в Тендере, Южная Ютландия, были украдены из Королевской коллекции и расплавлены. Но, к счастью, эта потеря не оказалась невозполнимой, поскольку сохранились рисунки, и сегодня мы имеем ясное представление о размере, форме и декоре этих рогов. Их украшения представляют собой один из древнейших образцов германского звериного орнамента, который в этот период встречается на брошах и накладках.

Хотя нам известен смысл некоторых мотивов, присутствующих на этих рогах, мы не в состоянии понять их в целом. Многие пытались интерпретировать эти многочисленные фантастические изображения; так, например, трехголовая фигура, одной рукой держащая за поводок барана, а в другой

топор или молот, была принята за какого-то бога. Трехголовый бог хорошо известен в романо-кельтской иерархии, а на позднейшем скандинавском ковре он предстает как одна из языческих сил, нападающих на христианство. Значит, в эпоху викингов он еще не был забыт, и, возможно, мы вправе отождествить его с Тором. На рогах также имеется изображение женщины, держащей рог, двух мужчин с игровой доской, всадника и кентавра.

Не лишены интереса происхождение и характер германского звериного орнамента, представленного на этих рогах. Очевидно, что корни этих мотивов тянутся к незатейливым, неуклюжим фигуркам зверей римского периода, но здесь ощущается новое настроение, страстный интерес к животным. Стилизованные головы, переплетенные тела, оскаленные пасти и разинутые клювы создают странное и какое-то нездешнее изобразительное искусство, часто полностью свободное от натурализма. Звериный орнамент, как правило, сочетается с геометрическими штампованными узорами, глубокий рельеф которых украшает поверхность ослепительной игрой света и тени. Эти выбитые узоры являются прямым заимствованием из римского искусства северных провинций, но похоже, что самозабвенный интерес к звериному орнаменту мог быть навеян некоторыми областями Азии, населенными кочевыми народами.

Илл. 70

Нам очень мало известно об искусстве гуннов и других азиатских племен, осевших в Европе, но существует примечательное сходство между мотивами, встречающимися в датском искусстве эпохи Великого переселения народов, и декором сарматских металлических изделий с юга России и из Сибири. Брошь из Галстеда в Южной Ютландии украшена фантастическим животным: крылатым львом с изогнутым телом, передние ноги которого развернуты в одном направлении, а задние — в другом, чему на Востоке имеются очень близкие аналоги.

Под влиянием Востока и римских провинций искусство Дании процветало и вскоре развилось в самобытный стиль, известный как стиль эпохи переселения. Это стиль, образованный, в основном, звериным орнаментом, отличается полной стилизацией мотивов, животные изогнуты и деформированы таким образом, что целиком заполняют тесные пространства полей, предоставленных им для украшения. Это стиль особенно хорошо виден на крупных «рельефных брошах» из позолоченного серебра. Поразительный эффект этих брошей достигался не только с помощью штампованного орнамента, но и за счет контраста между цветом используемого металла и чернью, заполняющей углубления, чаще всего в зигзагообразных полосах. Художнику эпохи Великого переселения народов было свойственно

Илл. 70

Илл. 70

украшать звериными мотивами и края, и поверхность брошей. На древнейших версиях такой броши животные присутствуют только по краю, а поверхность посередине украшают геометрические узоры. Довольно поздняя, но весьма необычная брошь была найдена на Борнхольме, куда была привезена со шведского острова Готланд. На ней изображены несколько птичьих голов мрачного вида, причем каждый клюв впивается в шею соседней птицы. Образцы, демонстрирующие полное развитие этого стиля, были найдены, например, в Гуммерсмарке, о. Зеландия, где, что стоит отметить, между телом, головой и конечностями животного еще просматривается какое-то органическое единство. Эта черта вскоре была утрачена, и звериный орнамент стал более абстрактным.

Как только эта фаза развития орнамента миновала, с животными начали обращаться совсем по-другому. Около 600 г. н. э. оформился стиль (иногда проявлявшийся и ранее), который быстро распространился по всей Европе, достигнув Ирландии, Италии и Швеции. Его образуют сведенный до лентообразных линий орнамент из деформированных животных; характер животных им придают головы, хвосты и конечности, добавленные к длинным, извивающимся неорганическим телам (рис. 20). Этот орнамент абстрактен по стилю, хотя и строится на древних анималистических мотивах, и может

Рис. 20. Накладка, декорированная двумя лентообразными животными в стиле II

показаться, что любовь к животным в художественной среде не умерла.

В VII в. на смену этому стилю пришли два совершенно новых: для первого был характерен треугольный животный мотив — лошадь или олень с переплетающимися лентами; второй же сложнее и состоит, в основном, из животных, втиснутых в предоставленное декору поле и окруженных узором из переплетенных лент и петель. Головы животных имеют фантастическую форму и довольно замысловаты, тела дают побеги в виде ног и крыльев, а целое выливается в изящный и изощренный линейный узор. Декор в

Илл. 73

этом стиле украшает древнейшие куполообразные овальные броши, которые, по одной на каждом плече, носили женщины, но встречается он и на других предметах, например, на уникальной накладке в форме конской подковы из могилы в Лоусгорде, Борнхольм. На ней изображены две птицы, держащие в когтях змей. На фоне ткани платья эта изысканная позолоченная накладка, инкрустированная гранатами, вероятно, производила потрясающее впечатление.

Илл. 70

Эволюция стилей позволяет дать приблизительную датировку; другой метод основан на изучении привозных золотых монет, которые иногда обнаруживаются вместе с другими предметами и тем самым дают археологу ориентировочную дату. Мы вернемся к рассмотрению этого метода датировки, когда перейдем к более поздней эпохе. Как и в предшествующие периоды, наши познания о хозяйственной жизни общества черпаются из раскопок поселений. В Оксбёле в Юго-Западной Ютландии были найдены два стоящих рядом дома, но, хотя известно, что они относятся к одному и тому же времени, мы не можем быть уверены, что они были непосредственно связаны друг с другом. Один из них был большим, превосходя по размеру дома римского периода, и делился на три комнаты; другой был меньше. Большое строение свидетельствует о том, что население этого периода ощущало потребность в

большем пространстве, чем это было возможно ранее, вероятно, из-за того, что стало держать больше животных.

Такое же впечатление производят фермы, которые были раскопаны в плодородных областях острова Борнхольм. Весьма странно то, что, по-видимому, эти поселения были покинуты вскоре после 500 г. н. э. Две изученные фермы состояли каждая из двух домов, причем один из них был больше второго. Одно из этих зданий имело в плане Г-образную форму, и все они были построены практически так же, как рассмотренные нами выше дома римского железного века, с низкими стенами из кольев, веток, плетня из прутьев и шпукатурки. Крыши опирались на два ряда столбов, исключая короткое крыло Г-образного дома, где кровлю поддерживал только один ряд столбов.

Фермы располагались на пологом склоне, часто вблизи озера, поставлявшего воду и торф, а также какое-то количество рыбы. Около ферм находились леса, в которых свиньи могли добывать себе желуди. Дуб рос повсеместно, и его часто использовали для строительных нужд.

Подобные памятники дали множество находок. Очаг, обычно приподнятый на глиняном фундаменте, помещался в одном из концов строения; в Г-образном доме он находился в месте сочленения двух крыльев — и большинство предметов было найдено именно

Илл. 62

там. Железные ножи, блоки веретен, булавки, броши, иглы, бронзовые пинцеты и узкие костяные гребни, украшенные выбитым или гравированным узором, встречаются в изобилии. В одном случае вдоль одной из коротких стен были найдены остатки ткацкого станка и керамические ткацкие гири, спокойно лежащие длинной вереницей, прислонившись одна к другой. Только несколько было найдено не на месте, другие откатились по полу лишь на пару дюймов, когда дом сгорел. Ткацкие гири имеют хорошо известную форму: они плоские с отверстием в центре и овальным сечением. Ткацкий станок принадлежал к традиционному типу, описанному выше.

Обугленное зерно лежало на полу маленькими кучками, не в таких больших количествах, как в предыдущий период, и не такое чистое, поскольку содержит примесь семян диких растений. Это довольно странно, учитывая, что почва в данной местности очень плодородна и, должно быть, производила значительные урожаи; видимо, как раз в тот конкретный момент наблюдалась нехватка зерна, хотя причиной тому не был плохой урожай, потому что зерно налитое и в хорошем состоянии. Этот урожай был выращен на примыкающих к дому полях, почва которых подготавливалась к посеву плугом, возможно, имевшим нож и отвал. Зерно жали серпами, а может быть, косами, и затем

мололи на вращающейся ручной мельнице, сменившей седловидную, использовавшуюся в римскую эпоху. Эта вращающаяся мельница, которая в Центральной и Западной Европе была в ходу еще в доримскую эпоху, в Дании появилась только с большим опозданием; верхний жернов крутили рукой, поскольку в нем не было отверстия для колышка. Печь из обожженной глины говорит о том, как употреблялась часть этого зерна. Она была куполообразной с небольшим отверстием с одной стороны — а возможно, еще и сверху, — которое закрывалось во время ее использования.

Домашними животными по-прежнему оставались лошадь, рогатый скот, овца, коза, свинья и собака, причем преобладали коровы. На одной из ферм в клетке держали лису, возможно, в качестве домашнего любимца; предположительно, она была поймана еще детенышем, а о том, что она была домашней, говорят ее зубы, сточившиеся, как у собаки. Все кости, найденные на этом памятнике, побывали в зубах у собак, а мелкие отметины на конце каждой кости свидетельствуют о том, что в то время эти друзья человека обращались со своими косточками точно так же, как и в наши дни.

Древесный уголь, кости и поврежденные огнем камни, найденные в ямах вне домов, рассказывают о том, как их обитатели готовили пищу. Технология, по всей видимости,

была такой же, какая до сегодняшнего дня используется в примитивных обществах: мясо заворачивали в зеленые листья и клали в яму, наполненную горячими камнями из очага, а сверху накрывали. Через некоторое время мясо можно было вынимать, и нежные кусочки были готовы к употреблению.

В большой яме было обнаружено несколько костей лошади. Они отличались от прочих костей, найденных на этом памятнике, тем, что не были погрызены собаками или расколоты с целью добыть мозг. Там лежал череп и кости ног, и ясно, что за их захоронением кроется некая особая церемония. Болото в Рислёве, Южная Зеландия, дало аналогичные находки, относящиеся к тому же времени, в то время как прочие: из могил в Центральной Германии и Южной России — датируются IV в. и позднее. Такие захоронения найдены и в Южной Сибири, где до самого недавнего времени был распространен обычай насаживать лошадиную шкуру, голову и ноги на шест в жертву верховному богу небес. Датские находки вполне можно было бы объяснить подобным обычаем, потому что кости, подвешенные в шкуре на шесте, впоследствии погребались как священные предметы. Путешественники эпохи викингов пишут о подобном обычае в тогдашней Южной России; здесь опять же шкуру, ноги и голову лошади помещали на шесте над могилой умершего человека. Соблазни-

тельно истолковать этот обычай, когда он встречается в европейском контексте, как результат контакта с кочевыми племенами, у которых он был освящен традицией как часть погребального ритуала и жертвоприношение богам. Умершему (или богу) вручали душу лошади, ее шкуру, прекрасную голову и сильные ноги, чтобы они служили ему в обители мертвых.

Другие интересные вещи были найдены за пределами этих ферм. Например, около фермы в Дальсхёй под самой поверхностью земли было найдено четыре клада, содержащих семнадцать золотых монет, позолоченную серебряную брошь, три золотых кольца и небольшой золотой диск с отверстием. Рядом с другой фермой в том же районе, в Сорте Мульд, был обнаружен ряд монет и несколько маленьких человеческих фигурок из золота, а в ближайших окрестностях — аналогичные клады. В других местах археологи наткнулись на богатые клады позднеримских монет.

Илл. 70

Человеческие фигурки на кусочках золотой фольги изображают как мужчин, так и женщин, часто в полном облачении. Мужчины одеты в брюки и куртки или короткие платья, на женщинах — длинные платья и шали, которые частично прикрывают спину; иногда платье и шаль изображаются с каймой из зигзагообразного узора. Один из этих маленьких кусочков фольги изобра-

Илл. 68

жает двоих людей, и очевидно, что это любовная сцена. Некоторые фигурки несут жезлы с широким концом, а из литературных источников эпохи викингов нам известно, что подобные жезлы использовались своеобразными шаманами обоих полов. Этот экзотический элемент скандинавской религии, видимо, пришел с Востока, но, в какой период, мы сказать не можем. Поскольку известно, что в финской традиции ему отводилось важное место, существует теория, согласно которой он был насажден в эпоху викингов в результате финского влияния; но точно так же возможно и то, что шаманы появились гораздо раньше, еще в период Великого переселения народов.

Основание для сокрытия в кладах столь многочисленных дорогих предметов не бросается в глаза с первого взгляда, и, рассматривая эту проблему, необходимо принять во внимание определенные соображения. Фермы, к которым относилось это золото, были сожжены, а одна из них указала на дефицит зерна (культурное зерно было смешано с семенами диких растений). В окрестностях фермы были найдены наконечники копий, не имеющие отношения к захоронениям, а на некотором расстоянии от нее на необитаемом возвышенном участке была раскопана крепость. Она представляет собой скалу со ступенчатыми склонами, вершину окружает вал, к входу вовнутрь ведет извилистая тропинка.

Илл. 63

Внутри находится естественный водоем, обеспечивавший питьевую воду; обнаруженная здесь глиняная посуда датируется либо поздне-римским периодом, либо эпохой Великого переселения народов.

В подобной крепости на холме нельзя было долго противостоять решительно настроенным нападающим, поскольку ее вал был очень протяженным и низким, но она давала приют людям и скоту на время вторжения или набега. За валом крепости находились груды круглых гладких камней; их можно было бросать или метать из пращи в атакующих, и это говорит о том, что люди, искавшие убежища в этой крепости, были готовы защищаться.

В совокупности эти факты можно интерпретировать как следствие войны, которая, судя по найденным монетам, имела место в период правления Анастасия в начале VI в. Сожженные и заброшенные фермы, клады, так и оставшиеся в земле, и укрепления на возвышенных участках подводят нас именно к такому выводу.

Многие погребения этого периода говорят о значительном благосостоянии; особенно удачным примером служит недавно раскопанное кладбище в Кюндбю на северо-западе Зеландии. Мужчины были похоронены вместе со своим оружием высокого качества, иногда в обществе собак, и с запасом превосходной пищи — нежными кусками ягнятины,

Илл. 64

свинины и говядины. Погребение II в Кюндбю содержало длинный обоюдоострый меч с позолоченной рукоятью, украшенной переплетениями лент и животных, выполненными в технике глубокой гравировки. Все оружие из этого захоронения было сильно повреждено — щиты разрублены, а меч согнут — и, разумеется, не годилось для дальнейшего употребления.

Другой длинный меч, из Билдсё, Западная Зеландия, также отличается превосходным качеством, а наверху его рукояти украшают два симметричных животных.

Помимо «рельефных брошей» присутствует много других личных украшений: гирлянды из бусин, закрепленные с обоих концов бронзовыми дисками, овальные броши с плетеным животным орнаментом, а также изящные брошки в виде птиц и клювов. У богатых были более изысканные украшения, сделанные из золота и инкрустированные гранатами. Массивные золотые шейные обручи украшает штампованный орнамент или припаянные сверху маленькие золотые животные. Такие украшения предназначались для очень богатых людей и богов. Одно из них, как можно полагать, изображает деревянная статуэтка с тремя ожерельями на шее.

Илл. 65

Илл. 67

Илл. 66

В этот период общественное устройство Дании обнаруживает себя с чрезвычайной ясностью. У нас имеются свидетельства об

условиях жизни земледельцев, принадлежавших к среднему классу, а также более зажиточной аристократии; обладаем мы и некоторыми представлениями об искусстве ремесленников — кузнеца, строителя и корабела. Некоторые из них были бесспорными мастерами, например, оружейники, ковавшие мечи, — им, наверное, приходилось подолгу ходить в учениках.

Завершая этот рассказ о датской предыстории, мы подходим к эпохе викингов и начальному этапу письменной истории Скандинавии. Миссионеры из англосаксонского региона и Южной Европы принесли на Север новую культуру и религию. Ее признаки появляются уже в эпоху Великого переселения народов; в тогдашнем искусстве мы время от времени наталкиваемся на христианский символ, вроде плетеного лентообразного орнамента, в конечном счете происходящего с Ближнего Востока — из Сирии, Палестины и коптского Египта. Из захоронений поступают бронзовые накладки, которые могут относиться к шкатулкам в виде дома, подобным тем, которые привозили с собой с Британских островов англосаксонские миссионеры. Вместе с этими новыми украшениями и предметами прибывали и новые идеи, и мы начинаем обнаруживать следы новой религии, которая в эпоху викингов вытеснила языческих богов — Тора и Одина.

Доисторический ландшафт

Глядя на датский пейзаж, мы начинаем осознавать, насколько зависели доисторические народы от среды своего обитания. Изрезанная береговая линия, проливы, безопасные воды — все это способствовало формированию сознания наших далеких предков. Датские острова расположены близко друг к другу. С берегов Альса можно ясно разглядеть огонь на острове Фюн, а с Зеландии видны Фюн, Лангеланн и Лолланн. Лишь узкая полоса воды отделяет Зеландию от Фальстера и Мёена, тогда как пролив между Фюном и Ютландией по ширине не отличается от иной реки. Эти узкие проливы, наверное, манили искателей приключений, а в результате вода стала восприниматься не как преграда, а как связующее звено между разными территориями; путешествовать по воде доисторическому человеку было легче, чем прокладывать себе путь через нехоженые леса. Об этой связующей роли воды часто говорят и археологические данные, как, например, в случаях, когда памятники, расположенные по берегам какого-нибудь пролива,

выказывают одинаковые культурные особенности, а вот на территориях в глубине страны культура оказывается различной.

Вероятно, первые лодки были сделаны из шкур, но поскольку первобытные леса покрывали всю территорию страны, появились каноэ из выдолбленного ствола. Позднее эти две техники были объединены, и деревянные планки стали сшиваться без единого гвоздя — примером тому может служить ладья из Хьёртспринга. Лодки такого типа двигались с помощью весел для каноэ, и только в железном веке были введены гребные суда, подобные найденному в Ньюдаме. В позднейшую эпоху результатом внедрения морских парусных судов стали экспедиции и набеги, вроде тех, которые принято связывать с викингами.

Илл. 45, 49

Илл. 72

Холмы и равнины Дании предлагали земледельцу широкий ассортимент почв. Недавние топографические исследования показали, что в разные периоды предпочтения людей склонялись то к легким, то к тяжелым почвам. Эти исследования строились на тщательном и осторожном изучении нескольких выбранных областей. Каждая из этих областей была изучена шаг за шагом, каждый могильный курган исследовался и фиксировался, обследовался каждый речной берег, не было пропущено ни одной фермы; и эта работа, пусть и утомительная, принесла удовлетворительные результаты.

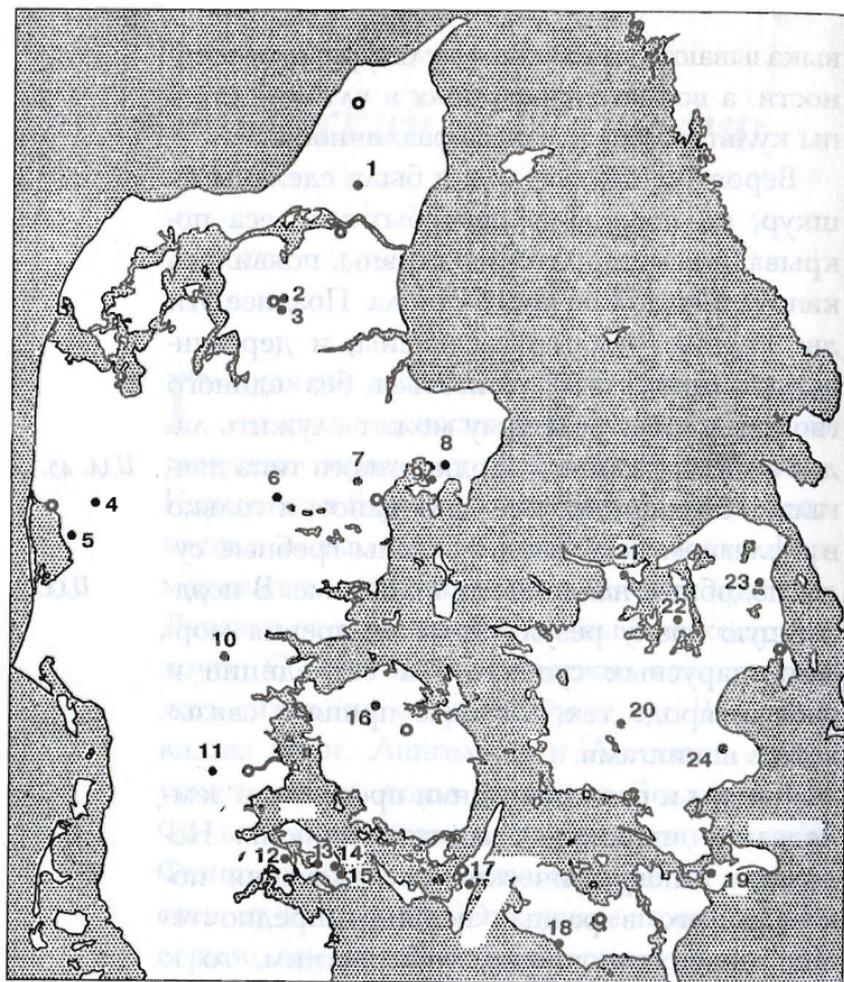
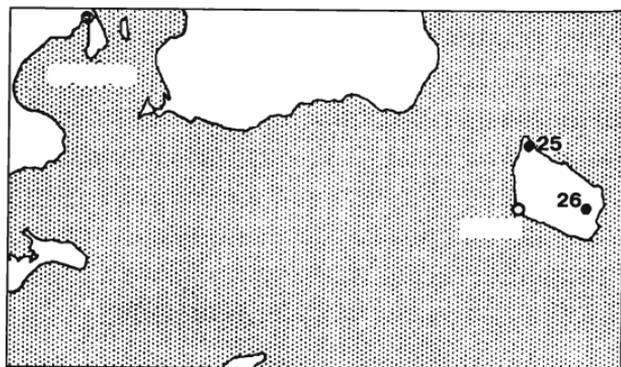

Рис. 16.
Карта Дании
с указанием
мест
некоторых
важнейших
находок
и музеев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

1. Крагхед (кладбище, доримский железный век).
2. Гундеструп (серебряный котел, доримский железный век) (Илл. 54, 55).
3. Борремозе (крепость в болоте, доримский железный век).
4. Муллебьёрг (курган бронзового века, где была найдена мужская одежда).
5. Бейбьёрг (повозки доримского железного века).
6. Толлунд (болото, где был найден человек доримского железного века).
7. Борум Эсхёй (курган бронзового века).
8. Баркер (неолитическая стоянка).
9. Кнебел (крупнейший *дюссе* в Дании).
10. Эгтвед (курган бронзового века, где была найдена женская одежда) (Илл. 33).
11. Скрюдstrup (курган бронзового века) (Илл. 31).
12. Нюдам (болото, где было найдено судно римского железного века) (Илл. 72).
13. Хьёртспринг (болото, где была найдена ладья доримского железного века) (Илл. 49).
14. Олескоббел (двойной длинный *дюссе*).
15. Бломмескоббел (крупный двойной *дюссе*).
16. Вимозе (находки в болоте, римский железный век).
17. Троллебьёрг (неолитическая стоянка).
18. Хобю (могила начала римского железного века, давшая богатые находки).
19. Клеккендехёй (гигантское погребение, двойная камера).
20. Бромме (палеолитическая стоянка).
21. Труднхольм (соляная колесница) (Илл. 36).
22. Йегерсприс (два неолитических гиганских погребения).
23. Конгедюссен (длинный *дюссе*, неолит).
24. Химлингёйе (кладбище, конец римского железного века).
25. Мадсебакке (наскальная резьба, бронзовый век).
26. Гамлеборг (крепость на холме, темные века) (Илл. 63).

Установлено, что в течение неолитического периода и бронзового века поселения тяготеют к легкой песчаной почве, в то время как в железном веке земледельцы обратились к более тяжелым плодородным почвам (хотя и не полностью отказались от песчаников). Эту перемену почти наверняка можно связывать с введением новых сельскохозяйственных инструментов, главным образом, плуга с отвалом, поскольку *ард* можно было использовать хоть с какой-то долей успеха лишь на легких песчаных почвах.

Охотничьи племена древнейших периодов жили на низких песчаных холмах около рек, вдоль побережий или вблизи озер. Иногда их поселения встречаются на плавучих островах озер или на гравийных террасах. Но неизменно можно видеть, что они господствуют над большим участком окружающей местности.

И совсем иные причины побуждали более поздних людей к сооружению своих огромных погребальных курганов на вершине холма или на возвышенности у моря. Эти курганы, воздвигнутые в честь умерших, должны были быть видны издалека, и их часто насыпали вдоль линии древних дорог. Это означает, что живущие хотели помнить своих усопших и поддерживать с ними какой-то контакт. Вероятно, также имело место стремление напомнить мертвым об их прежней стране, море и народе.

Илл. 29

Сожженные и заброшенные фермы рассказывают свою историю — о постройках, приспособленных к ландшафту и климату. Эти дома были защищены от господствующих ветров; например, в Ютландии их укрывали от яростных западных ветров, в то время как на Борнхольме следовало любимыми путями ограждать жилище от холодного восточного ветра. В железном веке, а может быть, и в другие периоды скоту обеспечивалось укрытие и тепло в конце дома. Для этих первобытных людей холодные ветры и снег зимой, наверное, были суровым испытанием, и можно представить себе, с какой радостью они встречали весну.

Фермы, находившиеся на песчаных почвах, не знали проблем с дренажем, но в областях с большим содержанием глины мы замечаем, что дома располагаются на пологих склонах, обеспечивавших естественное осушение полей и малочисленность участков с избыточным увлажнением.

Заброшенные доисторические поля, затерянные среди плантаций или заросшие вереском и *gorse*, зачастую нелегко обнаружить. Но стоит их распознать, как появляется искушение проследить всю эту систему валов и куч камней, которые рассказывают свою историю о давно канувших в Лету годах тяжелого труда.

Но отчетливее всего видны на местности могильные холмы, *дюссе* и могилы с коридо-

*Илл. 10,
11, 19-21,
29-30*

ром — более двадцати трех тысяч этих памятников находится под охраной государства. Они составляют неотъемлемую черту датского ландшафта и часто становятся темой произведений датских художников — живописцев и графиков. Действительно, их значение для датского пейзажа так велико, что они представлены на банкнотах и почтовых марках; хвалу им воспели Ханс Кристиан Андерсен и Йоханнес В. Йенсен. Могильные холмы часто служат смотровыми площадками, откуда люди могут наслаждаться закатом или видом окрестностей.

Некоторые доисторические памятники были спасены в начале XIX в., когда оказались под защитой Комиссии по охране древностей. Однако разрушение шло более стремительными шагами, чем спасение, и когда в конце концов пришло понимание серьезности ситуации, был введен новый закон, защищавший все захоронения, поселения и земляные сооружения. Этот закон вступил в силу в 1937 г., а его исполнение контролировалось Национальным музеем. Он защищает все древние памятники, и ни один из них нельзя уничтожить без разрешения Национального музея. Таким образом, могилам и курганам, полям и поселениям не угрожает современный плуг. И хотя за сохранение одного памятника невозможно гарантировать землевладельцу какую-либо компенсацию, собственник значительной охраняемой тер-

ритории может рассчитывать на крупную сумму. Решение в подобных случаях принимает местный окружной комитет. Каждый памятник инспектируется, по меньшей мере, раз в два-три года.

Эта масштабная охранная деятельность сохраняет доисторические памятники для ученых и туристов, а в Дании немного мест, где отсутствуют видимые следы древности. Действительно, на территории некоторых приходов насчитывается по несколько сотен зарегистрированных памятников. В Северо-Западной Зеландии трудно оказаться вдали от *дюссе*, и даже в пригородах Копенгагена находится несколько хороших образцов; в Токкекёб-хегн прекрасно сохранился один, Конгедюссен (королевский *дюссе*) с двумя камерами и высокими камнями ограды. Ряды могильных курганов можно видеть к югу от Тисвеллелёйе, а к северо-востоку от Орхуса находится, возможно, величайший *дюссе* Дании — внушительный Посекер-стенхус. *Дюссе* на о. Альс представляют особый интерес, а в Бломмескоббеле и Олескоббеле находятся, вероятно, самые впечатляющие образцы — в лесах острова их насчитывается несколько. Леса о. Борнхольм скрывают бесчисленные стоячие камни, две из самых заметных групп находятся в Луисенлунде (Эстермарие) и Грюэте (Бодильскер). Кольцо из стоящих камней можно видеть в Сковгордслундене (Бодильскер), а на скальных выходах в северной

Илл. 29

части Борнхольма имеются резные изображения. Крупнейшее скопление произведений наскальной резьбы находится между Аллинге и Сандвигом на Мадсебакке. Погребения с коридором встречаются по всей стране, и многие из них стоят того, чтобы их посетить. Например, Йегерсприс на северо-западе Зеландии может похвастаться двумя погребениями с коридором, одно из них, Юлианехёй, было раскопано в конце XIX в.

Национальный музей и Геодетиск-институт опубликовали ряд археологических карт (масштаб 1:100 000), полезных для более детального изучения видимых памятников датской предыстории. На этих картах все охраняемые памятники указаны вместе с местами обнаружения наиболее важных могил и предметов. С помощью этих карт можно проследить береговую линию эртебёлльского периода, увидеть устричные раковины из куч «объедков», бросающиеся в глаза своим сияющим белым цветом среди коричневой лесной подстилки из опавших листьев. Можно совершить паломничество к месту нахождения галлехусских рогов, тундхольмской соляной колесницы, дейбьёргских экипажей, эгтведской женщины или гундеструпского котла. На каждом из этих мест установлен камень, увековечивающий открытие одного из важнейших предметов датской предыстории.

Данефе, раскопки и коллекции

С тарейший из ныне действующих в Дании законов касается *данефе* (что значит «собственность мертвых»). Он основывается на средневековом законодательстве датских провинций, на законах вроде того, который изложен в Ютландском кодексе Вальдемара Сейра в 1259 г.: «Если какой-либо человек найдет серебро или золото в могильных курганах или в борозде, оставленной его плугом, оно должно принадлежать королю». В других сводах законов из других частей Дании содержатся аналогичные статьи, и такое же положение в отношении *данефе* (имущества, на которое никто не претендует в законном порядке) встречается в законах первого единовластного короля Дании. Королевские указы 1737 и 1752 гг. изменили безыскусную формулировку первоначальных законов и ввели такое определение *данефе*, согласно которому найденные предметы должны оцениваться не только по массе, но и по их антикварной стоимости.

Королевский указ от 7 августа 1752 г. гласит:

«Хотя все найденное в земле, лесах, полях, домах или любом другом месте на территории Дании, будь то золото, серебро, металл или любое другое сокровище, на которое никто не предъявляет своих прав, принадлежит единственно королю как *данефе*; награда *ex gratia* жалуется каждому из подданных, кто найдет нечто подобное, так что всякий, нашедший монеты или другие предметы, которые в силу их древности или особых свойств могут считаться редкостью, должен, если отправит их в Казну, получить за них плату в размере их полной стоимости из средств короля...»

Это — интригующее, если не бессвязное, предложение, но его смысл ясно выражен, несмотря на то что оно резко отличается от лаконичного языка более древних законов. Значение придается редкости и древности, помимо цены металла, а король, через Казну, следит за тем, чтобы нашедший получил адекватное вознаграждение. Формулировка указа 1752 г. явно испытала влияние других стран, и особенно шведских законов, из которых заимствованы некоторые части этого указа. Предметы, объявленные *данефе*, сосредоточивались в королевских художественных коллекциях, а когда в 1844–1845 гг. они были расформированы, все *данефе* отошли Национальному музею. С этого времени Национальный музей контролирует выполнение этого закона и вознаграждает невольных кладоискателей, выплачивая им полную

антикварную стоимость найденных предметов в зависимости от обстоятельств находки.

Не всегда легко примирить соображения современной археологии с законами более чем семисотлетней давности. Например, кремь никогда не причислялся к *данефе*, но это объясняется отсутствием прецедента, связанного с каким-либо особенно редким изделием из этого материала. В целом Национальный музей старается избегать чересчур решительных шагов при исполнении этого закона, главным образом потому, что кладоискатели оказываются корректными и обязательными. Музей считает очень важным, чтобы датский народ с сочувствием относился к работе археологов и сотрудничал с ними в том, что касается оповещения о находках и их фиксации, независимо от того, относятся они к категории *данефе* или нет. За последние сто лет *данефе* редко преднамеренно скрывали от властей, а если это и случалось, то обычно по неведению. Такой случай произошел не так давно, когда молодой фермер нашел кольцо, которое посчитал латунным и стал использовать для привязывания скота в коровнике! Посетивший его ветеринар распознал золото и представил кольцо, без каких-либо повреждений, в Национальный музей, который датировал находку бронзовым веком. Молодой фермер, впоследствии вызванный в национальную службу, был приятно удивлен, получив чек на значительную,

сумму, совершенно свободную от налогообложения, во исполнение закона о *данефе*.

О людях, нашедших *данефе*, рассказывают множество трогательных историй: как один из них спасся от разорения, а другой смог купить ферму, и так далее, — ведь компенсацию получает именно тот, кто нашел клад, а не владелец земли.

Ценные древности часто выходят на свет Божий спустя века и при загадочных обстоятельствах: в одном случае маленький мальчик споткнулся и упал, попав ногой в массивное золотое кольцо. Это оказался уникальный экземпляр, стоимость которого только по массе составила бы пару сотен фунтов стерлингов. Рыбак поймал редкий шейный обруч, используя трезубец для ловли угрей, а другой человек, отплывая на веслах от берега Ютландии в районе Фемё, увидел блеск золотого украшения на дне моря и сумел поднять его на поверхность. Большой кусок золота однажды был извлечен из торфа, горевшего в очаге, а недавно при корчевке древесного корня с помощью взрыва была найдена массивная золотая цепочка — к сожалению, она была весьма сильно повреждена.

Предпочтительно, чтобы археологические находки раскапывались и исследовались специалистами — не только могильные холмы, мегалитические гробницы и поселения, но и те из них, которые на первый взгляд могут показаться не слишком важными. Распростра-

нено заблуждение, что раскопки — это увлекательное и интересное развлечение; однако для археолога это в основном изматывающее нервы испытание, поскольку каждая новая черточка или находка должна подвергнуться тщательному изучению, ее необходимо зафиксировать, а в конечном счете, интерпретировать. Тяжелая ответственность ложится на руководителя раскопок, и, по мере того, как снимаются слои грунта, уничтожаются свидетельства, а тогда становится невозможным исправить погрешности в интерпретации. Временами раскопки могут быть захватывающими, но, как правило, они тяжелы, кропотливы и часто некомфортны, ведь далеко не каждый день лопатка или кисть археолога выявляют что-то интересное.

Конечно, технология раскопок совершенствовалась веками, а раскопки в духе подлинно научного исследования начались много лет назад. У нас имеются свидетельства того, что покой усопших в могилах тревожили еще в древности. В течение XVIII и XIX вв. члены датской королевской семьи интересовались раскопками: в 1776 г. кронпринц Фредерик исследовал курган, известный как Юлианехей, а в 1824 г. кронпринц Кристиан (впоследствии Кристиан VIII) раскопал несколько памятников, включая крепость на холме на о. Борнхольм. Принц Фредерик (впоследствии Фредерик VII) очень интересовался археологией и, часто в сотрудничестве

с Ворсо, обследовал большое количество могильных курганов и даже попробовал свои силы на крупном памятнике в Йеллинге.

Первые рисунки, увековечившие датские раскопки, были сделаны епископом Мюнтером в 1780-х гг. В течение XIX в. отчеты о раскопках стали более подробными и точными; но только в конце столетия была разработана вполне удовлетворительная технология раскопок. Методология полевой работы, изложенная в *Årbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie* в 1887 г., стала результатом консультаций и совместной работы техников и археологов Национального музея. Были сформулированы отчетливые правила, подчеркивалось значение дифференциации различных слоев или фаз той или иной структуры, поскольку именно таким образом можно выявить, скажем, соотношение различных захоронений внутри одного могильного холма. Согласно этим правилам, раскопки должны происходить с максимальной осторожностью, позволяющей зафиксировать все возможные детали; все находки необходимо фотографировать *in situ*, а планы вычерчивать в установленном масштабе. В 1893 г. Национальный музей получил ежегодную дотацию размером в 500 фунтов стерлингов для продолжения этой работы (сегодня эта сумма составила бы около 5000 фунтов). На эти средства было проведено немало важных раскопок, а их итоги опубликованы.

Таким образом, в течение XIX и в начале XX в. Копенгагенский Национальный музей нес основную ответственность за развитие археологии в Дании; он гарантировал соблюдение закона о *данефе*, защищал древние памятники и проводил раскопки. Результатом был неуклонный рост его коллекций, поэтому сегодня он является основным музеем для изучения датских древностей. В нем представлены все периоды датской предыстории и, разумеется, — здесь можно увидеть кинжал из Хиндгавла, трундхольмскую солярную колесницу, одежду бронзового века, луры, гундеструпский котел, экипажи из Дейбьёрга, находку из Хобю, оружие из Вимозе, и многое другое. Помимо множества экспонатов, выставленных на обозрение публики, музей располагает большими фондами и научными коллекциями.

Но Копенгагенский Национальный музей — не единственный в Дании. Еще в течение XIX века многие провинциальные города открыли собственные небольшие музеи; сегодня они выросли в размере, и многими из них руководят специалисты. Есть Форхисториск — музей города и университета в Орхусе, экспонатами которого являются «человек из Граубалле», котел из Бро и находка из иллерупского болота. Фюн Стифтсмусеум в Оденсе располагает замечательной коллекцией находок железного века, например, из окрестностей Брохольма; а музей Вендсюзсель

в Хьёрринге (помимо других древностей) содержит предметы начала железного века, найденные в болотах и захоронениях. Музей в Хадерслёве обладает рядом предметов из погребений бронзового и железного веков, а также одним из северных типов золотой чаши. В музее Рённе, столицы Борнхольма, размещается большая коллекция древностей всех эпох. Среди более мелких музеев стоит упомянуть Силкеборг, в котором хранится голова толлундского человека, и Орс, где находится коллекция из района крепости в Борремозе — той же местности, которая дала гундеструпский котел. Музей Лангеланн в Рудкёбинге содержит собрание предметов со стоянок каменного века в Линдле и Троллебьёрге. Музеи в Ольборге, Тистеде, Виборге, Рандерсе, Сёндеборге и Рингкёбинге обладают достойными внимания коллекциями, и даже этим список еще не исчерпывается. Более того, политика централизации, проводившаяся в течение XIX века, сегодня ослаблена, так что у людей, живущих в провинциальных областях, появилась возможность развить у себя более глубокий интерес к своим собственным древностям.

Библиография

J. Brønsted, *Danmarks Oldtid*, vols. I–III, Copenhagen 1938–1940, дает подробный обзор этой темы с библиографией. Ниже перечислена более современная литература (по большей части, упоминаемые книги снабжены английскими резюме).

Сокращения:

Årb.: *Årbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie*.
Fra NM Arb.: *Fra Nationalmuseets Arbejdsmark*.
Acta Arch.: *Acta Archaeologica*.

ОБЩАЯ

S. Müller, *Nationalmuseet*, Copenhagen 1907.
Glyn E. Daniel, *A Hundred Years of Archaeology*, London 1950.

ПАЛЕОЛИТ

Холлеруп: U. Møhl, *Årb.* 1954. Th. Mathiassen, *Årb.* 1946. J. Troels-Smith, *Fra NM Arb.* 1955.

МЕЗОЛИТ

Артефакты: Th. Mathiassen, *Danish Antiquities*, vol. I, Copenhagen, 1948.

Стар-Карр: J. G. D. Clark, *Excavations at Star Carr*, Cambridge 1954.

Дома: К. Andersen, *Fra NM Årb.* 1951.

Поселения в Клостерлунде и на р. Гудено: Th. Mathiassen, *Årb.* 1937.

Общая литература: Th. Mathiassen, *Stenaldersbopladsen i Åmosen*, 1943, и *Dyrholmen*, 1942. E. Westerby, *Stenaldersbopladsen ved Klampenborg*, 1927.

Микролит на древке: М. Petersson, *Meddelanden från Lunds universitets historiska museum*, 1951.

Рыбачья сеть: М. Petersson, *ibid.*, 1952.

НЕОЛИТ

Артефакты: P. V. Glob, *Danish Antiquities*, vol. II, Copenhagen 1952.

Начало неолита: С. J. Becker, *Årb.* 1947 и 1954. J. Troels-Smith, *Årb.* 1953.

Находки из дюссе: К. Thorvildsen, *Årb.* 1941.

Гренхей: К. Thorvildsen, *Årb.* 1946.

Туструп: Р. Кжæрум, *Kuml*, 1955.

Культура одиночных погребений: P. V. Glob, *Studier i den jyske Enkeltgravkultur*, 1944.

Бундсе: Th. Mathiassen, *Årb.* 1939.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Артефакты: Н. С. Broholm, *Danish Antiquities*, vols. III–IV, Copenhagen, 1952–1953.

Находки опубликованы в кн.: Н. С. Broholm, *Danmarks Bronzealder*, vols. I–IV, Copenhagen 1943–1949.

Общая литература: Н. С. Broholm, W. P. Larsen, G. Skjerne, *The Lures of the Bronze Age*, Copenhagen

1949. Н. С. Broholm, Margrethe Hald, *Costumes of the Bronze Age of Denmark*, Copenhagen 1940.

Птичьи крылья в урновом погребении: Н. Win-ge, *Vidensk. Medd. fra den naturhist. Forening i København*, 1904.

Шлемы из Вихе: Н. Norling-Christensen, *Acta Arch.* XVII, 1946.

Находка из Нестведа: Н. С. Broholm, *Årb.* 1954.

ДОРИМСКИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

О. Klindt-Jensen, *Bronzekedelen fra Brå*, Århus 1953, и *Foreign influences in Denmark's Early Iron Age*, *Acta Arch.* XX, 1949. С. J. Becker, *Acta Arch.* XIX, 1948. G. Rosenberg, *Hjortspring fundet*, 1937.

Дом в Гердинге: Н. Andersen, *Kuml*, 1951. E. Albrechtsen, *Fynske jernaldergrave I*, 1954.

Ткани железного века: М. Hald, *Olddanske Textiler*, 1950.

Плуги: P. V. Glob, *Ard og Plov*, Århus 1951.

Две британские монеты: R. Thomsen, *Fra NM Årb.* 1953.

РИМСКИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

О. Klindt-Jensen, *Foreign influences* (см. выше). Н. Norling-Christensen, *Katalog over Ældre Romersk Jernalders Grave i Århus Amt*, Copenhagen 1954 и *Acta Arch.* XIX, 1948. J. Werner, *Die beiden zierscheiben des Thorsberger Moorfundes*, 1941. J. Brøndsted, *Guldbornene*, 1954. О. Voss и М. Ørsnes-Christensen, *Acta Arch.* XIX, 1948.

Иллюзии: Н. Andersen, *Kuml*, 1951. E. Albrechtsen, *Fynske Jernaldergrave II*, 1956, и *Årb.* 1946.

Общая литература о римском импорте: Н. J. Eggers, *Der römische Import im freien Germanien*, 1951.

•

ТЕМНЫЕ ВЕКА

М. Mackeprang, *De nordiske Guldbrakteater*, Århus 1952. О. Klindt-Jensen, *Bornholm i folkevandringstiden*, Copenhagen 1957.

Последние клады: О. Voss, *Acta Arch.* XXV, 1954. Е. Munksgård, *Acta Arch.* XXVI, 1955. Н. Norling-Christensen, *Viking* XIII, 1949.

Кладбище в Кюндбю: М. Ørsnes-Christensen, *Acta Arch.* XXVI, 1955.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

Th. Mathiassen, *Studier over Vestjyllands Oldtidsbebyggelse*, 1948. Р. V. Glob, *Danske Oldtidsminder*, 1948.

ДАНЕФЕ

С. Müller, *Nationalmuseet*, 1907. V. Nielsen, *Juristen*, 1950.

Указатель

- Австрия 91, 121
Аллинге 216
Альпы 158
Альс, о. 65, 71, 75, 103, 136, 208, 210, 215
Аляска 30
Амагер 49
Англия 36, 39, 190, 191, 192
Аренсбург 29
- Балтийское море 55, 121, 129, 161, 162
Баркер 61, 62, 71, 211
Бейбьёрг 211
Билдсё 206
Ближний Восток 92, 95, 105
Блоксбьёрг 48, 49
Бломмескоббел 75, 211, 215
Богемия 160
Бодильскер 215
Борнхольм, о. 22, 46, 84, 124, 130, 131, 151,
169, 180, 186, 196, 198, 199, 210, 213, 215,
216, 221
Борремозе 139, 144, 211, 224
Борум Эсхей 102, 211
Брангstrup 175
Британские острова 18, 152
Брно 139
Бро 138, 223
Бродденбьёрг 126
Бромме 25, 28, 29, 40, 211
Бросков 139

- Брохольм 223, 279
Бундсё 71, 72, 73, 74
Бундсен 119
Бюгхольм 87
- Вальсوماгле 93, 94
Вальсърде 192
Ведбек 49
Везер, р. 161
Великобритания 4
Венгрия 94, 176, 189, 190
Вендель 192
Вендсюссель 156, 157
Виборг 126, 224
Виг 35
Видегорден 112
Вимозе 172, 211, 221
Висла, р. 157, 161
Вихё 117, 124
Ворслёв 147, 148
Восточная Европа 95
Восточная Зеландия 66
Восточная Римская империя 188, 190
Восточная Скандинавия 84
Восточная Ютландия 22, 49, 56, 61, 68, 75, 84,
100, 102, 138, 166, 168
- Галлехус 192
Галлия 175
Галстед 195
Гальштат 121
Гамбург 29
Гамлеборг 211
Германия 8, 53, 142
Гёрдинг 153
Гиндеруп 180
Голштиния 30
Готланд, о. 154, 196
Готторп 178
Граубалле 223

- Гревенс Венге 123
 Гренландия 67
 Грёнхей 78, 79
 Греция 94
 Гронхей
 Грюэт 215
 Гудено, р. 46
 Гуммерсмарк 196
 Гундеструп 144, 145, 147, 211
- Дальсхей 180, 182, 203
 Дания 4, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 19, 22, 23, 28, 29
 Дейбьерг 140, 156, 221
 Деструп 148
 Джармо 53
 Доггер-банка 39
 Доллеруп 166
 Доннеруплунд 148, 149
 Дунай, р. 159, 171, 172, 177
 Дьюрсланн 62
 Дюрхольмен 49, 56
- Европа 6, 15, 18, 53, 55, 88, 91, 92, 117, 157, 177,
 187, 189, 191, 196
 Египет 105, 207
- Западная Европа 52, 81, 82, 89, 91, 116, 130, 138,
 157, 201
 Западная Зеландия 25, 47, 53, 95, 206
 Западная Римская империя 188
 Западная Ютландия 22, 102, 140, 154, 180
 Западный Шлезвиг 154
 Зеландия, о. 55, 66, 93, 151, 174, 180, 196, 205,
 208, 210, 216
- Иллеруп 172
 Ирландия 196
 Исландия 104
 Италия 121, 158, 167, 175, 196

Йегерсприс 211, 216
Йеллинге 165, 166, 222
Йоркшир 39

Капуя 158
Каспийское море 53
Кивик 110, 111
Клеккендехёй 211
Кластерлунд 27, 36, 38, 40, 42
Кнебел 75, 211
Кобленц 171
Конгедюссен 211, 215
Конгемозе 47
Константинополь 188
Копенгаген 17, 48, 108, 112, 210, 215
Корнуолл 91
Крагхед 141, 153, 156, 157, 211
Крит 105
Кюндбю 205, 206

Лавинсгорд 116
Лангеланн, о. 71, 208, 210
Ланго 141, 156, 158
Лимфьорд 66, 83
Линд 224
Лише, р. 161
Лолланн, о. 162, 165, 208, 210
Лоусгорд 192, 198
Луисенлунд 215
Лундбю 42
Люнгбю 29, 30, 112

Магдебург 53
Маглемозе 41, 42, 68
Мадсебакке 211, 216
Майн, р. 171
Майнц 163
Маннхёй 131, 132, 133, 134, 135
Марибо 210
Мёен, о. 119, 208, 210

Митгерберг 91
Моравия 139
Муллебьёрг 53, 102
Моммарк 75
Мюллеруп 41

Некар, р. 161
Нествед 123
Норвегия 154
Нюдам 172, 177, 209, 211

Оденсе 210, 223
Одер, р. 161
Оксбёле 198
Олескоббел 65, 211, 215
Ольборг 210, 224
Омосен 42, 55, 67
Орре 131
Орс 210, 224
Орслёв 176, 177
Орхус 14, 75, 77, 210, 215, 223

Палестина 207
Паннония 168
Пиннеберг 28
Познань 157
Польша 28
Посекер-стенхус 75, 215

Рандерс 224
Регенсбург 171
Рейн, р. 159, 171
Рёinne 210, 224
Римская империя 97, 158, 159, 160, 161, 171, 174,
177, 188, 190
Ринкёбинг 210, 224
Рислёв 202
Россия 195
Рудкёбинг 210, 224

- Саксония 83
Сандвиг 216
Сардиния, о. 117
Сатгон-Ху 192
Свердборг 41, 42, 46
Северная Америка 57
Северная Германия 29
Северная Европа 6, 7, 8, 97, 134, 188, 189, 191
Северная Зеландия 49, 139
Северная Скандинавия 104
Северная Ютландия 29, 66, 123, 126, 139, 141,
144, 150, 153, 156, 157, 180
Северное море 39, 66, 162, 190, 191
Северо-Западная Германия 28, 190
Северо-Западная Европа 152
Северо-Западная Зеландия 35, 75, 106, 215
Сёндеборг 224
Силезия 157
Силкеборг 224
Сирия 207
Скандинавия, п-ов 4, 52, 85, 87, 130, 143, 147, 161,
170, 188, 189, 190, 207
Скания 67, 110
Скарборо 36
Сковгордслунден 215
Сконе, п-ов 41
Скрюдstrup 101, 211
Смёрумовре 108
Сорте Мульд 203
Средиземноморье 8, 91, 130
Средняя Азия 53, 92
Средняя Ютландия 36, 38
Стар-Карр 36, 39
Страннегорд 61
Стуре Валбю 55
- Тендер 193
Тибирке 139
Тисвеллелёйе 215
Тистед 224

- Токкекёб-хегн 215
Толлунд 211
Торсбьерг 172, 174, 175, 179
Тофтинг 154, 181
Триннхёй 102
Троллебьерг 71, 72, 81, 211, 224
Трундхольм 106, 211
Туструп 76
Тюрингия 83, 97
- Улдалъ 131
Улькеструп 32
- Фальстер, о. 208, 210
Фарерские острова 104
Фемё 220
Финляндия 59
Фордалъ 123
Франкфурт-на-Майне 171
Франция 91, 190
Фрисландия 190
Фьянд 180, 181, 185, 186
Фюн, о. 46, 116, 131, 141, 156, 176, 180, 208, 210
- Хавнелёв 60
Хадерслёв 210, 224
Хильдесхайм 163
Химлингёйе 211
Хиндгавл 223
Хиннсгавл
Хобю 162, 163, 164, 166, 211, 221
Холмегорд 34, 35, 42
Хорсенс 78
Хьёрринг 210, 223
Хьёртспринг 103, 136, 137, 178, 209, 211
- Центральная Германия 81, 167, 202
Центральная Зеландия 117
Центральная Европа 52, 89, 91, 95, 108, 116, 117,
122, 130, 138, 157, 177, 188, 189, 201
Центральная Скандинавия 125

Черное море 58

Швейцария 53

Швеция 196

Шлезвиг 178

Штелльмоор 28, 30

Эггвед 100, 211

Эланд, о. 154

Эльба, р. 161

Эльбрус 53

Эртебёлле 66, 67, 68, 186

Эстермарие 215

Южная Европа 207

Южная Зеландия 60, 123, 202

Южная Италия 158

Южная Россия 57, 177, 188, 202

Южная Сибирь 202

Южная Скандинавия 125

Южная Швеция 110, 170

Южная Ютландия 59, 101, 131, 165, 190, 193, 195

Юлианехёй 216, 221

Ютландия 22, 25, 39, 46, 68, 78, 82, 83, 99, 131,
147, 148, 151, 158, 161, 180, 182, 185, 186, 208,
210, 213, 220

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Пояснения к иллюстрациям

1. *Й. Й. А. Ворсо* (рисунок А. Йерндорф).
2. *Софус Мюллер* (набросок П. С. Кройера).
3. *К. Й. Томсен показывает публике Древне-скандинавский музей*. В его руках — одно из больших золотых колец из Брохольма, Южный Фюн (рисунок Магнуса Петерсена, 1846).
4. *Топор из оленьего рога (поздний палеолит) из окрестностей Оденсе (на оленьей шкуре)*.
5. *Резные предметы периода маглемозе*. Вверху слева: янтарный медведь из Резена, Центральная Ютландия. В центре: два костяных острия из Тророда и Слангерупа, к северу от Копенгагена, и янтарный лось из Эгемарке, Западная Зеландия. Внизу: декорированные кости из Рюемаркгорда, Зеландия. Справа: наконечник гарпуна из болота в Лойесмолле, Зеландия.
6. *Вид с мезолитической стоянки в Хестеклевене около Орсдале, Борнхольм*. Сосны здесь, вероятно, растут с каменного века.
7. *Разрез раковинной кучи в Эртебелле, Северная Ютландия; фотография раскопок, проводившихся около 1900 г.*

8. *Неолитическая подсечная система земледелия.* Современный пример подсечного метода расчистки лиственного леса около Драведа, Южная Ютландия.
9. *Неолитический топор.* Кремневый топор с заостренным обухом в стволе дуба, поваленного этим каменным орудием (это заняло около часа). Рукоять является современной копией.
- 10, 11. *Ландшафт с дюссе* Вилстед, Зеландия.
12. *Земляное захоронение раннего неолита.* Погребение в Форуме, Западная Ютландия. Скелет не сохранился.
13. *Находки из захоронения раннего неолита.* Сосуды и навершие жезла из захоронения под могильным курганом в Товструпе около Рингкёбинга, Западная Ютландия.
14. *Керамика из святилища эпохи неолита.* Посуда из сакрального сооружения в Туструп, Восточная Ютландия.
15. *Посуда периода среднего неолита:* подвесной горшок, черпак, большой биконический и цилиндрический сосуды. Все принадлежат к мегалитической культуре, за исключением цилиндрического сосуда, который был найден в погребении с коридором около Хагеброгорда, Ютландия.
16. *Два трепанированных черепа из мегалитических гробниц.* На ближайшем черепе (Нес, Фальстер) видна зажившая рана.
17. *Неолитические святилища.* Вид сакрального сооружения в Туструп, Восточная Ют-

- ландия. Большие камни установлены археологами.
18. *Череп человека, убитого стрелами.* Острие стрелы пронзило ему нос. Из Пормозе около Нестведа, Южная Зеландия.
 19. *Погребение с коридором (средний неолит) в лесу Фрейлев, Лолланн.*
 20. *Внутренний вид типичного датского погребения с коридором.* Слева — вход.
 21. *Вид на курганы (культура одиночных погребений) в Алминде, Центральная Ютландия.*
 22. *Женское захоронение (культура одиночных погребений).* Рядом с головой женщины можно разглядеть ее янтарные бусы. Около Торупгорде, Алслев, Западная Ютландия (нижнее захоронение).
 23. *Керамика и боевые топоры.* Типы этих предметов характерны для культуры одиночных погребений. Кубок и боевой топор (слева) из Мебьерггорда, Восточная Ютландия (нижнее захоронение); (центр) из Слауггорда вблизи Ворбассе, Восточная Ютландия (нижнее погребение); (справа) из Эстбирка около Хорсенса, Восточная Ютландия (верхнее погребение), примерно.
 24. *Сосуд, выполненный в форме человеческого лица (схематично прорисованы глаза, нос и брови).* Мегалитическая культура (погребения с коридором); Свине (приход Кенг).
 25. *Кремневый кинжал из Хиндсгавла.* Поздний неолит.

26. *Бронзовые предметы и их кремневые имитации (ранний бронзовый век)*. Слева: привозной бронзовый кинжал из Ютландии рядом с датской кремневой копией. Справа: бронзовый рубящий меч из Западной Зеландии и его датская кремневая имитация из Фаурскова, Фюн.
27. *Бронзовые мечи и кинжалы (ранний бронзовый век)*. Слева направо: венгерский меч (из Торупгорда, о. Лолланн) и датский меч (из Вальсомагле, о. Зеландия), оба относятся к началу бронзового века. Датский кинжал из Гьедстеда, Центральная Ютландия (период II); меч из Эйсинга, Западная Ютландия, кинжал из Брума, Центральная Ютландия (период III).
28. *Находки, связанные с литьем*. Орудия литья и остатки бронзовой отливки (вверху слева) и тигель (вверху справа).
29. *Ряд курганов бронзового века, Северная Зеландия*.
30. *Могильный холм, предположительно, бронзового века. Хейбю, Северо-Западная Зеландия*.
31. *Гроб из Скрюдструпа, обнаруженный внутри могильного холма в процессе раскопок (ранний бронзовый век)*.
32. *Захоронение в Эгтведе (ранний бронзовый век)*. Эгтведский гроб, раскрытый в лаборатории.
33. *Одеяния, обнаруженные в Борум Эсхей и Эгтведе*. Слева: мужская одежда из Борум Эсхей, Восточная Ютландия. Справа:

- ва: женская одежда из Эгтведа, Восточная Ютландия.
34. *Бронзовые и золотые броши*. Слева направо: часть броши с о. Борнхольм (период III); бронзовые броши II и III периодов. Вверху: бронзовая брошь IV периода.
 35. *Оружие и украшения (бронзовый век)*. Украшения. Вверху: часть лангstrupского поясного украшения (период II); центр: богато декорированный бронзовый топор (период I). Внизу: часть наконечника копья из Вальсемагле (период I).
 36. *Трундхольмская солярная колесница, Северо-Западная Зеландия*.
 37. *Женские украшения (поздняя бронза)*. Из крупного клада, найденного в Регерупе, Северная Зеландия (период IV). Два шейных обруча, три булавки и витое украшение.
 38. *Бронзовые поясные коробочки (бронзовый век)*. Справа: период IV. В середине и слева: период V.
 39. *Привозные предметы бронзового века*. В центре: один из двух шлемов из Вихё, о. Зеландия. Внизу слева: меч с «антенной». Сзади: бронзовый щит.
 40. *Часть раскопа в Маннхёй, о. Борнхольм*. Разрез могильного холма с остатками дома мертвых (ср. илл. 42 и рис. 16).
 41. *Гробница в середине могильного холма с обугленными в результате кремации костями и мечом. Средний бронзовый век*.
 42. *Остатки дома мертвых в Маннхёй*.

43. *Урна конца бронзового века в разрезе одного из курганов в Маннхёй.*
44. *Лур из Брудевелте, Северная Зеландия, период V.*
45. *Декорированная бронзовая бритва с узором в виде корабля и мелкими украшениями.*
46. *Голова человека из Толлунда.*
47. *Деревянная статуэтка мужчины из Бродденбьёрга, Северная Ютландия.*
48. *Совиная голова на котле из Бро, Восточная Ютландия.*
49. *Модель хьёртспрингской ладьи.*
50. *Посуда из погребения в Энекротене, о. Борнхольм. Начало римского железного века.*
51. *Датский шейный обруч с кельтским узором triskele из Гаммельборга, о. Мёен. Доримский железный век.*
52. *Вид дороги в Тибирке, Северная Зеландия. Доримский железный век.*
53. *Раскопки дороги в Броскове, Южная Зеландия. Римский железный век.*
54. *Внутренняя часть гундеструпского котла. Доримский железный век.*
55. *Котел из Гундеструпа.*
56. *Захоронение с керамической утварью. Погребение на кладбище в Бульбьерге, Восточная Ютландия. Римский железный век.*
57. *Женское захоронение в Юэллинге. Фрагмент женского скелета в одном из богатых захоронений в Юэллинге, о. Лолланн. Можно видеть серебряные булавки с золотой*

- зернью. В руке (с золотым кольцом на пальце) женщина держит римское сито. Три броши лежат на плечах и груди.
58. *Рога и чаши для питья из доллерупского парного захоронения* (рога представлены имитациями).
59. *Блюдо, серебряные чаши и кувшин из погребения в Хобю*. Два серебряных бокала, бронзовая ваза и большой бронзовый диск.
60. *Позднеримские стеклянные предметы из Хиллингёйе, Зеландия (в центре и справа) и стеклянная ваза периода Темных веков (слева)*.
61. *Наконечники копий, гребень и прочие предметы из иллерупского болотного клада, Восточная Ютландия*.
62. *Ткацкие гири из дома II, Сорте Мульд, Борнхольм, лежащие в ряд так же, как висели*.
63. *Крепость на холме в Гамлеборге, о. Борнхольм*.
64. *Погребение в Донбеке, Северная Ютландия. Темные века*.
65. *Два золотых шейных обруча со штампованным узором, и золотой брактеат (тип С)*.
66. *Деревянная скульптура из Руде Эскилдструпа, о. Зеландия*. На фигурке тройное шейное украшение, одно из которых совпадает с изображенным на илл. 67.
67. *Золотой шейный обруч с о. Фальстер*.
68. *Золотые «старики» с о. Борнхольма*.

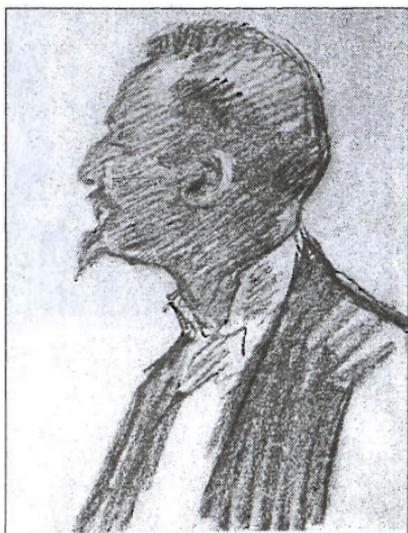
69. *Два золотых рога из Галлехуса, Южная Ютландия. (Примерно).*
70. *Клады из Дальсхей, Борнхольм: семнадцать золотых монет периода поздней Римской империи, серебряная брошь с позолотой и четыре кусочка золота.*
71. *Бронзовое украшение в виде лошади.*
72. *Модель судна из Ньюдама.*
73. *Украшение из Лоусгорда, Борнхольм, периода Темных веков: две птицы со змеями. Гранаты, позолоченная бронза.*

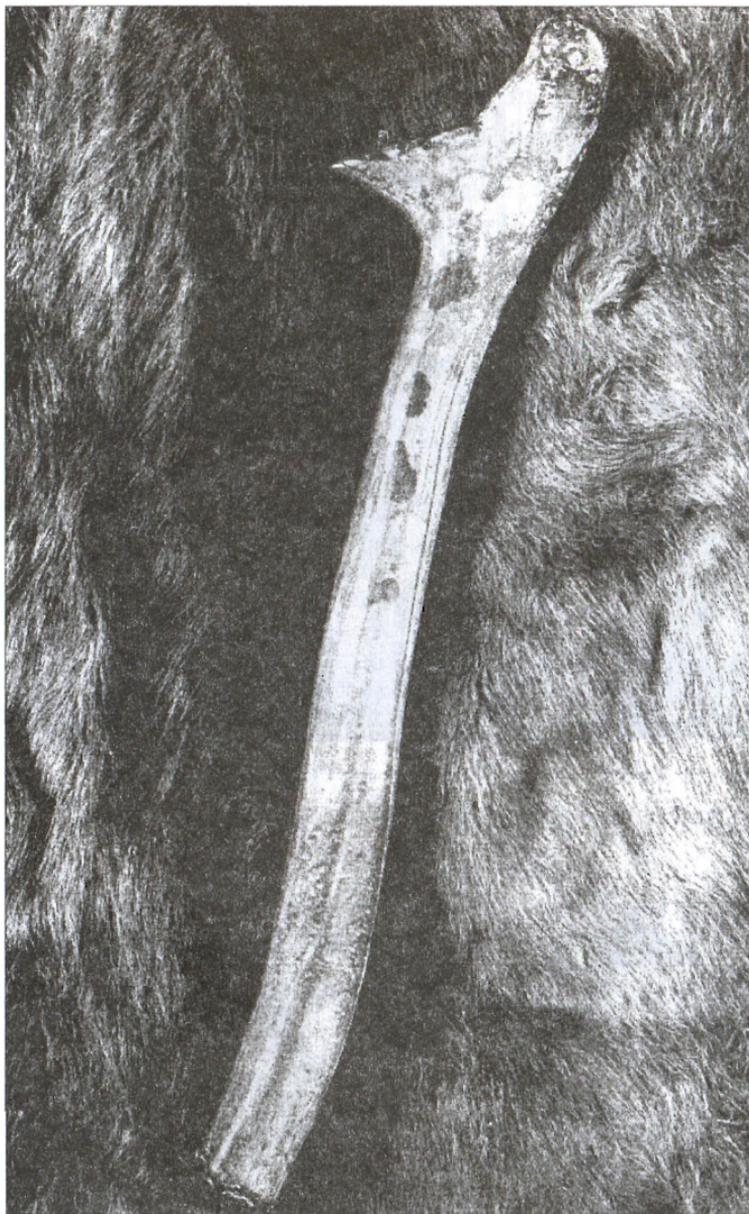
Илл. 1

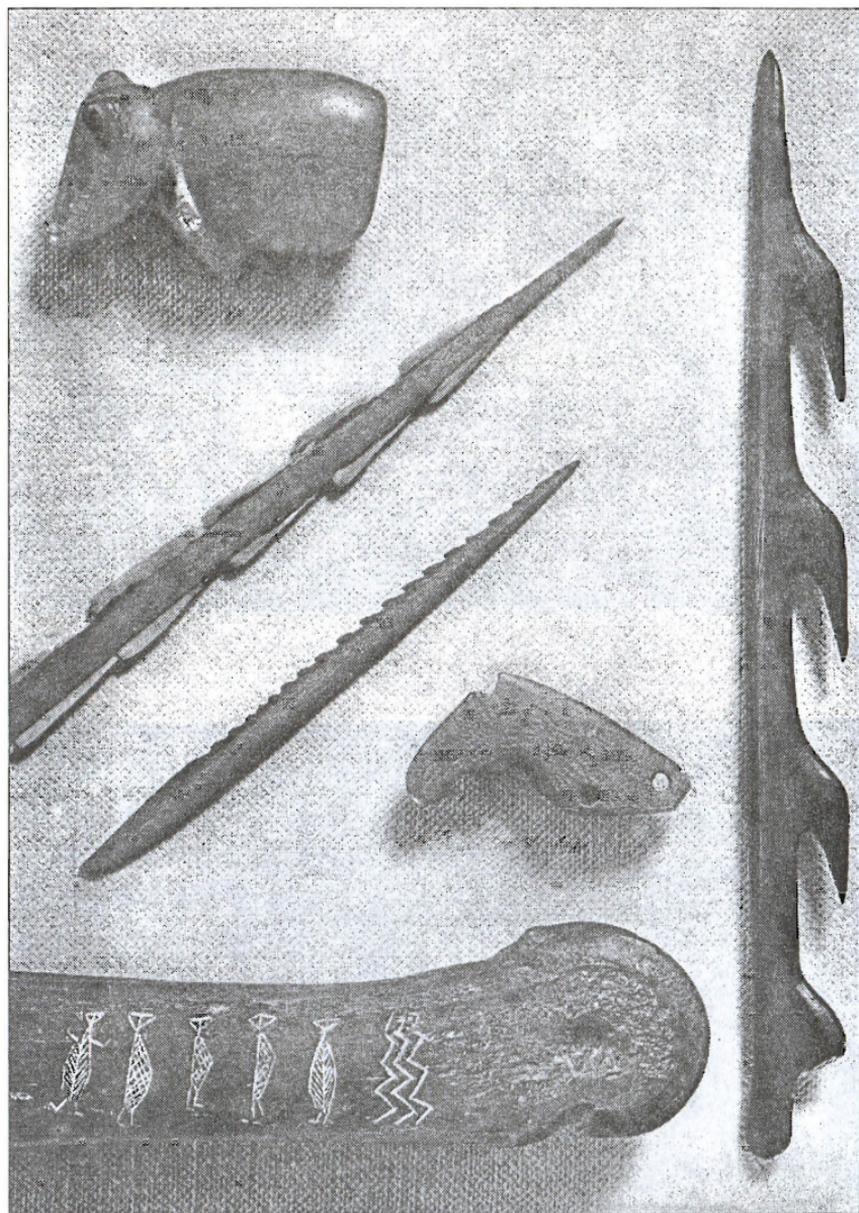
Илл. 2

Илл. 3

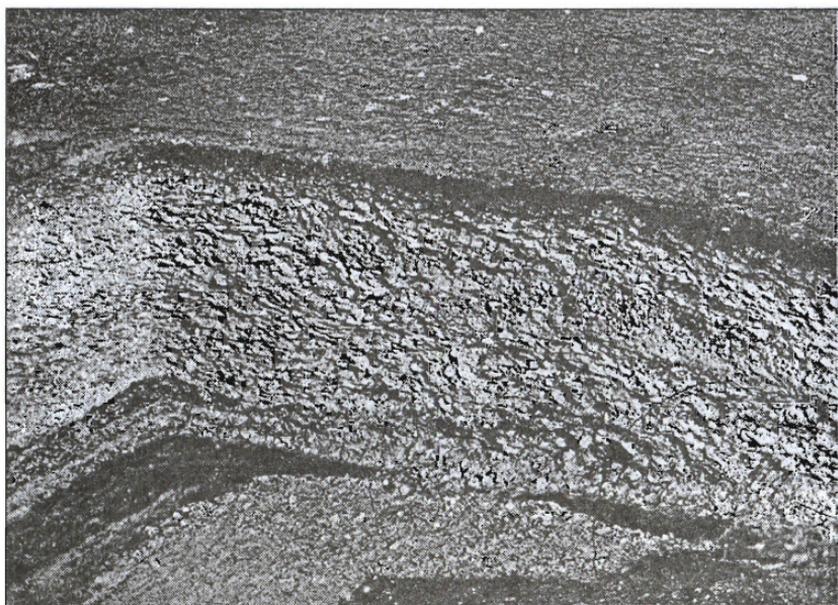
Илл. 4

Илл. 5

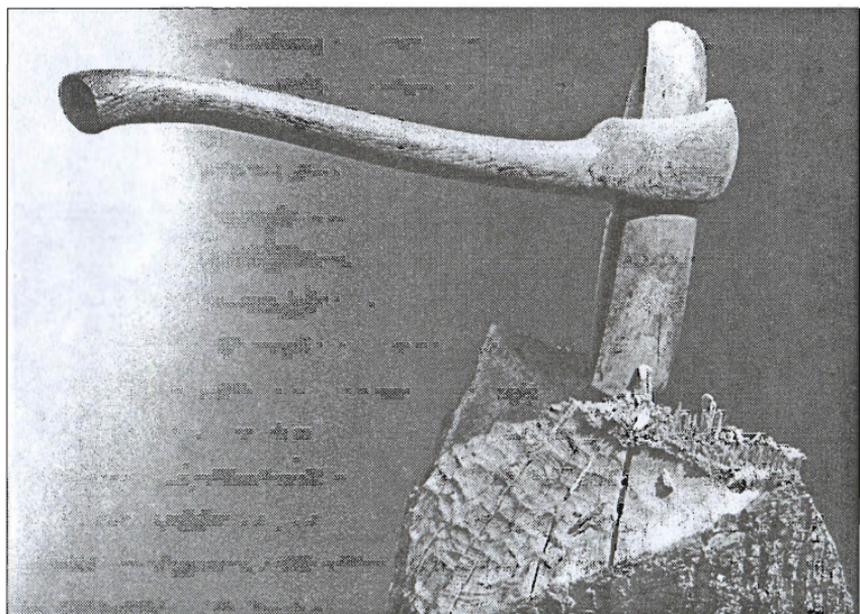
Илл. 6

Илл. 7

Илл. 8

Илл. 9

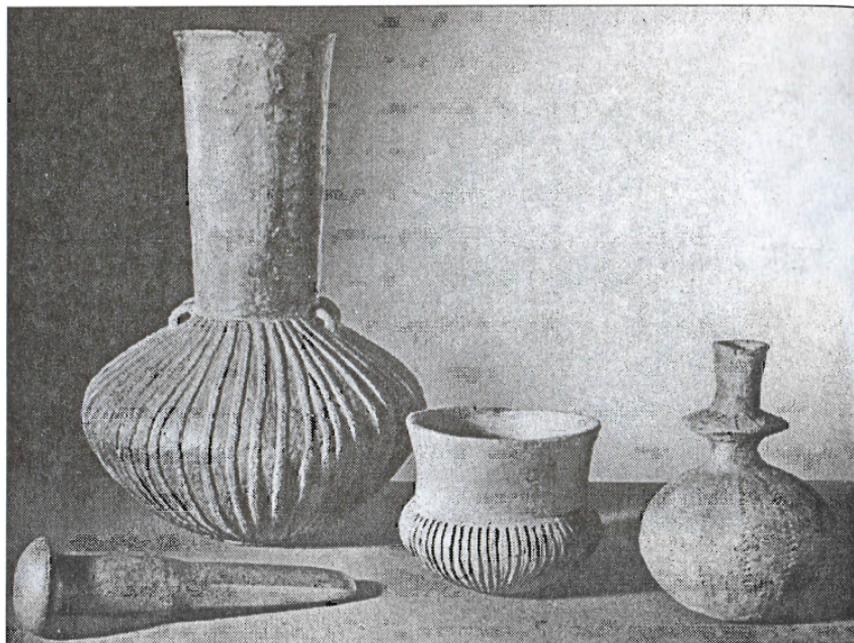
Илл. 10

Илл. 11

Илл. 12

Илл. 13

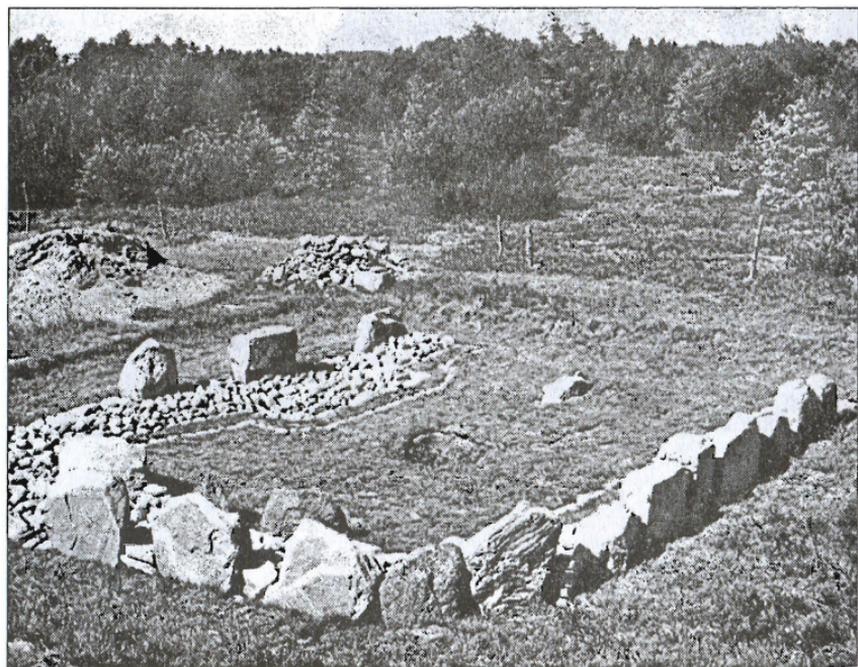
Илл. 14

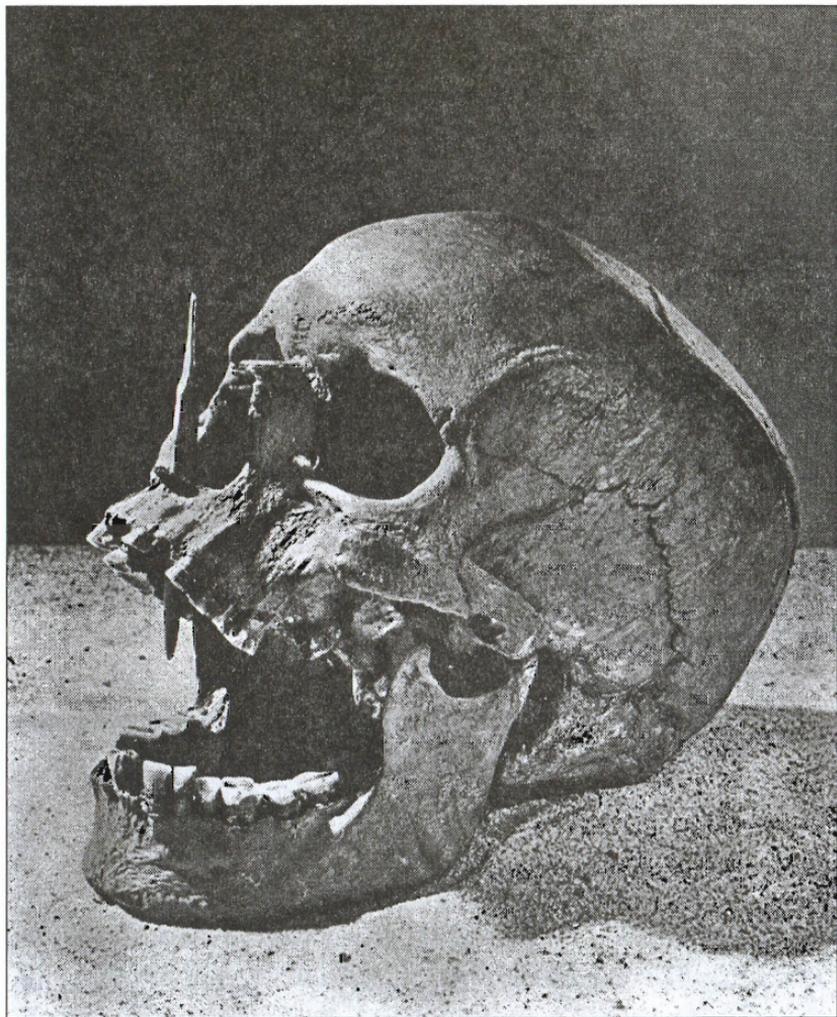
Илл. 15

Илл. 16

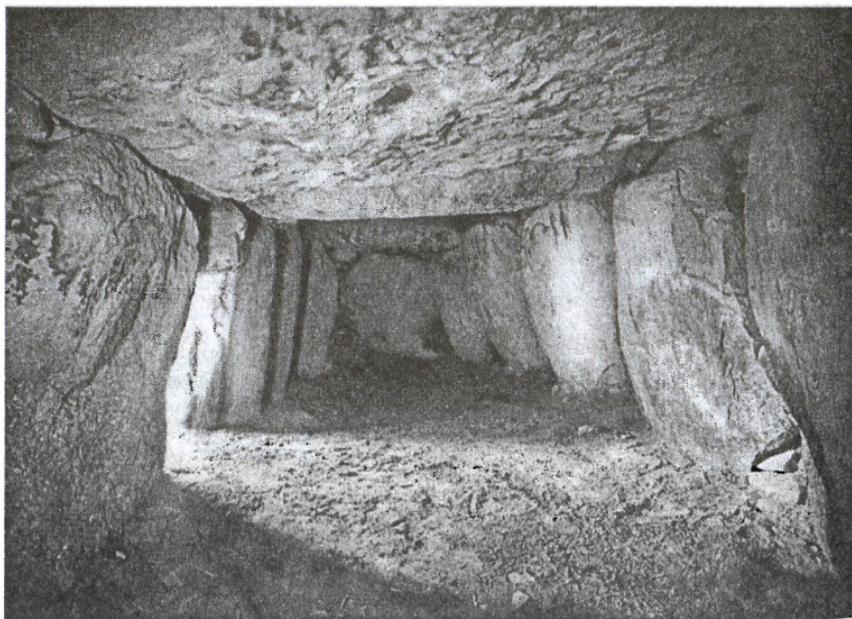
Илл. 17

Илл. 18

Илл. 19

Илл. 20

Илл. 21

Илл. 22

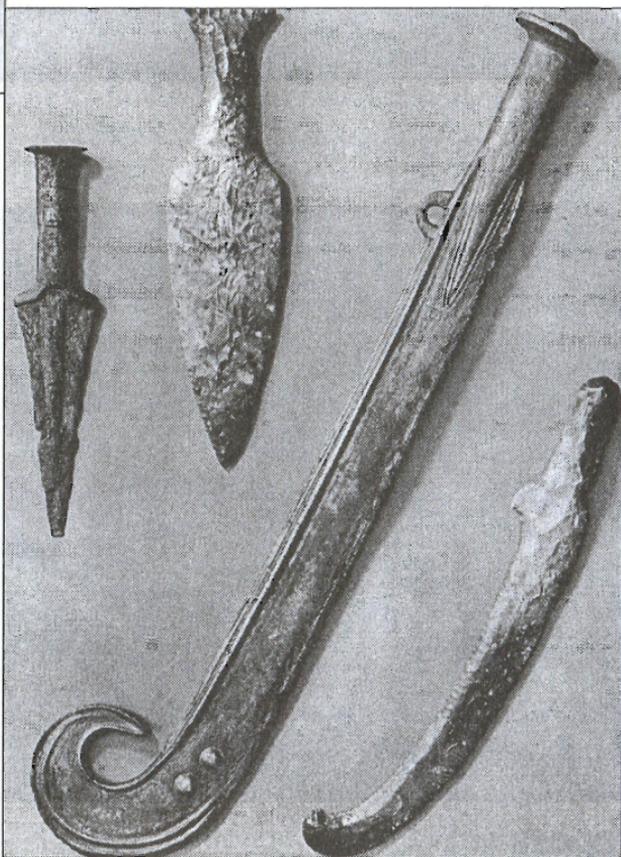
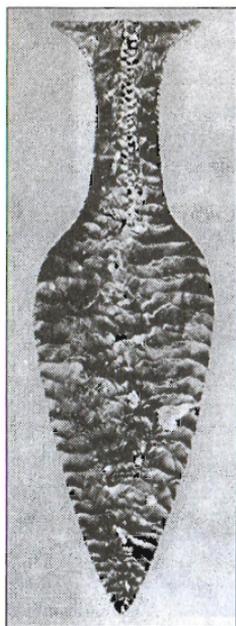

Илл. 23

Илл. 24

Илл. 25

Илл. 26

Илл. 27

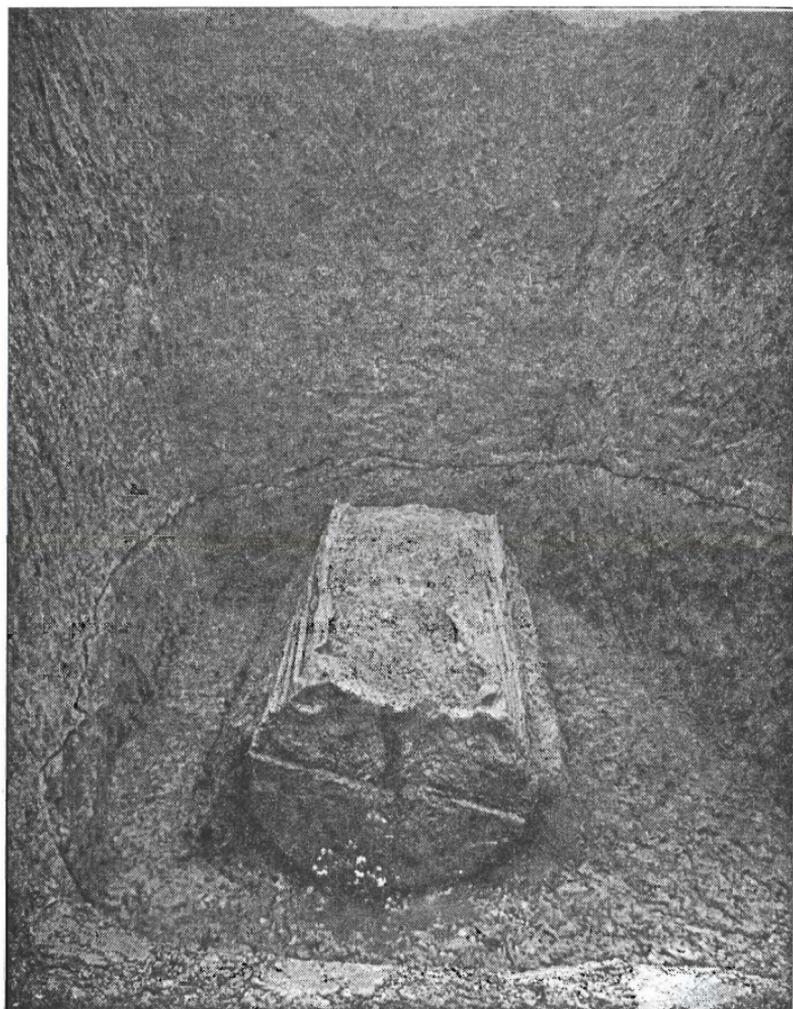
Илл. 28

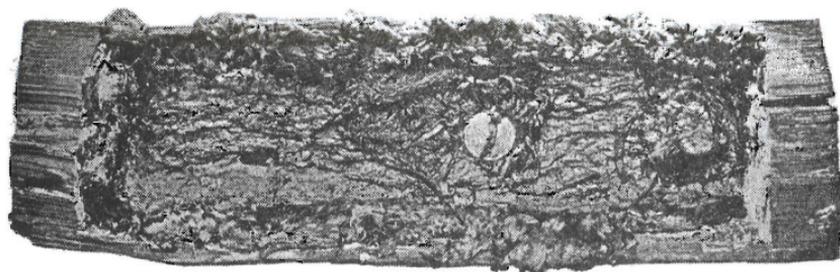
Илл. 29

Илл. 30

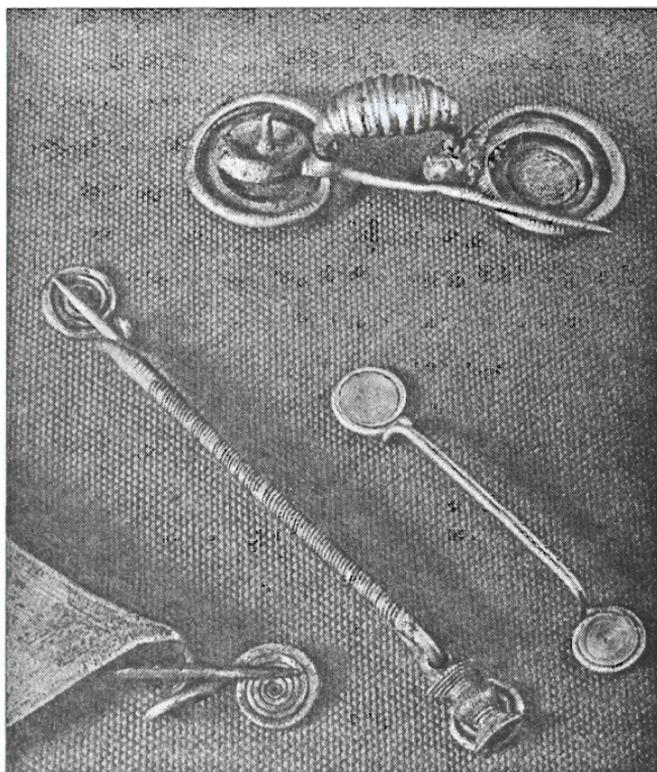
Илл. 31

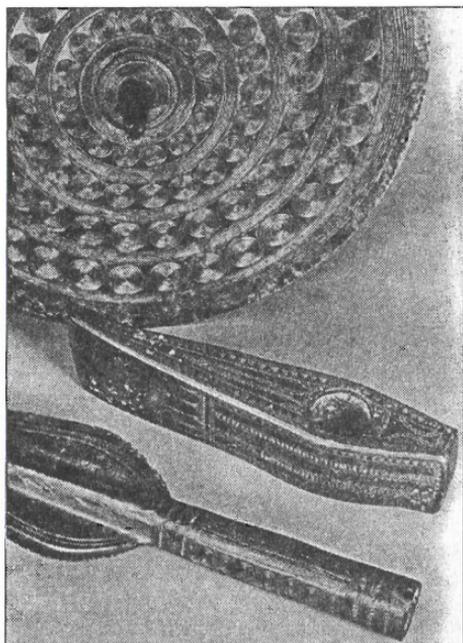
Илл. 32

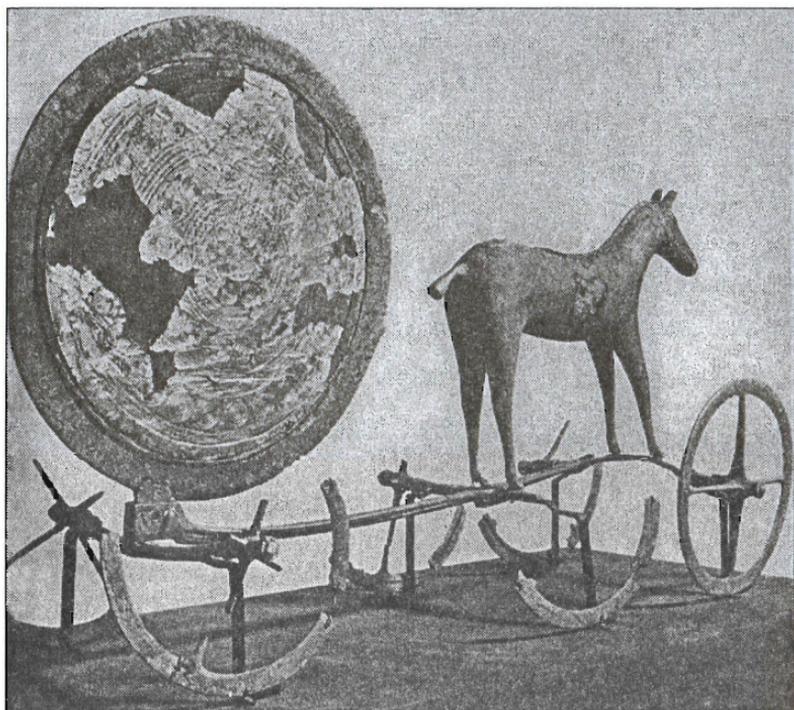
Илл. 33

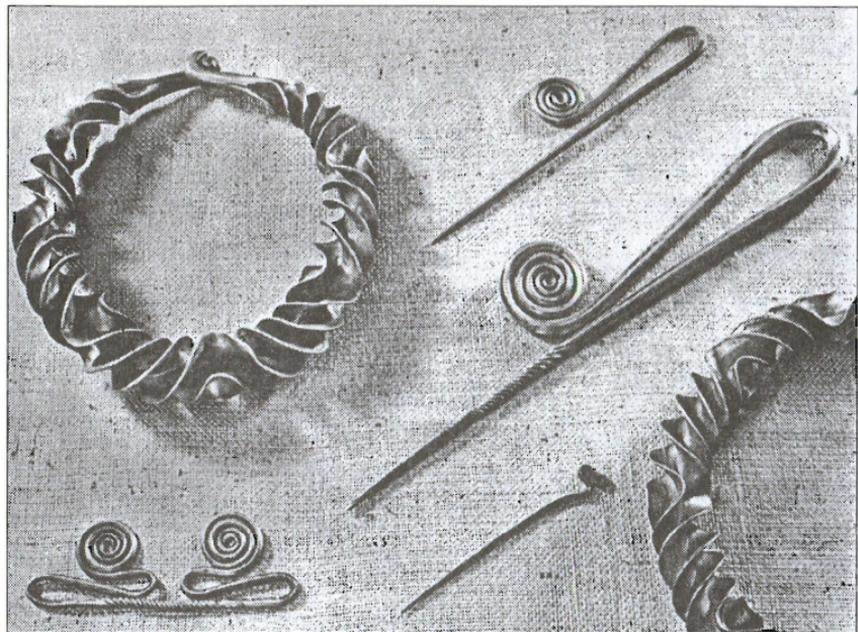
Илл. 34

Илл. 35

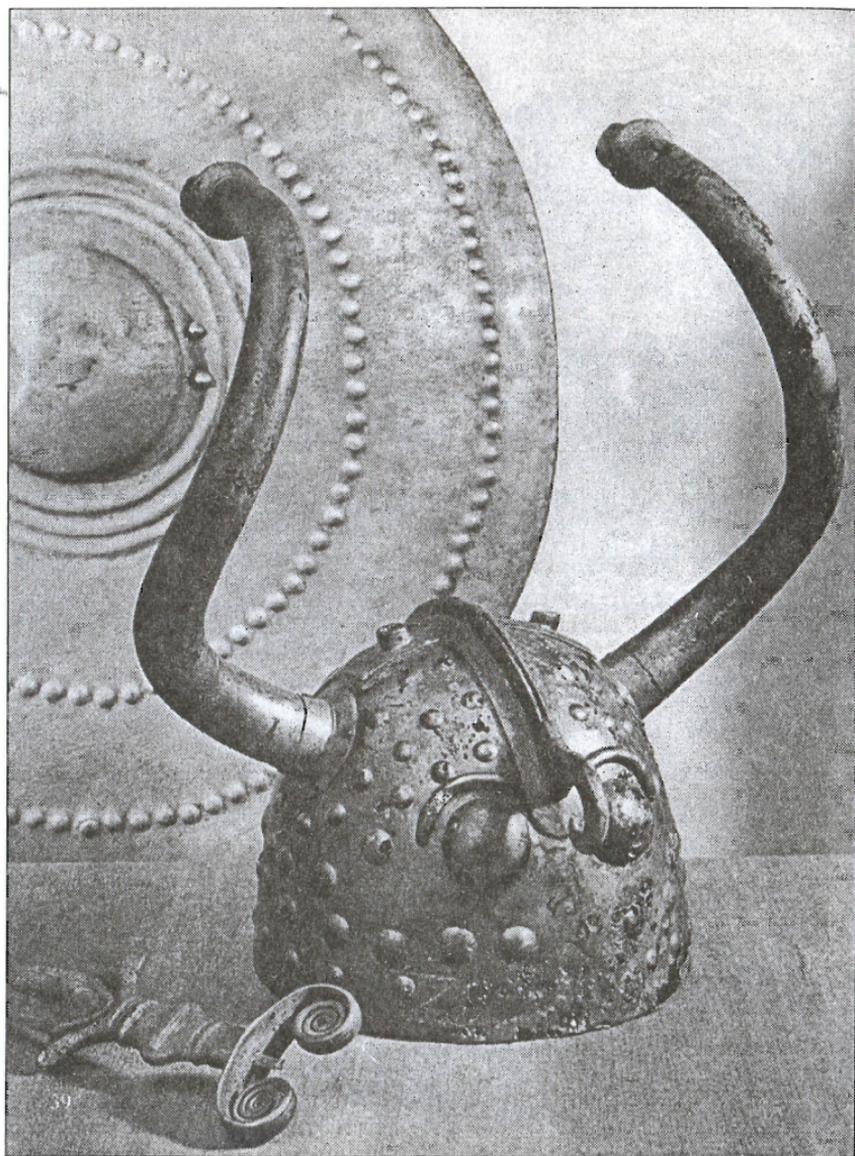
Илл. 36

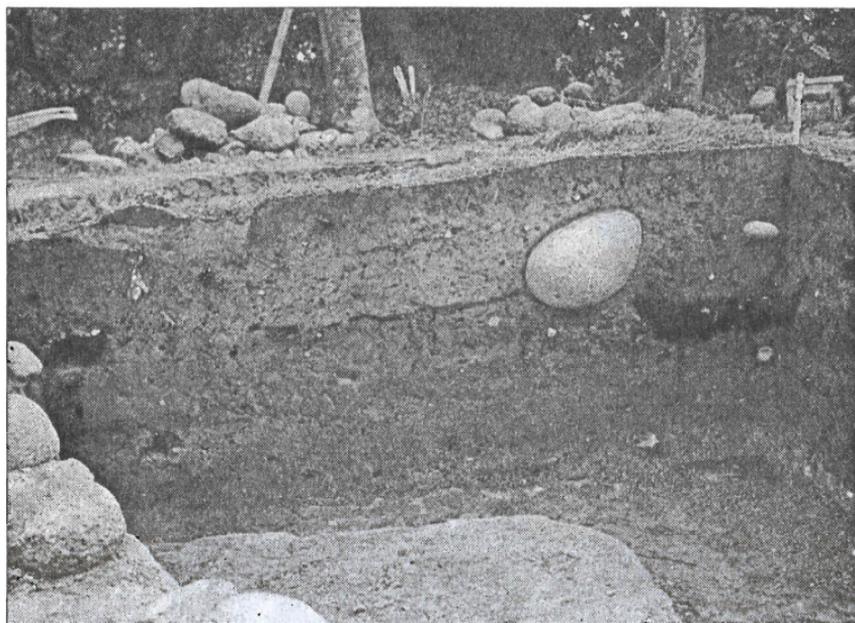
Илл. 37

Илл. 38

Илл. 39

Илл. 40

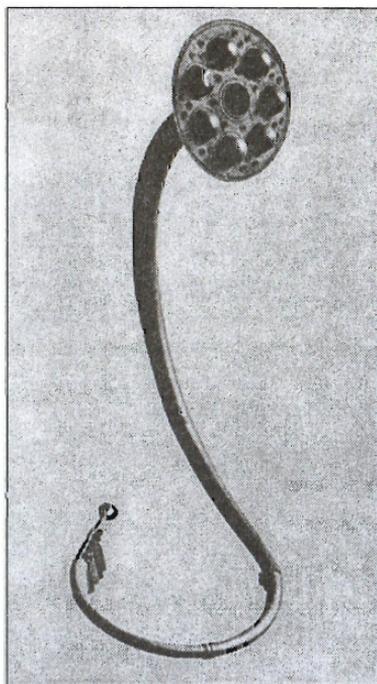
Илл. 41

Илл. 42

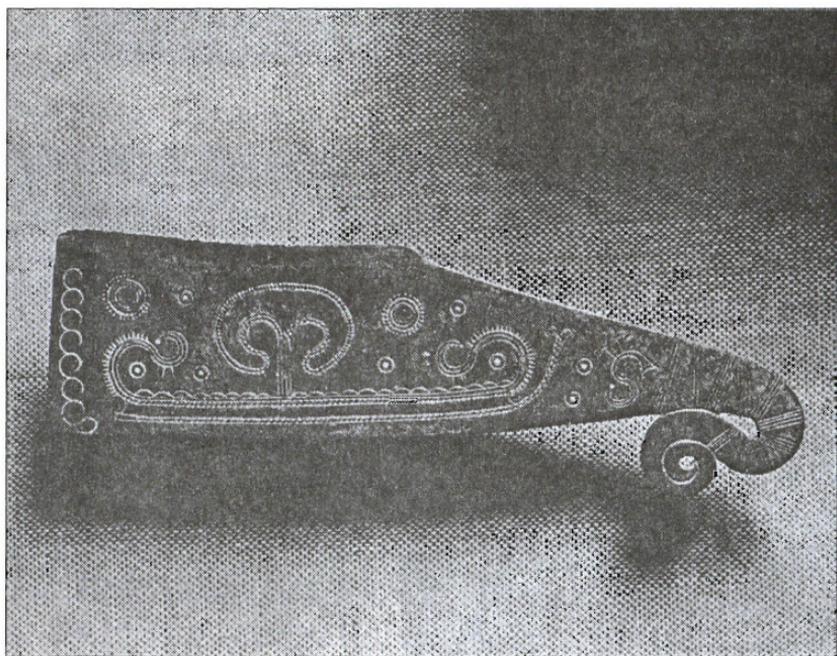

Илл. 43

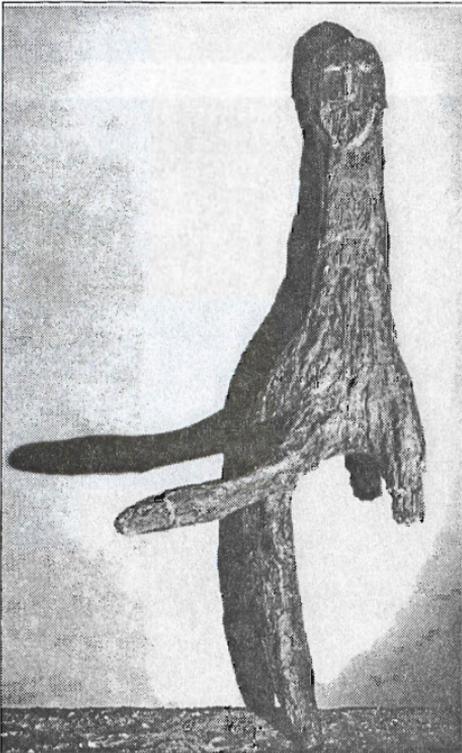
Илл. 44

Илл. 45

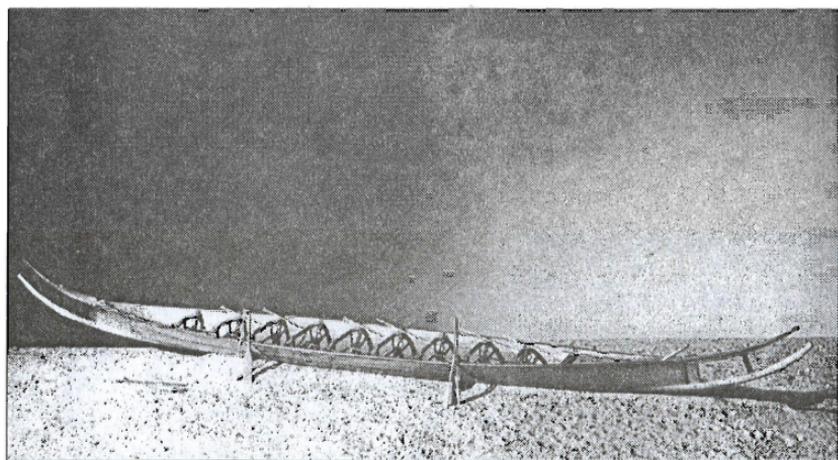
Илл. 46

Илл. 47

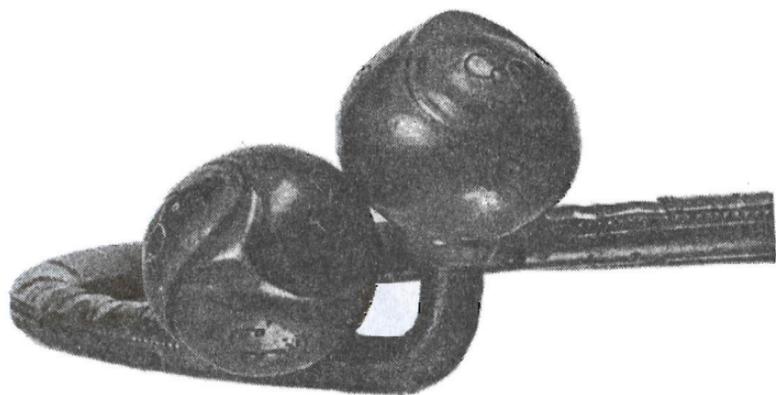
Илл. 48

Илл. 49

Илл. 50

Илл. 51

Илл. 52

Илл. 53

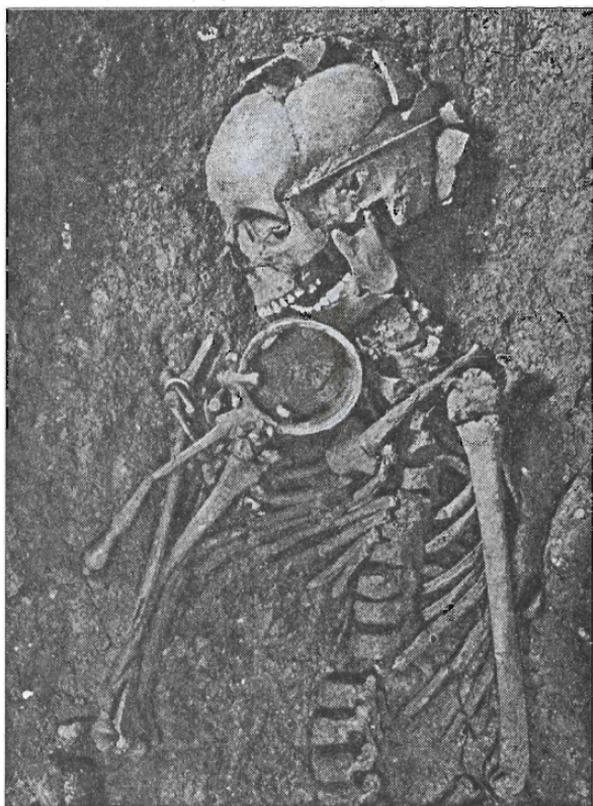
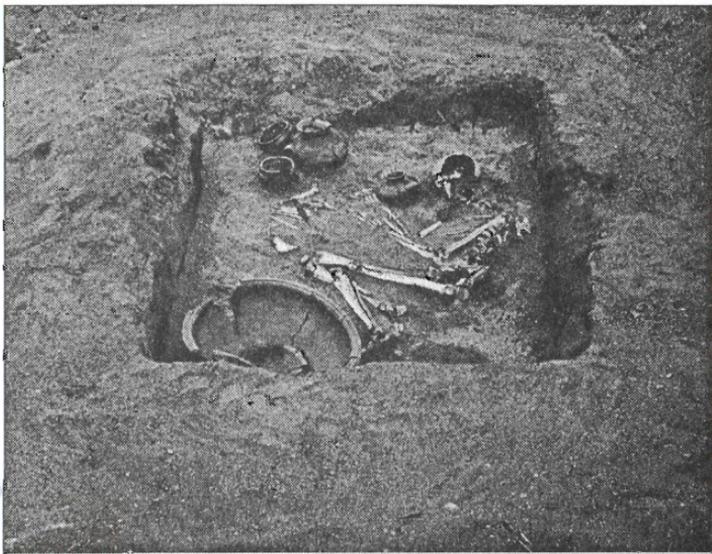

Илл. 54

Илл. 55

Илл. 56

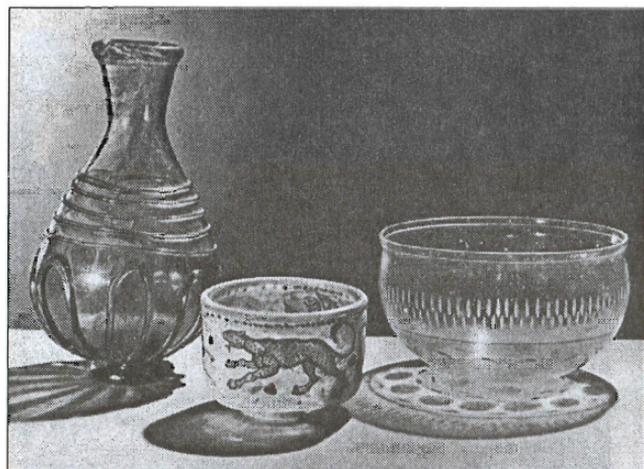
Илл. 57

Илл. 58

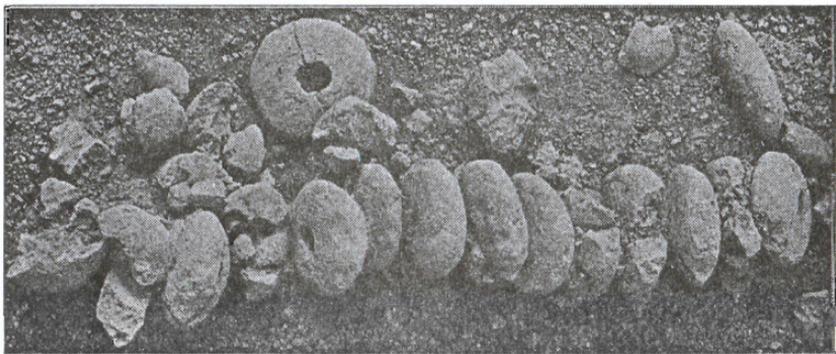
Илл. 59

Илл. 60

Илл. 61

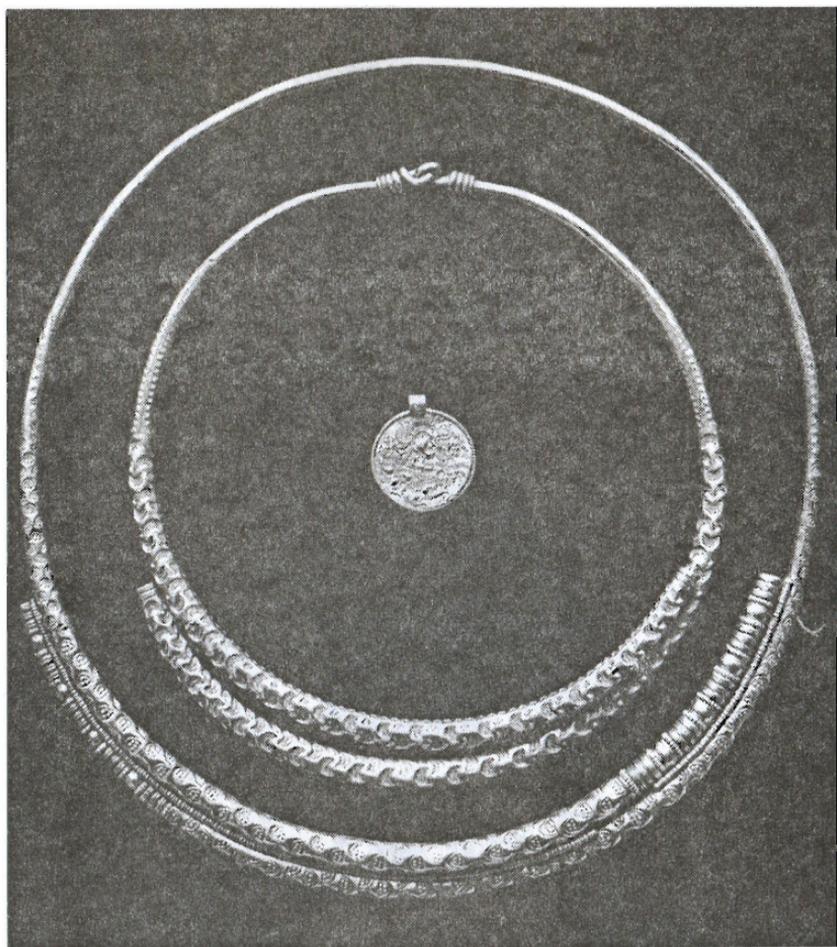
Илл. 62

Илл. 63

Илл. 64

Илл. 65

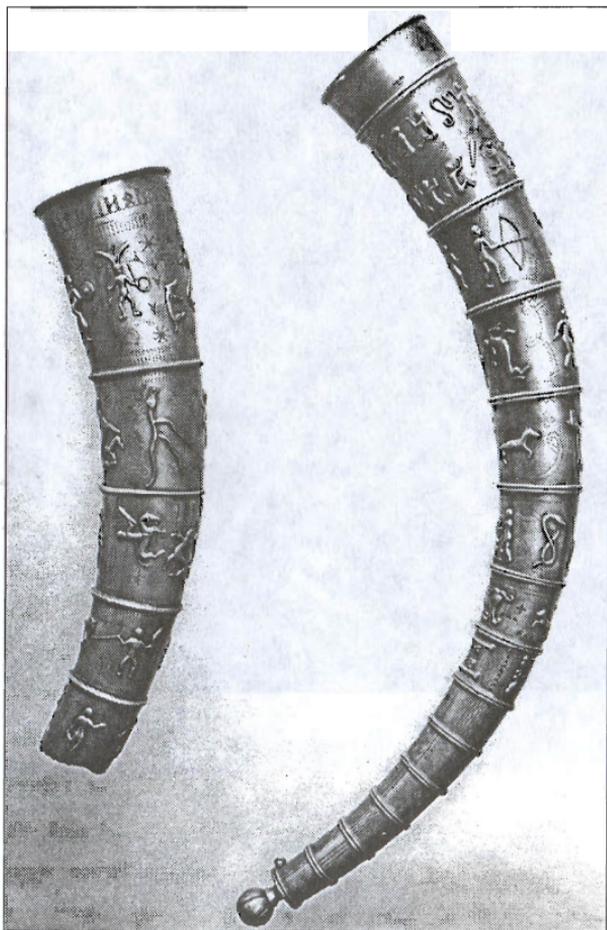
Илл. 66

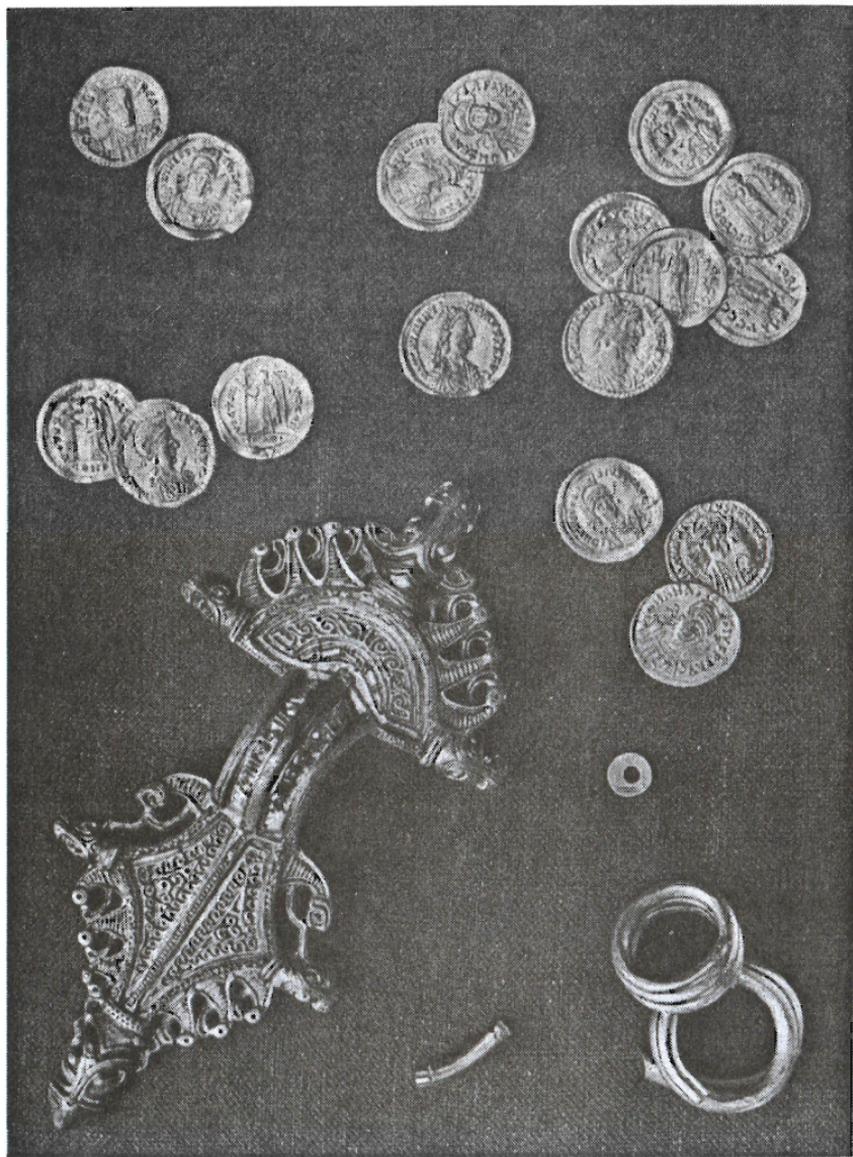
Илл. 67

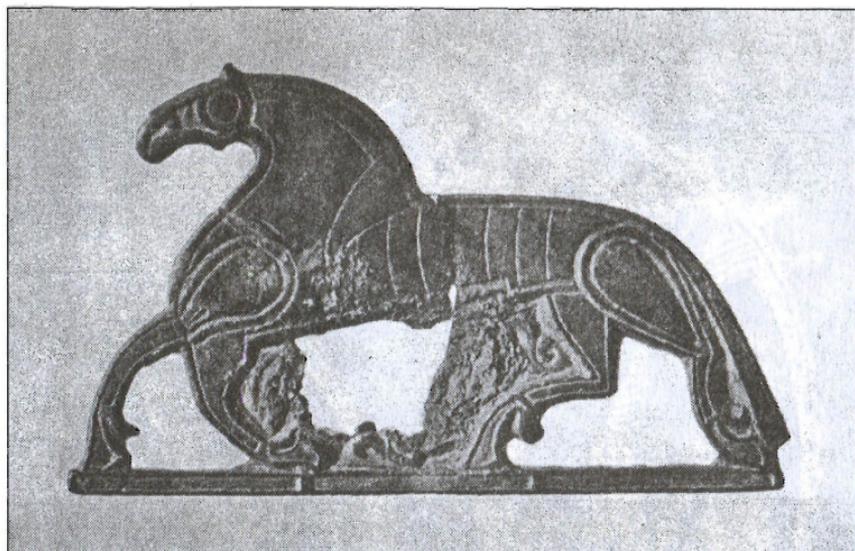
Илл. 68

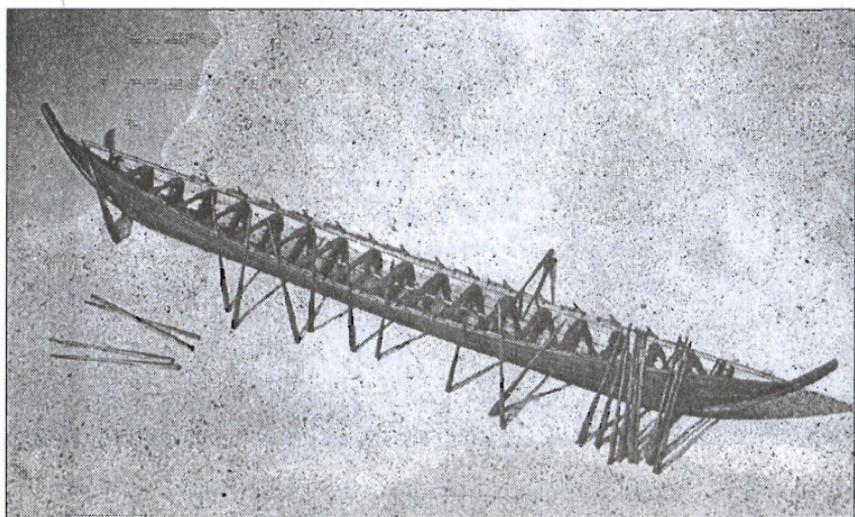
Илл. 69

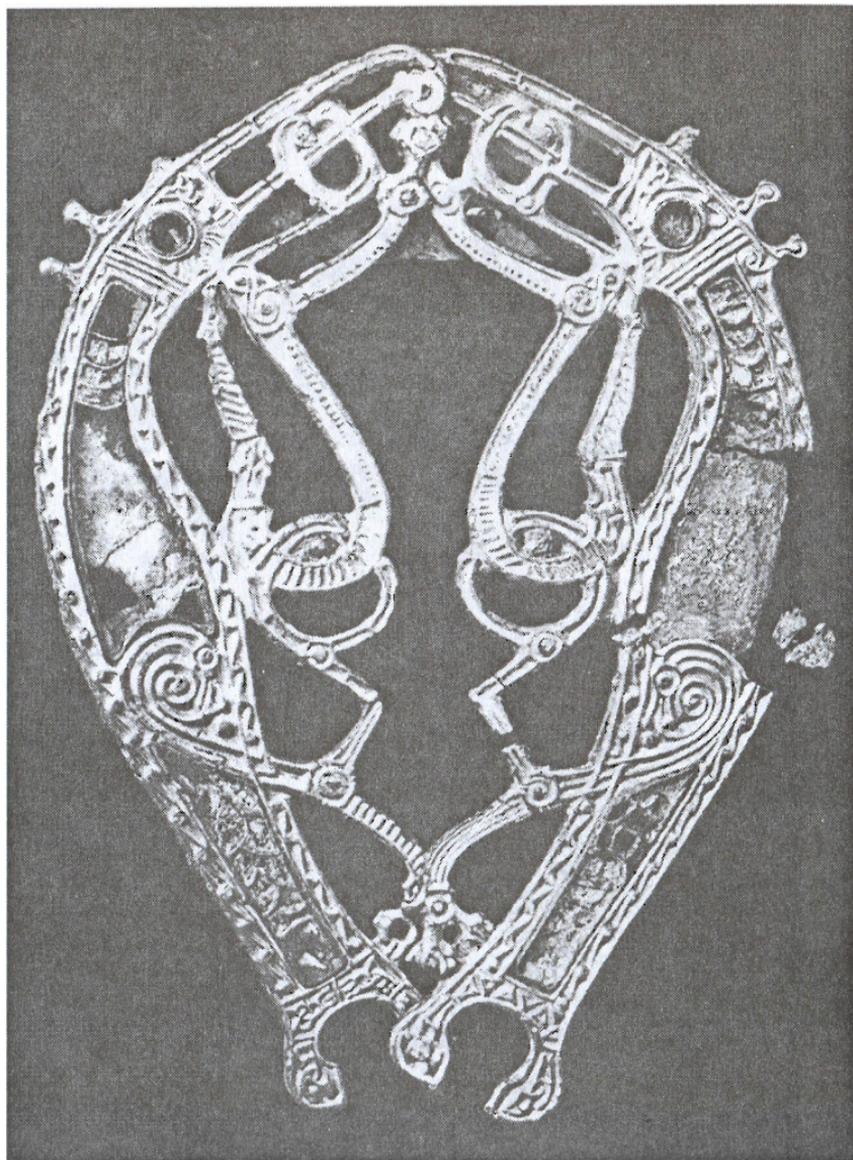
Илл. 70

Илл. 71

Илл. 72

Илл. 73

Научное издание

ОЛЕ КЛИНДТ-ЙЕНСЕН
ДАНИЯ ДО ВИКИНГОВ

Главный редактор *Чубарь В. В.*
Выпускающий редактор *Трофимов В. Ю.*
Художественный редактор *Лосев П. П.*
Корректор *Певчев В. А.*
Верстка *Капитоновой Е. А.*

ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.
Подписано в печать 25.01.2003. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 15,12. Гарнитура Baskerville.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 3920

ООО «Издательская группа «Евразия».
197343, Санкт-Петербург, ул. Земледельческая, д. 3
e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Осень — зима 2002 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ЕВРАЗИЯ»

***Представляет вниманию
отечественных читателей
следующие книги:***

В серии «СЛЮ»

Агнес Мак-Кензи

РОЖДЕНИЕ ШОТЛАНДИИ

Марселен Дефурно

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВО ВРЕМЕНА ЖАННЫ Д'АРК

Бруно Глогер

ИМПЕРАТОР, БОГ И ДЬЯВОЛ.

Фридрих II Гогенштауфен в истории и легендах

Дэвид Д. Дуглас

НОРМАННЫ:

ОТ ЗАВОЕВАНИЙ К ДОСТИЖЕНИЯМ

1050–1100 гг.

В серии «BARBARICUM»

Дитрих Клауде

ИСТОРИЯ ВЕСТГОТОВ

В серии «ПИЛИГРИМ»

Джузеппе Туччи

РЕЛИГИИ ТИБЕТА

Книга Оле Клиндт-Йенсена — выдающегося датского археолога, историка и искусствоведа — это добротное, написанное живым и образным языком научно-популярное произведение, в котором отражена драматичная и насыщенная яркими деталями архаическая история небольшой страны Северной Европы — история, доведенная автором до логического рубежа — начала эпохи викингов. Однако содержание книги и ее значение существенно выходят за пределы заявленной в названии тематики. Она удачно сочетает в себе рассказ о блестящих находках, являющихся гордостью Дании и датской науки с детальным и предельно образным воссозданием того контекста, в котором эти находки “жили” и тысячелетия назад. Надеемся, что это издание позволит отечественному читателю удовлетворить закономерный интерес к яркой и самобытной культуре архаической Дании и послужит формированию более отчетливой картины доисторического прошлого Европы и всего человечества.

ISBN 5-8071-0119-7

9 785807 101198